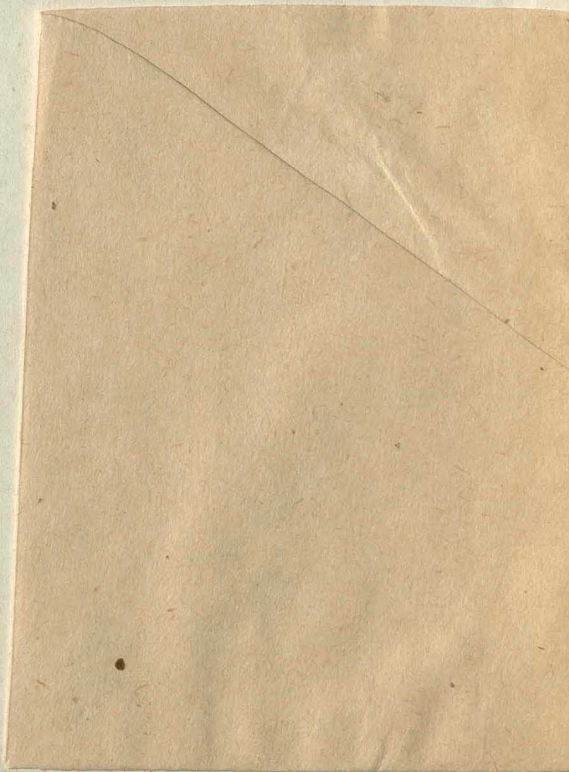

$\mathcal{S} \frac{50}{290}$

$$\begin{array}{r} 38 \\ \hline 282. \end{array}$$

$$S \frac{50}{290}$$

$$\begin{array}{r} \cancel{38} \\ \hline \cancel{282} \end{array}$$

Capobianco

5

16810

38
182

СПИРИТУАЛИЗМЪ и НАУКА.

ОПЫТНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ НАДЪ ПСИХИЧЕСКОЙ СИЛОЙ

Уильяма Крукса,

ЧЛЕНА ЛОНДОНСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА.

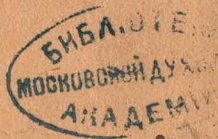
Подтвердительныя свидѣтельства химика Р. Гера,
математика А. Де-Моргана, натуралиста А. Уаллеса,
физика К. Варлея и другихъ изслѣдователей.

Удачныя и неудачныя сеансы Д. Д. Юма съ англійскими и
русскими учеными.

Съ 16-ю чертежами.

СОСТАВИЛЪ, ПЕРЕВЕЛЪ и ИЗДАЛЪ

А. АКСАКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. М. Нотомина. Невскій просп., д. № 18.
1872.

50
290

38
282

СПИРИТУАЛИЗМЪ и НАУКА.

ОПЫТНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ НАДЪ ПСИХИЧЕСКОЙ СИЛОЙ

Уильяма Крукса,

ЧЛЕНА ЛОНДОНСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подтвердительныя свидѣтельства химика Р. Гера;
математика А. Де-Моргана, натуралиста А. Уаллеса,
физика К. Варлея и другихъ изслѣдователей.

Удачные и неудачные сеансы Д. Д. Юма съ англійскими и
русскими учеными.

Съ 16-ю ЧЕРТЕЖАМИ.

СОСТАВИЛЪ, ПЕРЕВЕЛЪ и ИЗДАЛЪ

А. АКСАКОВЪ.

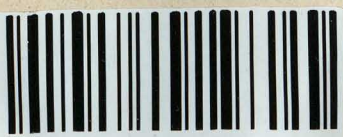
н. 3903

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. М. Котомина. Невскій просп., д. № 18.
1872.

В О С Е С О Ю З Н А Я
Б И Б Л И О Т Е К А
И М Е Н И
В. И. Л Е Н И Н А

93.493.35

2007332451

Оглавленіе.

	Стр.
Нѣсколько словъ отъ издателя.	I—XVI
«Спиритизмъ и наука», статья <i>Александра Аксакова</i> , помѣ- щенна въ № 105 «Современныхъ Извѣстій», отъ 19 ап- рѣля, 1871 г.	1
I. Несостоявшіеся сеансы Юма съ Фареемъ и Тинда- лемъ.	
Подлинная переписка сихъ ученыхъ и другихъ по этому поводу.	17
II. Неудачный сеансъ Юма съ русскими учеными и газетная правда.	
1) Потѣшный фельетонъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» № 78, 19 марта 1871 г.	45
2) Возраженіе Юма. Письмо къ редактору «Evening Standard» отъ 14 апрѣля 1871 г.	49
3) Возраженіе г. Крукса. Письмо къ редактору «Evening Stan- dard», отъ 17 апрѣля 1871 г.	50
4) Протестъ со стороны русскаго общества, помѣщенный въ № 121 «Голоса» и другихъ газетахъ	52
5) Подлинный протоколъ засѣданія ученой комиссіи для изслѣдованія происходящихъ въ присутствіи г. Юма явленій	54

III. Удачные сеансы Юма съ англійскими учеными:
Варлеемъ, Круксомъ, Гёггинсомъ и другими.

- 1) Письмо физика Варлея къ Тиндалю 66
- 2) «Спиритуализмъ въ свѣтъ современной науки». Первая
статья г. Крукса въ лондонскомъ «Научномъ Временникъ»
за июль, 1870 г. 75
- 3) «Опытное изслѣдованіе новой силы». Вторая статья г.
Крукса въ томъ же журналѣ за июнь, 1871 г. 84
- 4) «Дальнѣйшія изслѣдованія психической силы», третья
статья г. Крукса въ томъ же журналѣ за октябрь, 1871 г. 100

ПРИЛОЖЕНІЕ.

- 1) Опыты г. Крукса и критика «Знанія. 139
- 2) Выходка профессора Аллена Томсона противъ спири-
туализма. 149
- 3) Отчетъ комитета лондонскаго Діалектическаго Обще-
ства о спиритуализмѣ 161

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Брошюра эта—протестъ противъ деспотизма общественнаго мнѣнія и улика невѣжеству. Деспотизмъ убѣжденій основанъ на односторонности знанія, или, что тоже, на недостаткѣ его, на незнаніи. Этотъ деспотизмъ, это незнаніе должны быть разбиты силою фактовъ. Противъ ихъ грубой логики ничто не устоитъ, противъ ихъ не зачураешься: имъ надо уступить, ими надо заняться, ихъ требованію надо дать отвѣтъ.

Газеты наши, эти органы гласности, эти орудія свободного слова, представили недавно блестящій, но жалкій примѣръ нетерпимости по вопросу о спиритизмѣ. Право слова онѣ предоставили только себѣ самимъ и, покуда давали ему изливаться въ недостойныхъ благовоспитаннаго публициста выраженіяхъ, онѣ противникамъ своимъ зажимали ротъ. Коснулось дѣло до принциповъ, до фактовъ а priori нелѣпыхъ, невозможныхъ, и куда дѣвались восторженно превозносимые принципы новыхъ судебныхъ учреждений—адвокатуры, самозащиты, равно-

правности слова предъ судомъ. Ожесточеніе замѣчательное. И кто же издѣвается и клеймитъ? Тотъ, кто ни судьей, ни свидѣтелемъ быть не можетъ; судьи, не выдавшие ни подсудимаго, ни свидѣтелей. Такова судьба всякой новой истины, потрясающей научные афоризмы. Это гоненіе совершаетъ свой историческій путь. Негодовать нечего; надо понимать его и — протестовать.

Поучительно въ этомъ отношеніи свидѣтельство исторіи. Хотя каждый разъ, когда оно должно бы было разумить и предостеречь, оно оставалось безсильнымъ или считалось къ дѣлу не идущимъ, тѣмъ не менѣе напомнить здѣсь о немъ считаю не бесполезнымъ. Напоминаніе это я сдѣлаю словами извѣстнаго натуралиста Уаллеса, сказанными имъ также по поводу спиритическихъ явленій ¹⁾. «Я утверждаю», говоритъ онъ, «что *всякій разъ*, когда люди науки отвергали, а *priori*, факты изслѣдователями заявленные, *они всякій разъ ошибались*. Было бы достаточно сослаться на имена всесвѣтной извѣстности—Галилея, Гарвея и Дженнера; великія открытія, ими сдѣланныя, встрѣтили, какъ мы знаемъ, ожесточенное сопротивленіе со стороны всѣхъ ихъ научныхъ современниковъ, которымъ они казались нелѣпыми, невѣроятными; но мы имѣемъ одинаково поразительные примѣры гораздо ближе къ нашему времени. Когда Франклинъ представилъ Королевскому Обществу на разсмотрѣніе вопросъ о громоотводахъ, его осмѣяли, какъ мечтателя, и статья его не была допущена къ печати въ журналѣ об-

¹⁾ «Отвѣтъ на аргументы Юма (Hume), Лекки (Lecky) и другихъ противъ возможности чудесъ». Статья, публично читанная Уаллесомъ въ Лондонѣ, въ 1870 году. См. газету «Spiritualist», London, 1870, November 15, № 15.

щества «Philosophical Transactions». Когда Юнгъ (Jung) представилъ свои удивительныя доказательства въ пользу теоріи волнообразнаго движенія свѣта, она одинаково была осмѣяна, какъ нелѣпость, извѣстными учеными писателями того времени. «Эдинбургское обозрѣніе» (the Edinburgh Review) требовало, чтобъ Томасъ Грей былъ посаженъ въ домъ умалишенныхъ за то, что доказывалъ возможность желѣзныхъ дорогъ. Гомфре Деви (Humphry Devy) смѣялся при мысли, чтобъ Лондонъ могъ когда нибудь быть освѣщенъ газомъ. Когда Стефенсонъ предложилъ употребленіе локомотивовъ по Ливерпульской желѣзнодорожной дорогѣ, ученые представили доказательства, что имъ невозможно идти даже двѣнадцать миль въ часъ. Другой великій научный авторитетъ объявилъ, что никогда пароходъ не будетъ въ состояніи переплыть океанъ. Французская академія наукъ осмѣяла великаго астронома Араго, когда онъ предложилъ обсудить вопросъ объ электрическомъ телеграфѣ. Когда стетоскопъ былъ впервые изобрѣтенъ, медики осмѣяли его. Безболѣзненные операціи во время месмерическаго сна были объявлены невозможными, а потому и сочтены обманомъ» ¹⁾.

Таковую же судьбу переживаютъ теперь и такъ называемые «спиритическіе факты». Медленнымъ, но неуклоннымъ шагомъ пробиваются они себѣ путь, чтобъ занять мѣсто вопроса на очереди; и ходъ ихъ, въ двадцать лѣтъ, имѣлъ

¹⁾ См. сочиненія: *Mesmerism in India, and its practical application in surgery and medicine*, by James Esdaile, M. D. London, 1846.—*Numerous cases of surgical operations without pain in the mesmeric state, etc.* By John Elliotson, M. D. London, 1843. — Du Potet. *Traité complet du magnetisme animal*. Paris, 1856; главы: *Insensibilité magnetique. Operations chirurgicales pratiquées à Cherbourg, à Poitiers, à Calcutta et à Madras.*—Прим. издат.

успѣхъ громаднѣй. Не буду указывать на Америку, эту страну причудливыхъ сектъ и вѣрованій, гдѣ спиритуалистовъ—этихъ «глупыхъ людей», коими «хоть море пруди», миллионы ¹⁾; загляните поближе, въ Англію—эту привилегированную страну здраваго смысла, хладнокровія и консерватизма. Когда впервые появились тамъ листки и книги, возвѣщавшіе объ этихъ фактахъ и призывавшіе общество и науку приступить къ ихъ изслѣдованію, никто не ожидалъ, чтобъ, десять лѣтъ спустя, факты эти стали вторгаться въ ряды членовъ лондонскаго Королевскаго Общества—высшаго и почетнѣйшаго ученаго учрежденія Англіи; чтобъ эти ученые, печатно, за полнымъ именемъ своимъ, рѣшились свидѣтельствовать о подлинности сихъ явленій; чтобъ опыты надъ этими явленіями стали заноситься ими на страницы ученыхъ журналовъ, и, болѣе того, могли когда нибудь удостоиться чести доклада о себѣ Королевскому Обществу; чтобъ такіе замѣчательные естествоиспытатели, какъ Уаллэсъ ²⁾, не только въ статьяхъ и книжкахъ, но и на публичныхъ чтеніяхъ, имѣли смѣлость возвысить голосъ свой въ пользу реальности сихъ явленій и необходимости ихъ изученія; чтобъ, наконецъ, цѣлое общество свободныхъ изслѣдователей, подъ предсѣдательствомъ ветерана науки, Сэра Джона Лёббока, назначило отъ себя, уступая давленію общественнаго мнѣнія, особый комитетъ для изслѣдованія сихъ явленій, и чтобъ комитетъ этотъ, совершенно чуждый интересамъ спиритуализма,

¹⁾ См. «Всемирную Иллюстрацію», 1871 г., № 124, статью Dr. Faust'a, Esq. «Мистеръ Даньель Юмъ и несчастные спирты».

²⁾ О высокомъ положеніи, занимаемомъ этою личностію въ ученомъ мірѣ, см. что говоритъ «Знаніе» въ № 2, 1870 г., въ критикѣ вышедшаго въ томъ году сочиненія Уаллэса «Contributions to the theory of natural selection».

послѣ двухъ лѣтъ добросовѣстнаго занятія имъ, въ опубликованномъ отчетѣ своемъ объявилъ, что факты его—правда!

Сеансъ, данный г. Юмомъ нашимъ ученымъ, былъ съ ликованіемъ и извращеніемъ разглашенъ какъ полный фіаско, не только его самого, но и всего спиритизма. Такое сужденіе было весьма близоруко. Для спиритизма не важно, что сеансъ не удался, а важно то, что онъ состоялся: безъ достаточныхъ антецедентовъ этого не могло бы быть. Впервые ученая коммиссія сѣла за столъ вмѣстѣ съ Юмомъ, и хотя опытъ былъ неудаченъ, но плоды онъ уже принесъ. Не прошло еще трехъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ я имѣлъ случай сказать, по поводу отношенія нашей публицистики къ спиритизму, что «мы сидимъ на мели, покуда другіе идутъ впередъ и вырабатываютъ новую отрасль знанія» — и вотъ англійскій химикъ Круксъ, членъ лондонскаго Королевскаго Общества, заявляетъ ученому міру объ открытіи имъ «новой силы», усмотрѣнной имъ въ спиритическихъ явленіяхъ, изслѣдованныхъ именно въ присутствіи Юма. Г. Круксъ поступилъ точно также, какъ г. Бутлеровъ, который, убѣдившись въ дѣйствительности сихъ явленій, пригласилъ гг. ученыхъ засвидѣтельствовать эту новую силу; нашему комитету не удалось открыть ее, англійскому удалось. Причины разности въ успѣхѣхъ разъяснены самимъ г. Круксомъ, въ прилагаемой при семъ статьѣ его. Опыты имъ произведенные облакаютъ такъ называемыя «спиритическія явленія» въ достовѣрность научнаго факта, и хотя явленія эти уже не однократно подвергались изслѣдованію и свидѣтельству гг. ученыхъ, и всегда подтверждались ими, какъ читатель можетъ увидать это ниже (см. статью «Спиритизмъ и Наука»), но изслѣдованія г. Крукса замѣча-

тельны тѣмъ, что они произведены были съ извѣстнаго рода официальною, коллегіально, въ присутствіи Вице-Президента лондонскаго Королевскаго Общества, извѣстнаго физика и астронома Гёггинса, и другихъ свидѣтелей,—что отчетъ объ нихъ помѣщенъ г. Круксомъ въ издаваемомъ имъ ученомъ журналѣ «Quarterly Journal of Science» и, кромѣ того, имъ же внесенъ на разсмотрѣніе Королевскаго Общества,—чего до сихъ поръ еще никогда не бывало. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти опыты являются блестящимъ оправданіемъ сдѣланныхъ г. Юмомъ и свидѣтелями его предъ нашими учеными, барономъ Мейендорфомъ и мною, за порукою чести, публичныхъ заявленій о существованіи помянутыхъ фактовъ. То, что видѣли гг. Круксъ, Гёггинсъ, Коксъ, Варлей и другіе, видѣли въ С.-Петербургѣ почти и всѣ тѣ лица, у которыхъ г. Юмъ имѣлъ случай давать свои сеансы.

Какъ вопросъ теперь поставленъ, можно навѣрное сказать, что пройдетъ еще десятокъ лѣтъ, и не малый списокъ истинъ, сперва осмѣянныхъ наукою, потомъ ею же прославленныхъ, увеличится еще одною и, быть можетъ, неожиданною,—теперь даже немыслимою.

Но факты и теоріи—двѣ различныя вещи. Спиритическіе факты не надо смѣшивать съ спиритическими теоріями или ученіями. Первые устоятъ, вторыя могутъ исчезнуть, измѣниться.

Заявивъ себя публично сторонникомъ спиритуализма, въ томъ смыслѣ, что я засвидѣтельствовалъ дѣйствительность относящихся до него явленій, я желаю оговориться, желаю выставить ясно мое отношеніе къ вопросу. Я не проповѣдую и не защищаю никакихъ теорій, никакихъ ученій, религіозныхъ или философскихъ, связанныхъ съ

этимъ вопросомъ. Я защищаю только фактъ, потому что знаю, что онъ есть. Никакое осмѣяніе, никакая брань, ни опасеніе показаться слабоумнымъ, не могутъ заставить меня отступить отъ свидѣтельства моихъ чувствъ и моего разсудка. По моему крайнему пониманію, факты эти не поддаются объясненію какихъ либо доселѣ извѣстныхъ теорій въ физикѣ и психологіи, и я полагаю, что всякій честный человѣкъ, который не боится выступить свидѣтелемъ и отстаивать истину въ какомъ бы то ни было дѣлѣ—хотя бы въ самомъ ничтожномъ, или непопулярномъ и гонимомъ,—обязанъ доводить то, что *знаетъ* объ этихъ фактахъ, до всеобщей извѣстности.

Если такъ-называемые спиритуалисты, или спиритисты, породили такъ-называемыя спиритическія теоріи или ученія, получившія и религіозное направленіе, то это не удивительно. Въ этомъ виноваты никто другой, какъ руководители нашихъ религіозныхъ убѣжденій—духовенство, и руководители нашихъ научныхъ убѣжденій—факультеты ученыхъ, которые оставили массу справляться собственными силами и разсужденіями съ неотразимыми данными непонятныхъ фактовъ. Спиритуалисты должны по неволѣ пробавляться спиритической теоріей, которая, по отзыву профессора Де-Моргана, удовлетворительнѣе всѣхъ прочихъ; если же наука снизойдетъ до изученія сихъ фактовъ и представитъ для нихъ другое объясненіе, болѣе удовлетворительное и научное, то спиритическая теорія падетъ сама собою. Старанія осмѣять эти факты ради «духовъ», съ которыми они стали какъ бы солидарными, недостойны серьезнаго критика, или ученаго естествоиспытателя, знающаго, что почти каждая истина въ наукѣ процѣживалась сквозь рѣшето безчисленныхъ теорій и опытовъ.

Вопросъ этотъ долженъ быть изучаемъ критически, добросовѣстно, безъ предвзятыхъ убѣжденій, какъ всякій другой вопросъ нашей современной общественной жизни, обойти который молчаніемъ невозможно. Чтобъ познакомиться съ настоящимъ положеніемъ его, необходимо обратиться къ подлиннымъ, наилучшимъ матеріаламъ: опытнымъ, критическимъ изслѣдованіямъ всѣхъ фактовъ и теорій, не принимая, но и не отвергая безусловно никакой. Въ одной Америкѣ ежегодно расходится, по отзыву мѣстнаго «Книжнаго Вѣстника» ¹⁾, до ста тысячъ томовъ и брошюръ, принадлежащихъ къ литературѣ спиритуализма. Безспорно, въ литературѣ этой, какъ и во всякой другой, много хламу и всякаго вздора; до насъ, къ сожалѣнію, доходить, большею частію, одинъ вздоръ и публика имъ потѣшается. Но достаточно одного честнаго свидѣтельства, одного слова, сказаннаго человѣкомъ науки во имя опыта, чтобъ остановить на себѣ вниманіе всесторонняго искателя истины, требующаго уваженія и къ своему слову. Въ литературѣ же спиритуализма мы встрѣчаемъ не отрывочныя, не одиночныя свидѣтельства подобнаго рода, а цѣлый рядъ весьма замѣчательныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій, произведенныхъ людьми извѣстными въ литературѣ, наукѣ или по своему общественному положенію. У насъ не знаютъ ихъ. Винить, поэтому, пристрастіе нашей публицистики невозможно, и я не удивляюсь ему — оно основано на незнаніи; разсѣять это незнаніе — вотъ чего надо, ради истины, добиваться.

Что факты, о которыхъ идетъ рѣчь, у насъ вовсе не-

¹⁾ См. «the American Bookseller Guide», New York, February 1, 1871, стр. 61.

извѣстны, тому можетъ служить доказательствомъ недавно появившаяся въ журналѣ «Знаніе» статья: «Реальныя основы мистическихъ явленій», см. кн. 1 и 2. Вся статья основана на старомъ сбродѣ свѣдѣній о шаманахъ и бѣсноватыхъ, о колдунахъ и вѣдьмахъ, о жрецахъ и оракулахъ всѣхъ народовъ и странъ, преимущественно дикихъ; сюда входятъ и «бете», и «мачи», и «нэнчи», и «батши», и «ангекоки», и «мананги»; захваченъ и спиритизмъ; образцовымъ медиумомъ принимается дѣвица Вейсъ, жившая въ началѣ этого столѣтія; цитируются обычные Карданусъ и Фан-Гельмонтъ, Горстъ и Гёрресъ, Мори и Перти; и все сводится къ обычнымъ галлюцинаціямъ и усиленному нервному возбужденію; для подробностей насъ отсылаютъ, для объясненія психологическаго, къ сочиненію Гризингера «О душевныхъ болѣзняхъ», а для объясненія физиологическаго, къ сочиненію Каруса Штерне «Naturgeschichte der Gespenster» (Естественная исторія привидѣній). Такимъ образомъ, вся масса современныхъ, доступныхъ для ближайшаго наблюденія фактовъ спиритическихъ, засвидѣтельствованныхъ не въ Азіи и Африкѣ, а въ Америкѣ и Англіи, людьми весьма почтенными, и обнимающихъ всю область мистическихъ явленій, осталась для автора статьи неизвѣстною. Вотъ еслибъ онъ далъ себѣ трудъ познакомиться хотя бы со спеціальными по этой части изслѣдованіями тѣхъ ученыхъ, о которыхъ я упомянулъ въ слѣдующей за симъ статьѣ своей, и представилъ бы намъ свой критическій объ нихъ отзывъ,—то это было бы похоже на дѣйствительное, не одностороннее и не пристрастное знаніе. Впрочемъ, что я говорю? авторъ самъ заявилъ, что *касаться литературы спиритизма онъ не будетъ*, кн. 2, стр. 145. Послѣ такого категорическаго заявленія,

я позволю себѣ только провѣрить, остался ли авторъ вѣренъ своему слову? не обогатилъ ли онъ насъ дѣйствительно своими *личными* наблюденіями? оказывается, нѣтъ! Онъ на слѣдующей же страницѣ цитируетъ спиритиста Понинскаго, а потомъ идутъ опять Перти, Бастіанъ, Мори и Анна Марія Вейсъ, т. е. обычные источники литературы мистическихъ явленій. Почему же авторъ, приступая къ статьѣ своей, не сказалъ, что онъ не коснется и до *этой* литературы? Какой логикой онъ руководствовался, чтобъ *не сказать* это, трактуя о мистическихъ явленіяхъ вообще, и чтобъ *сказать*, трактуя о спиритизмѣ въ частности? Вотъ до какого щегольства невѣжествомъ можетъ доводить односторонній, псевдо-научный энтузіазмъ.

Въ заключеніе я скажу здѣсь нѣсколько словъ по поводу газетныхъ статей, возбужденныхъ пріѣздомъ Юма. Отвѣчать имъ своевременно въ тѣхъ же газетахъ было невозможно, во 1-хъ потому, что онѣ никакихъ отвѣтовъ, возраженій или поясненій не принимали; во 2-хъ, потому, что всѣ онѣ, отъ начала и до конца, свидѣтельствовали о совершенномъ незнаніи того дѣла, за которое такъ единодушно негодовали. Возражать имъ было бы точно также трудно, какъ было бы трудно грамотному говорить съ неграмотнымъ о правописаніи или синтаксисѣ. Что касается до брани, осмѣянія и неприличныхъ выходокъ, коими потѣшались нѣкоторые фельетонисты, самихъ себя изобличая, то о нихъ можно сожалѣть, какъ о проявленіи въ нашихъ публицистахъ недостатка сознанія своего собственного достоинства, но удивляться имъ нельзя, ибо все это истекало изъ того же вѣчнаго источника взякихъ ошибокъ и заблужденій—незнанія. Такъ, нѣкоторыя газеты, не обинуясь, утверждали, что Юмъ «по случаю процесса, кото-

рый онъ имѣлъ въ Лондонѣ, въ 1868 г., просидѣлъ въ тюрьмѣ за крупную, посредствомъ спиритизма справленную кражу»; тогда какъ онъ не только не былъ приговоренъ къ тюрьмѣ, но даже и судебныя издержки были возложены судомъ на противную сторону. При этомъ невольно приходится на умъ, какъ тѣ же газеты сообщали извѣстіе о томъ, что три англійскіе журнала, за напечатаніе клеветы о мужѣ знаменитой пѣвицы Женни Линдъ, были приговорены судомъ къ уплатѣ пени въ 2,000 ф. стерл., т. е. 15,000 рублей. Въ книгѣ, которую Юмъ издалъ о себѣ «Incidents in my life» (Случаи въ моей жизни), London, 1863 г., приведены, за полнымъ именемъ, свидѣтельства многихъ извѣстныхъ англійскихъ ученыхъ и литераторовъ о дѣйствительности тѣхъ странныхъ «случаевъ», коими она полна; но наши анонимные зоилы этого вѣроятно не знаютъ, или знать не хотятъ, ибо какъ же иначе объяснить такое пренебреженіе, если не къ болѣе вѣскому, то, по меньшей мѣрѣ, равноправному свидѣтельству? И знаютъ ли наши публицисты, кто взялъ на себя рекомендовать публикѣ автобіографію Юма? Никто другой, какъ весьма извѣстный англійскій ученый и литераторъ, членъ эдинбургскаго Королевскаго Общества, докторъ правъ, Робертъ Чамберсъ (R. Chambers)! Человѣкъ, которому приписывается—и, надо полагать, не безъ основанія—авторство книги, пріобрѣвшей столь громкую европейскую извѣстность «Vestiges of the Natural History of Creation», переведенную на нѣмецкій языкъ Фохтомъ, подъ заглавіемъ «Naturgeschichte der Schöpfung», и на русскій, Пальховскимъ, подъ заглавіемъ «Естественная исторія мірозданія, 1868». Вотъ та личность, которая взяла на себя написать предисловіе къ запискамъ Юма, и засви-

дѣлать совершенную искренность автора и подлинность явленій, о которыхъ онъ повѣствуетъ. Издается та же книга въ Америкѣ, и кто беретъ тамъ на себя тотъ же трудъ? Личность столь же высоко стоящая въ общественномъ мнѣніи, бывшій сенаторъ Соединенныхъ Штатовъ, потомъ членъ верховнаго апелляціоннаго суда, Джонъ Эдмондсъ. Онъ пишетъ предисловіе къ американскому изданію автобіографіи Юма, и свидѣлствуетъ о томъ же. Вотъ чего, я полагаю, наши публицисты не знаютъ.

Изъ не анонимныхъ статей, появилась въ нашихъ газетахъ только одна,—профессора Ціона, подъ заглавіемъ «Спиритизмъ предъ лицомъ науки» («С.-Петербург. Вѣдом., № 101»). Въ примѣчаніяхъ моихъ къ протоколу комиссіи (см. стр. 61—65), я уже имѣлъ случай показать несостоятельность представленныхъ г. Ціономъ объясненій, происшедшую отъ его ошибки—желанія объяснить явленія, вмѣсто того, чтобъ ограничиться констатированіемъ голыхъ фактовъ. Та же несостоятельность сужденій, вслѣдствіе другой ошибки—желанія говорить о томъ, чего не знаешь—проявилась и въ упомянутой статьѣ г. Ціона. Содержаніе ея оказалось несоотвѣтствующимъ пышному заголовку; отъ лица науки говоритъ г. Ціонъ, знакомство котораго со спиритизмомъ ограничивается тѣмъ, что одному изъ Давенпортовъ онъ, по его собственнымъ словамъ, такъ ловко надѣлъ петлю на шею, что тотъ едва не задохся, а теперь, какъ членъ ученой комиссіи, составившейся для изслѣдованія происходящихъ при Юмѣ явленій, имѣлъ случай просидѣть съ нимъ два часа и *ничего не увидать*. На этомъ основаніи онъ старается доказать, что всѣ эти явленія ничто иное какъ фокусы,

которые рушились предъ остроумнымъ приспособленіемъ стеклянаго стола и должны были рушиться вторично предъ остроумнымъ приспособленіемъ каучуковыхъ пузырей со свистульками. Но то, что остроумно, не всегда бываетъ научно; оба способа изслѣдованія, предложенные г. Ціономъ, находятся въ явномъ противорѣчьи съ научнымъ методомъ, который поступаетъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Я очень сожалѣю, что *мнѣ* приходится замѣтить это, и что онъ, отъ имени науки, взялся говорить о предметѣ, съ которымъ онъ вовсе не знакомъ; онъ даже *не видалъ* тѣхъ явленій, тѣхъ фокусовъ, которые взялся объяснить! Ужели и это научный методъ? И на основаніи этихъ-то данныхъ онъ желаетъ надоумить *видѣвшихъ*. — Не входя въ дальнѣйшій разборъ этой статьи, я ограничусь вопросомъ: Будетъ-ли согласенъ г. Ціонъ, ради «предупрежденія распространенія заразы», циркулярно сообщить химику Круксу, астроному Гёггину, физику Варлею, натуралисту Уаллэсу и другимъ ученымъ, нынѣ по видимому заразившимся, помянутую статью свою, въ которой онъ высказываетъ надежду, что «люди, имѣющіе случай попадать въ спиритскіе кружки, найдутъ въ ней много указаній, съ помощію которыхъ они съ легкостію раскроютъ суть этихъ фокусовъ?» и которую заканчиваетъ тѣмъ, что «не можетъ воздержаться отъ подачи гуманнаго совѣта адептамъ спиритизма» «прочитать для своего назиданія отрывки изъ мемуаровъ Казанова», — прощловѣковаго произведенія, пріобрѣвшаго жалкую извѣстность единственно по крайне безнравственному содержанию своему?

Еще одно слово по поводу наивнаго возгласа одной газеты (Всемирная Иллюстрація, № 124, статья Dr'a

Faust'a), которая, сбившись съ метода осмѣянія—единственно удобнаго для незнающихъ дѣла—захотѣла разсуждать, и вдругъ, обращаясь лично ко мнѣ, спросила: «мы просимъ указать намъ хотя на одну выработанную, практически полезную идею спиритизма? Хотя что нибудь»? Сказать дурака очень легко—это способъ разсужденія доступный для каждаго; но гораздо труднѣе самому удержаться въ предѣлахъ строгой критики и здравой логики. Развѣ свидѣтельствовать о дѣйствительности какого бы то ни было факта, значить обязываться сказать хотя что нибудь о пользѣ его для человѣчества? Развѣ свидѣтельствовать о дѣйствительности спиритическихъ явленій, значить превозносить и отстаивать идеи спиритизма? Гдѣ ваша логика, г. Dr. Faust? Когда васъ учили азбукѣ, могъ ли кто объяснить и доказать вамъ практичесность этого занятія, его пользу для будущаго? И вотъ эта азбука пригодилаь вамъ теперь, чтобъ дать спиритизму такое опредѣленіе: «тунеядство вдоль и поперекъ, съ примѣсю къ нему, въ крайнихъ случаяхъ, обмановъ и преступленій, вотъ единственное вѣрное, научное опредѣленіе спиритизма, сводящееся на простое фокусничество рукъ и ногъ, на травлю денегъ, на глупость людей». И вотъ та же азбука пригодится вамъ теперь, чтобъ уличить самихъ себя въ скороспѣлости сужденія, крайніе приговоры котораго, даже при обширномъ запасѣ знанія, зачастую ставятъ авторовъ въ неловкое положеніе.

Вопросъ «*cui bono*» (къ чему?) нерѣдко ставился по поводу спиритическихъ явленій; даже и Фаредей имѣлъ неосторожность сдѣлать его; поэтому нелишне будетъ дать здѣсь отвѣтъ словами знаменитаго Гершеля: «вопросъ «*cui bono*» (къ какимъ практическимъ цѣлямъ и

выгодамъ стремятся наши изслѣдованія)? есть вопросъ, который мыслитель, любящій знаніе ради самого знанія и находящій наслажденіе, какое должно находить всякое разумное существо, въ одномъ созерцаніи гармоніи и взаимной зависимости истинъ, едва ли можетъ выслушивать безъ униженія... Но если онъ и сходить съ этой чистой и высокой точки, чтобъ оправдать самого себя, свои изслѣдованія и свои наслажденія въ глазахъ окружающихъ, то ему стоитъ только указать на исторію наукъ, которая показываетъ, что умозрительныя занятія, повидимому самыя бесполезныя, на самомъ дѣлѣ и въ безчисленныхъ случаяхъ, приводили къ важнѣйшимъ практическимъ приложеніямъ... Мы не должны никогда забывать, что принципы, а не явленія, — объясненіе, а не простое знаніе фактовъ, — составляютъ предметъ изслѣдованій естествоиспытателя. Такъ какъ истина одна и тождественна, то принципъ можетъ также полно и совершенно выразиться въ самомъ простомъ и обиходномъ явленіи, какъ и въ самомъ величественномъ и необыкновенномъ... Для естествоиспытателя нѣтъ *естественнаго* предмета не важнаго и мелкаго. Изъ ничтожнѣйшаго явленія природы онъ можетъ извлечь величайшее поученіе».

Далѣе, въ главѣ «о принципахъ, на коихъ основана успѣшная разработка естествознанія», Гершель преподаетъ слѣдующее, слишкомъ быть можетъ извѣстное, но, тѣмъ не менѣе, рѣдко соблюдаемое правило, которое, поэтому, повторить здѣсь будетъ вполне уместно: «такъ какъ опытъ признанъ нами за единственный источникъ знанія природы, то отсюда слѣдуетъ, что при изученіи ея законовъ, мы должны сразу *отрѣшиться отъ вредныхъ предразсудковъ*, или, по крайней мѣрѣ, отказаться отъ

всякаго предвзятаго понятія о томъ, каковъ можетъ или долженъ быть путь природы въ каждомъ изъ предложенныхъ случаевъ. Мы должны ограничиться наблюденіемъ голыхъ фактовъ, — того, *что есть*, и смотрѣть на опытъ, какъ на единственную основу всѣхъ физическихъ изслѣдованій. Но прежде чѣмъ опытомъ можно будетъ пользоваться съ успѣхомъ, необходимо сдѣлать одинъ предварительный шагъ, вполнѣ зависящій отъ насъ самихъ—это абсолютно отрѣчься и *освободить свой умъ отъ всякихъ предубѣжденій*, изъ какого бы источника они ни происходили, и рѣшиться сперва спокойно и безстрастно наблюдать явленія, а потомъ уже дѣлать изъ нихъ строгіе, логическіе выводы». См. §§ 7, 10, 68, «Priliminary discourse on the study of Natural Philosophy», въ русскомъ переводѣ «Философія естествознанія», С.-П.етербургъ, 1868.

Александръ Аксаковъ.

23 Сентября, 1871 г.

С.-Петербургъ.

СПИРИТИЗМЪ ¹⁾ И НАУКА.

Статья Александра Аксакова, помѣщенная въ № 105 «Современныхъ извѣстій», 19 апрѣля, 1871 г.

Въ послѣднее время почти во всѣхъ газетахъ нашихъ заговорили о спиритизмѣ, или, вѣрнѣе сказать, поднялась единодушная на него брань, которая, во имя принципа, обрушилась на личности. Странная судьба этого вопроса у насъ: только противникамъ его дается право голоса, какъ во имя запрета цензурнаго, такъ и во имя запрета личнаго, наложеннаго отъ владѣльцевъ главнѣйшихъ органовъ здѣшней ежедневной печати. Мнѣ извѣстно, что недавно было представлено въ различныя редакціи здѣшнихъ газетъ нѣсколько весьма честныхъ и трезвыхъ статей по этому вопросу; но такъ какъ онѣ не были осмѣяны ими,

¹⁾ Уступая обычаю, я употребилъ здѣсь это слово, но неправильно; въ «спиритизмѣ» (разумѣя подъ этимъ французскую школу «спиритуализма» и ея развѣтвленія) науки еще нѣтъ, нѣтъ той разработки предмета, которую можно было бы назвать научною; немногія попытки въ этомъ направленіи (гг. Gasparin и Thury) остановились на полу дорогѣ. Научныя изслѣдованія, о которыхъ я говорить буду ниже, принадлежатъ Англіи и Америкѣ, гдѣ нѣтъ ни «спиритизма», ни «спиритовъ». Поэтому, указывая на изслѣдованія произведенныя именно въ этихъ странахъ, нѣтъ надобности давать предмету имя, котораго онъ тамъ не носитъ, и вотъ почему я сборникъ этотъ озаглавилъ «Спиритуализмъ и Наука».

то редакціи на отрѣзъ отказались отъ ихъ принятія, изъ опасенія самимъ подвергнуться осмѣянію; этимъ путемъ онѣ безспорно угождали большей части публики, но не истинѣ. Я готовъ, однакожъ, допустить, что, по личному убѣжденію своему, онѣ думали служить и публикѣ, и истинѣ. Но есть истина сужденій, и истина фактовъ. Нельзя требовать, чтобъ сужденіе о фактахъ было всюду одинаково, но можно желать, чтобъ въ основѣ сужденій было знаніе фактовъ, знаніе дѣла; нельзя требовать, чтобъ всякій имѣлъ это знаніе, чтобъ факты случайно, неумышленно, не извращались; но можно желать, чтобъ всякая газета, огласившая факты невѣрные, не отказывалась исправить ихъ согласно показанію свидѣтелей или по другимъ достовѣрнымъ источникамъ. А когда и этого нѣтъ, тогда что сказать, что допустить?.... Но я еще не утратилъ вѣры въ свободу честнаго слова на Руси! Я дѣлаю попытку поискать на почвѣ болѣе самостоятельной возможность сказать нѣсколько словъ въ защиту истины.

«Ученѣйшій человѣкъ, говоря о томъ чего не знаетъ, говоритъ безумно для того, кто видитъ его невѣжество». Такъ выразился одинъ извѣстный ученый, когда сила фактовъ вынудила его сознаться въ своемъ «ученомъ невѣществѣ». На эту тему намѣренъ я теперь сказать нѣсколько словъ и показать, какъ мало знаютъ и понимаютъ наши публицисты то дѣло, о которомъ они такъ самоувѣренно толкуютъ, износя безапелляціонныя рѣшенія. Они настолько отстали, что въ фактахъ спиритизма видятъ одно фокусничество, а въ ученіи его одного Кардека. Оставимъ на этотъ разъ Кардека и книги его, вполне заслуживающія тѣхъ нападокъ, коимъ онѣ подвергаются, въ сторонѣ; онъ, какъ истый французъ, захотѣлъ тотчасъ учить, когда надо

было еще учиться, и сдѣлался смѣшнымъ ¹⁾); скажу мимоходомъ, что тамъ гдѣ спиритуалисты считаются милліонами, а литература ихъ сотнями томовъ, т. е. въ Америкѣ и Англіи, извѣстно одно лишь имя Кардека, а не книги его. Я желаю здѣсь указать только на тотъ фактъ, что не было еще ни одного ученаго, который, изслѣдовавъ спиритическія явленія, не говорю уже лично, но даже литературно, остался при томъ понятіи, что это фокусы; въ доказательство моего положенія приведу подлинныя слова нѣсколькихъ ученыхъ, болѣе спеціально занявшихся изученіемъ этого предмета и авторитетъ которыхъ можетъ, поэтому, имѣть болѣе вѣса. Кто захочетъ оспаривать мое положеніе, тотъ пусть опровергнетъ слѣдующія за симъ свидѣтельства равносильными.

Первый изъ ученыхъ, который имѣлъ добросовѣстность приступить къ изслѣдованію спиритическихъ явленій и смѣлость обнародовать добытые имъ результаты, былъ американскій химикъ Робертъ Геръ (Robert Hare), профессоръ Пенсильванскаго университета; что эта личность не темная, о томъ читатель можетъ справиться въ различныхъ словаряхъ, какъ-то: *Men of the time. London. 1857*; *New American Cyclopaedia, by Ripley and Dana, New York, 1858*; *Vapereau, Dictionnaire des Contemporains, Paris, 1861*; *Poggendorf, Biographisch — litterarisches Handwörterbuch, Leipzig, 1863*, и т. п. Въ обширномъ сочиненіи его «Опытное изслѣдованіе о духовныхъ проявленіяхъ» (*Experimental investigation of the spirit ma-*

¹⁾ Т. е. для тѣхъ, которые знать не хотятъ фактовъ спиритизма; а для тѣхъ, которые и хотѣли бы познакомиться съ ними, не представилъ достаточныхъ данныхъ для научнаго или критическаго изслѣдованія ихъ.

nifestations, New York, 1855) ¹⁾ изображены и всѣ тѣ снаряды, имъ построенные, при помощи коихъ онъ производилъ свои наблюденія и пришелъ къ убѣжденію, что въ этихъ проявленіяхъ дѣйствительно участвуетъ сила до сихъ поръ невѣдомая. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности сихъ опытовъ; но вотъ нѣсколько словъ изъ письма, адресованнаго имъ, въ 1855 г., предсѣдателю Американскаго Общества для преуспѣянія науки: «М. Г. Занимаясь изготовленіемъ одного сочиненія своего къ печати, я сожалею, что не могу присутствовать на собраніи Общества, имѣющемъ быть 15 сего августа. Когда я былъ на послѣднемъ собраніи, я имѣлъ честь представить отчетъ объ опытѣ, произведенномъ мною съ величайшимъ стараніемъ и точностію, доказывающемъ существованіе силы независимой отъ всякаго возможнаго человѣческаго содѣйствія, и по этому поводу, я имѣлъ случай испытать ту же судьбу, какъ и голландскій посланникъ, который впервые познакомилъ царя Бирманской имперіи съ тѣмъ фактомъ, что водяныя массы могутъ замерзать до того, что по ихъ поверхности ходятъ, какъ по твердому тѣлу. Такое заявленіе было приписано, въ томъ и другомъ случаѣ, умственному разстройству. Но пусть никто не увлекается лстивымъ убѣжденіемъ, что подобная діагноза была порождена моею галлюцинаціей, а не фанатическимъ невѣжествомъ. Съ того времени, фактъ разумнаго движенія предметовъ, безъ всякаго видимаго или допустимаго человѣческаго содѣйствія, былъ сотни разъ засвидѣтельствованъ другими;

¹⁾ Въ нынѣшнемъ году вышелъ нѣмецкій переводъ этого сочиненія, подъ заглавіемъ «Experimentale Untersuchungen über die Geister-Manifestationen, Leipzig, Wagner, 1871». Цензурою нашею онъ разрѣшенъ и продается въ книжномъ магазинѣ Исакова.

59
36
23

подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ онъ также повторялся неоднократно... Два года тому назадъ я держался Фареевскаго объясненія сихъ проявленій, ошибочно приписывая ихъ невольному мышечному дѣйствію. Это произошло отъ того, что я, подобно этому философу, не допускалъ даже никакой мысли о возможности какого-либо другаго духовнаго дѣятеля въ явленіяхъ природы, кромѣ самого Божества; но, будучи вынужденъ признать факты, засвидѣтельствованные др. Беллемъ, и получивъ интересныя и разумныя сообщенія — явленіе Фарееемъ не изслѣдованное — я не могъ, подобно ему, остановиться на полудорогѣ; не остановился бы и онъ въ виду подобнаго факта» (См. стр. 431 помянутаго сочиненія). Въ предисловіи своемъ къ нему Геръ, между прочимъ, говоритъ: «Опыты, произведенные мною въ изслѣдованіи моемъ о спиритуализмѣ, съ полною точностію и не малымъ трудомъ, подверглись самымъ унижительно предположеніямъ о неспособности моей изобличить обманъ со стороны употребленныхъ мною медіумовъ. Еслибъ мои изслѣдованія привели меня къ противоположному заключенію, то ихъ стали бы преувеличенно превозносить, вслѣдствіе моей опытности, какъ научнаго, полувѣковаго изслѣдователя. А теперь, въ упоръ моему личному свидѣтельству, прибѣгаютъ къ самымъ смѣшнымъ догадкамъ о недостаткѣ моей осторожности или осмотрительности, какъ къ единственному средству, чтобъ уклониться отъ прямаго, честнаго заключенія.»

Восемь лѣтъ спустя, извѣстный математикъ и писатель, профессоръ лондонскаго университета, Де-Морганъ (Augustus De Morgan) обнародовалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Отъ матеріи къ духу. Результатъ девятилѣтняго*

изслѣдованія о духовныхъ проявленіяхъ. Сочиненіе С. D. съ предисловіемъ А. В (*From matter to spirit, the result of ten years' experience in spirit manifestations. By C. D. with a preface by A. B. London, Longmans. 1863*). Текстъ этой книги написанъ женою Де-Моргана, а предисловіе имъ самимъ; ниже я буду имѣть случай доказать это; а что профессоръ Де-Морганъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ ученыхъ въ области положительныхъ наукъ, въ этомъ читатель можетъ достаточно удостовѣриться изъ упомянутыхъ мною выше справочныхъ книгъ и въ особенности изъ *English Cyclopaedia, conducted by C. Knight, London, 1856, vol. II*. Вотъ что, между прочимъ, онъ говоритъ въ своемъ предисловіи: «Я совершенно убѣжденъ, что слышалъ и видѣлъ, при такихъ условіяхъ, гдѣ невѣрію не можетъ быть мѣста, явленія, называемыя духовными, которыя, для существа разумнаго, не могутъ быть объяснены ни обманомъ, ни случаемъ, ни заблужденіемъ. Настолько я слышу твердую почву подъ собой; но когда дѣло доходитъ до причины сихъ явленій, то я, съ своей стороны, не могу принять ни одно изъ представленныхъ доселѣ объясненій. Еслибъ я долженъ былъ выбирать изъ того, что мнѣ понятно, то сказалъ бы, что тутъ есть какое-то дѣйствіе какого-то сочетанія воли, разума и физической силы, которое не принадлежитъ ни одному изъ присутствующихъ человѣческихъ существъ; но допустивъ, что весьма правдоподобно, что вселенная содержитъ не мало дѣятелей (*agencies*), положимъ полмилліона, о которыхъ человѣкъ не имѣетъ никакого понятія, я не могу не предположить, что небольшая часть сихъ дѣятелей, положимъ пять тысячъ, можетъ быть достаточно для произведенія всѣхъ помянутыхъ явленій. Физическія объясненія, которыя

мнѣ приходилось слышать, легки, но до жалости недостаточны (*miserably insufficient*); духовная гипотеза достаточна, но представляет громадные трудности... Спиритуалисты, безъ всякаго сомнѣнія, стоятъ на томъ пути, который велъ ко всякому прогрессу въ физическихъ наукахъ; ихъ противники служатъ представителями тѣхъ, которые всегда ратовали противъ прогресса... Осмѣянные «спиритисты» идутъ, какъ я сказалъ, по правому пути: они проникнуты духомъ и методомъ того великаго времени, когда чрезъ непроходимыя дебри были прорублены тѣ просѣки, которыя нынѣ обратились въ мѣста ежедневной прогулки. Въ чемъ состоялъ этотъ духъ? Это былъ духъ всеобщаго изслѣдованія, нисколько не останавливавшагося предъ страхомъ улики въ изслѣдованіи нелѣпости... Весь вопросъ этотъ можетъ подвергнуться такимъ настойчивымъ изысканіямъ, которыя выслѣдятъ всю истину, или онъ можетъ затихнуть, вызвавъ только случайныя замѣтки, покуда новый взрывъ явленій не напомнитъ объ его исторіи въ наши дни. Но это затишье, повидимому, и не начинается. Вотъ уже двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, какъ вездѣ говорятъ объ этомъ вопросѣ; въ продолженіи этого времени неоднократно заявляли, что «духоманія» окончательно угасла; но, во многихъ случаяхъ, какъ въ сказкѣ Тома Мура, сами гасильники загорались. Еслибъ она была той нелѣпостью, которою ее такъ часто величаютъ, то она принесла бы много пользы, обративъ вниманіе на «проявленіе» другой нелѣпости — философіи возможностей и невозможностей» (Стр. предисловія V—VI, XVIII—XX, XCIV—XCV) ¹⁾.

¹⁾ По выходѣ этой книги, многіе обращались къ профессору Де-Моргану съ вопросами: ужели это правда? ужели онъ писалъ это?

4 Вскорѣ затѣмъ, извѣстный англійскій естествоиспытатель Уаллэсъ, въ свою очередь, имѣлъ случай убѣдиться въ подлинности духовныхъ проявленій и мужество печатно заявить о томъ особой книжкой, подъ заглавіемъ: *Сверхъестественное съ точки зрѣнія науки* (Alfred Russel Wallace. *The scientific aspect of the supernatural*. 1867,

Вотъ, между прочимъ, отвѣтъ его, писанный въ апрѣлѣ, 1864 г., г. Полю (Joseph Paul, F. R. G. S.), одному англійскому ученому, поставленному въ недоумѣніе подобными же фактами:

«Любезный Г. Поль! Я совершенно убѣжденъ, что явленія подобныя тѣмъ, которыя вы описываете, подлинны, и это на основаніи того, что я самъ видѣлъ и слышалъ, и что было доказано мнѣ, внѣ всякаго сомнѣнія. Откуда они происходятъ, этого я не знаю. Физическія явленія, вами описываемыя, внѣ всякаго объясненія; но могутъ быть физическія силы, о которыхъ мы и понятія не имѣемъ. Умственные же явленія несравненно болѣе трудны; тутъ должна быть замѣшана, на сколько мы можемъ судить, какая то невидимая разумная сила. Духъ или не духъ, но, во всякомъ случаѣ, содержащееся въ умѣ прочитывается чѣмъ-то внѣ этого ума.

«Преданный вамъ А. Де-Морганъ».

(См. «Spiritual Magazine» июль, 1868).

Вотъ другое письмо, отъ 3 апрѣля, 1868 г., къ г. Tietkens'у, Esq.:

«М. Г. Никогда не было секретомъ, что книга «Отъ матеріи къ духу» написана моею женою, а предисловіе мною самимъ. Въ эти послѣдніе годы Лонгманъ (издатель), кажется, опубликовалъ наши имена. Я ручаюсь, разумѣется, за факты подробно изложенные въ концѣ предисловія; нѣкоторые, упомянутые въ книгѣ, мнѣ лично извѣстны, и почти о всѣхъ другихъ могу засвидѣтельствовать, что я слышалъ о нихъ еще за долго до печати.

«Вашъ А. Де-Морганъ.»

(См. «Human. Nature», ноябрь, 1868 г.).

Въ лондонскомъ журналѣ «Nature», издаваемомъ астрономомъ Лоскуер'омъ, помѣщенъ очеркъ дѣятельности и значенія Де-Моргана не только какъ профессора, но и какъ математика, философа и историка. Къ болѣе извѣстнымъ сочиненіямъ его принадлежатъ: «Диф-

London, 282, Strand). Что и г. Уоллэсъ личность не темная въ ученомъ мірѣ, въ этомъ читатель легко можетъ убѣдиться изъ недавно изданной въ Германіи брошюры, *Charles Darwin und Alfred R. Wallace. Ihre erste Publicationen uber die Entstehung der Arten*. 1870, Erlangen, Befold, авторъ которой, *Dr. Meyer*, поставилъ себѣ задачею познакомить нѣмецкую публику съ тѣмъ фактомъ, что Уоллэсъ имѣетъ такое же право на знаменитую теорію «происхожденія видовъ», какъ Дарвинъ. Въ этой же брошюрѣ помѣщенъ подробный перечень всѣхъ ученыхъ сочиненій Дарвина и Уоллэса ¹⁾. О недавнемъ сочиненіи сего послѣдняго, *The Malay Archipelago*, London, 1869, была помѣщена подробная статья въ *Revue des deux mondes* за октябрь 1869 г. Вотъ какими словами Уоллэсъ заключаетъ ту книгу свою, которая относится до настоящаго вопроса: «Заканчивая эти неполныя объясненія предмета, кото-

ференціальное и интегральное исчисленіе», «Опытъ о вѣроятностяхъ», «Формальная логика», «Бюджетъ парадоксовъ». Онъ занималъ въ продолженіи почти сорока лѣтъ кафедру математики въ лондонскомъ университетѣ, переименованномъ въ послѣдствіи въ университетскій коллегіумъ, и въ продолженіи осмнадцати лѣтъ былъ секретаремъ Королевскаго Астрономическаго Общества. Онъ умеръ въ этомъ году. Профессоръ В. Томсонъ, предсѣдатель Великобританскаго Общества для преуспѣянія науки, во вступительной рѣчи своей при открытіи годоваго засѣданія общества въ Единбургѣ, говоря объ утратѣ понесенной въ истекшемъ году великобританскою наукою въ лицѣ Джона Гершеля, упоминаетъ и о Де-Морганѣ, какъ одномъ изъ ея представителей. См. «Nature», 23 марта и 3 августа, 1871 г.

¹⁾ Въ этотъ перечень не могло войти только что вышедшее новое сочиненіе его «Contributions to the Theory of Natural Selection», переведенное на французскій г. Lucien De Candole'емъ и подробный разборъ котораго читатель можетъ найти въ статьѣ г. Claparede'a, въ «Archives des Sciences de la Bibliotheque Universelle», за іюнь, 1870 г.

См. отвѣтъ Уоллэса въ журналѣ «Nature», № 53.

рый до сихъ поръ лежитъ подъ заклѣтѣмъ людей науки, я нисколько не думаю и не желаю обратить хотя кого-либо. Мое единственное желаніе было показать, что тутъ есть предметъ для изслѣдованія; показать, что этотъ вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые можно продолжать презрительно осмѣивать, какъ недостойный никакого вниманія. Я такъ увѣренъ въ истинѣ и объективной реальности многихъ фактовъ, мною здѣсь разсказанныхъ, что я готовъ весь этотъ вопросъ отдать на судъ любого человѣка науки, желающаго дойти до истины, и согласнаго, *до произнесенія своего сужденія*, посвятить для изслѣдованія сихъ явленій два или три часа въ недѣлю, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; ибо, я повторяю опять, я не знаю ни одного человѣка, который, сдѣлавъ это, не убѣдился бы въ дѣйствительности сихъ явленій. И потому, въ заключеніе, я утверждаю, что обратимъ ли мы вниманіе на великое множество и высокій характеръ людей, примкнувшихъ къ спиритуализму, на огромное количество и подлинность его фактовъ, или на благородное ученіе о будущемъ бытіи, которое изъ нихъ вырабатывается, въ томъ и другомъ случаѣ, вопросъ о такъ называемомъ сверхъестественномъ, развивающійся изъ явленій животнаго магнетизма, ясновидѣнія и современнаго спиритуализма, есть достояніе опытной науки, которое должно значительно пособить нашему знанію объ истинной природѣ и высшихъ интересахъ человѣка; и требуетъ, поэтому, честнаго и всесторонняго изслѣдованія.»

Въ 1868 году, по случаю процесса, который Юмъ имѣлъ тогда въ Лондонѣ, въ числѣ допрошенныхъ лицъ было нѣсколько ученыхъ и литераторовъ, которые показали подъ присягой, что знаютъ Юма за человѣка вполне

честнаго, и что явленія, совершающіяся въ его присутствіи, никакъ не могутъ приписатьъ фокусамъ. Одно изъ такихъ показаній, принадлежащее извѣстному физику Варлею, я, вслѣдъ за симъ, привожу: «Я, Кромуель Флитвудъ Варлей (Cromwell Fleetwood Varley), изъ Бекенгама, въ графствѣ Кентъ, дворянинъ, даю слѣдующее клятвенное показаніе: Въ продолженіи двадцати шести лѣтъ я занимаюсь изученіемъ электричества, химіи и натуральной философіи; въ продолженіи двадцати одного года я состою въ званіи телеграфнаго инженера и въ качествѣ совѣщательнаго физика, при Атлантическомъ телеграфномъ и также Электрическомъ международномъ обществахъ. Десятъ или десять лѣтъ тому назадъ, вниманіе мое было обращено на вопросъ о спиритуализмѣ вслѣдствіе неожиданнаго обнаруженія нѣкоторыхъ его феноменовъ въ собственномъ семействѣ моемъ; почему я и рѣшился, на сколько достанетъ моихъ силъ и умѣнья, изслѣдовать истину такъ называемыхъ физическихъ проявленій этого разряда и уяснить, если возможно, свойство той силы, которая производитъ ихъ. Согласно сему, я отправился къ г. Юму и сказалъ ему, что я не видалъ еще никакихъ физическихъ проявленій этого рода, но что я, какъ человѣкъ науки, хотѣлъ бы подвергнуть ихъ тщательному изслѣдованію. Онъ, желая, чтобъ я вынесъ полное убѣжденіе, тотчасъ же далъ мнѣ всякую къ тому возможность. Я наблюдалъ и пыталъ эти явленія съ нимъ и другими медиумами, при условіяхъ, мною самимъ поставленныхъ, при яркомъ свѣтѣ, послѣ самаго строгаго и подробнаго осмотра. Въ послѣдствіи, я провелъ семь мѣсяцевъ въ Америкѣ, гдѣ вопросъ этотъ обращаетъ на себя много вниманія и разрабатывается нѣкоторыми изъ способнѣйшихъ людей;

изслѣдовавъ эти явленія при помощи электричества и магнетизма, сравнивъ ихъ съ этими силами и провѣривъ ихъ различными механическими и умственными средствами, я не имѣю болѣе никакого сомнѣнія, что явленія, мною самимъ видѣнныя, не могли быть произведеніемъ какого бы то ни было извѣстнаго намъ физическаго дѣятеля, и что въ случаяхъ, выше помянутыхъ, участвовала какая-то разумная сила, иная, чѣмъ принадлежавшая медиуму и наблюдателямъ... Г. Юмъ, какъ и многіе другіе не публичные медиумы, которыхъ я имѣлъ случай изучать, былъ пассивенъ во время происходившихъ проявленій. Онъ, какъ и другіе медиумы, крайне воспріимчивъ къ внѣшнимъ явленіямъ, и по умственному складу своему болѣе способенъ къ воспріятію впечатлѣній, чѣмъ къ производству наблюдений. Я охотно свидѣтельствую о моемъ полномъ убѣжденіи въ его искренности и честности. *К. Ф. Варлей*». Подлинное показаніе читатель можетъ найти въ газетахъ того времени: *Eastern Post*, и другихъ. Понятно, что подобныя показанія возбудили въ Лондонѣ не мало толковъ; извѣстный Тиндаль выразилъ по этому поводу, въ письмѣ своемъ къ Уаллэсу, желаніе, чтобъ одинъ изъ ученыхъ ¹⁾ свидѣтелей Юма указалъ ему

¹⁾ Вотъ имена нѣкоторыхъ другихъ свидѣтелей: Робертъ Чамберсъ (Robert Chambers, D. C. L.), извѣстный юристъ и литераторъ; Джеральдъ Массе (Gerald Massey), литераторъ, поэтъ; докторъ медицины Геллей (J. M. Gully), основатель извѣстнаго терапевтическаго заведенія въ Молвернѣ; адвокатъ и писатель Голль (Samuel Carter Hall) и весьма извѣстная писательница, жена его, Анна Марія Голль; адвокатъ и писатель В. М. Вилькинсонъ. Братъ его, докторъ медицины, Джемсъ Вилькинсонъ (James John G. Wilkinson), весьма извѣстный ученый и писатель, издалъ объ Юмѣ даже особую брошюрку, подъ заглавіемъ «Вечера съ г. Юмомъ» (Evenings with Mr. Home). См. о всѣхъ этихъ именахъ «Allibone, Dictionary of authors».

хотя на два факта, на которые онъ могъ бы положиться; Уэллэсъ передалъ это письмо Варлею, который, вслѣдствіе того, въ пространномъ письмѣ къ Тиндалю, изложилъ тѣ факты, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ у себя на дому, въ присутствіи Юма. Письмо это читатель найдетъ въ лондонскомъ журналѣ *Spiritual Magazine*, за іюль 1868 г. ¹⁾; а что г. Варлей занимаетъ въ ученomъ мѣрѣ не послѣднее мѣсто, это читатель можетъ увидать изъ статьи о его системѣ трансатлантической телеграфіи, помѣщенной въ *Année Scientifique, par Figuiet*, за 1870 г. ²⁾.

Упомяну, на послѣдокъ, еще объ одномъ ученomъ, который только что приступилъ къ изученію спиритическихъ явленій. Извѣстный англійскій химикъ Круксъ (William Crookes, F. R. S.), издатель журналовъ *Chemical News* и *The Quarterly Journal of Science*, помѣстилъ въ прошлогоднемъ іюльскомъ номерѣ сего послѣдняго статью свою подъ заглавіемъ: *Спиритуализмъ въ свѣтъ современной науки* ³⁾. Вотъ что, между прочимъ, онъ тутъ говоритъ: «Я того убѣжденія, что всякій человѣкъ науки, привыкшій къ точнымъ методамъ знанія, обязанъ изслѣдовать явленія, обращающія на себя вниманіе публики, и это съ тою цѣлью, чтобы подтвердить ихъ подлинность, или разсѣять, если возможно, заблужденія честныхъ людей и изобличить продѣлки обманщиковъ. Человѣкъ можетъ, по истинѣ, быть научнымъ человѣкомъ, и всетаки соглашаться съ профессоромъ Де-Морганомъ, когда онъ говоритъ: «Я слышалъ и видѣлъ» и т. д. (см. выше цитатъ изъ приведеннаго мною

¹⁾ Оно переведено цѣликомъ въ этомъ сборникѣ.

²⁾ Въ нынѣшнемъ году, по предложенію Тиндала, онъ избранъ въ члены Лондонскаго Королевскаго Общества.

³⁾ Ниже читатель найдетъ полный переводъ этой статьи.

безымяннаго предисловія его)... «Что нѣкоторыя физическія явленія, какъ-то движенія вещественныхъ предметовъ и произведеніе звуковъ, походящихъ на электрическія разряженія, имѣють мѣсто при такихъ условіяхъ, при которыхъ они не могутъ быть объяснены никакимъ физическимъ доселѣ извѣстнымъ закономъ, это фактъ, который для меня такъ же достовѣренъ, какъ самый элементарный фактъ въ химіи. Все научное воспитаніе мое было однимъ долгимъ урокомъ точности въ наблюденіи, и я желаю, чтобы было ясно понято, что это твердое убѣжденіе мое есть результатъ самаго тщательнаго изслѣдованія. Въ настоящее время, явленія, которыя я видѣлъ, не поддаются никакому объясненію; то же самое можно сказать и о явленіяхъ мысли, которыхъ ни одинъ философъ еще не объяснилъ, но никто, однакожъ, не отрицаетъ». Изъ переписки, которая возникла по этому случаю между Варлеемъ и Круксомъ, я приведу здѣсь только слѣдующія строки сего послѣдняго: «Я уже получилъ не мало писемъ, какъ отъ спиритуалистовъ, такъ и отъ извѣстныхъ въ наукѣ личностей, которыя всѣ высказываютъ свое удовольствіе по поводу того, что я занялся этимъ предметомъ, и настаиваютъ, чтобъ я продолжалъ изслѣдованіе свое. По правдѣ, я былъ пріятно изумленъ, встрѣтивъ одобреніе и поддержку со стороны столькихъ людей науки, а также и сочувствіе со стороны тѣхъ добрыхъ пріятелей, которыхъ я имѣю въ средѣ спиритуалистовъ». Подлинникъ читатель найдетъ въ № 11 издающейся въ Лондонѣ газеты *The Spiritualist*.

Пока довольно. Подобныхъ цитатъ я могъ бы привести еще не мало; но полагаю, что и этихъ достаточно, чтобы доказать, что публицисты наши пишутъ, подъ часъ, очень бойко и рѣшительно, чтобы не сказать хуже, о томъ, чего

не знают и не понимают. Еслибъ подобная поспѣшность дѣлала смѣшными только ихъ самихъ, то бѣда была бы еще не велика; но, къ сожалѣнію, они, въ качествѣ коноводовъ, увлекаютъ за собою и публику, которая, вѣря ихъ добросовѣстности, становится невольною жертвою своего легковѣрія и ихъ невѣжества. Съ подобными коноводами мы сидимъ на мели, когда другіе идутъ впередъ; мы само-довольно тѣшимся отрицаніемъ и глумленіемъ, когда другіе вырабатываютъ новую отрасль знанія; и вмѣсто того, чтобъ и намъ своевременно внести въ нее свою долю труда и критики, мы только подберемъ, послѣ всѣхъ, добытое чужими руками! ¹.

Переходя отъ общаго къ частному, скажу, что ни

¹) Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 112, мы читаемъ: «Г. Аксаковъ помѣстилъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» цѣлую статью подъ заглавіемъ «Спиритизмъ и Наука», гдѣ науки никакой нѣтъ, а вздоръ много. Вздоръ этотъ оканчивается по истинѣ навнымъ восклицаніемъ, внушеннымъ нашему соотечественнику приговоромъ надъ Юмомъ петербургскихъ ученыхъ: «Съ подобными коноводами мы сидимъ на мели, и пр.». Изъ словъ «С.-Петерб. Вѣдом.» слѣдуетъ понять, что слова мои «съ подобными коноводами» относятся до петербургскихъ ученыхъ; но изъ текста совершенно ясно, что слова мои относятся не до петербургскихъ *ученыхъ*, о которыхъ и рѣчи не было во всей статьѣ, а до петербургскихъ *публицистовъ*, къ органамъ которыхъ принадлежатъ, разумѣется, и сами «Петербургскія Вѣдомости». Кромѣ того, я не могъ говорить о «приговорѣ надъ Юмомъ петербургскихъ ученыхъ», когда его еще не было въ печати, какъ это видно изъ послѣднихъ словъ статьи моей и сопоставленія чиселъ. Какъ называется подобное обращеніе съ чужимъ словомъ скажетъ самъ читатель. Что же касается до меня, то я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ заявить здѣсь, что, съ своей стороны, я могу только благодарить русскихъ ученыхъ за то, что они стали выше предубѣжденій и рѣшили обратитъ вниманіе на предметъ, который, какъ и всякое новое, необыкновенное открытіе, еще не пережило эпоху гоненія.

одна изъ здѣшнихъ газетъ не согласилась напечатать у себя правдиваго разсказа свидѣтелей того, что происходило на сеансахъ г. Юма, но каждая изъ нихъ, не обинуясь, называетъ его фокусникомъ, шарлатаномъ, и пользуясь его отсутствіемъ, безчестить въ волю. Одна газета помѣстила у себя «вполнѣ достовѣрный разсказъ» о сеансѣ, который г. Юмъ давалъ гг. ученымъ; и разсказъ этотъ уже переданъ во французскія и англійскія газеты. «Вполнѣ достовѣрный разсказъ» оказался, однакожь, преисполненнымъ лжи; въ ту же редакцію была доставлена статья, имѣвшая цѣлью представить факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Но редакція отказалась помѣстить ее. Въ виду этого, я, въ качествѣ свидѣтеля г. Юма на этомъ сеансѣ, сочту себя обязаннымъ предать гласности, здѣсь и за границей, подлинныя документы, какъ только копіи съ оныхъ будутъ въ моихъ рукахъ.

С.-Петербургъ.

8-го апрѣля, 1871 года.

I.

Несостоявшіеся сеансы Юма съ Фаредеемъ и Тиндалемъ.

Подлинная переписка сихъ ученыхъ и другихъ
по этому поводу.

Въ 1868 году, по случаю юмовскаго процесса, возникла въ лондонской Pall-Mall'ской газетѣ слѣдующая переписка. Она была открыта, 5-го мая, профессоромъ Тиндалемъ, который хотѣлъ дать публикѣ понять, что г. Юмъ самъ уклонился отъ изслѣдованій Фаредея и другихъ членовъ Королевскаго Общества. Вотъ это письмо:

«Г. Издателю Pall-Mall'ской газеты.»

«М. Г. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Фаредей получилъ не мало настоятельныхъ просьбъ отъ одного знакомаго своего, который былъ глубоко пораженъ представленіями г. Юма и чрезвычайно желалъ, чтобъ нашъ великій наблюдатель изслѣдовалъ ихъ. Просьбы объ этомъ доходили почти до мольбы и, наконецъ, Фаредей выразилъ мнѣ свою готовность удовлетворить желанію своего корреспондента, если только я буду согласенъ сопутствовать ему. Я охотно согласился на это, ибо я уже давно желалъ познакомиться съ духами и пытался достичь этого въ Германіи, Франціи и Англіи. Приглашеніе, поэтому, было принято, причемъ Фаредей выговорилъ себѣ право пытаться «проявленія» по

своимъ собственнымъ методамъ и напечатать въ томъ видѣ, какъ ему заблагоразсудится, результатъ своихъ наблюдений надъ Юмомъ.

✕ «Предлагаемое изслѣдованіе никогда не состоялось.

«Съ того времени я имѣлъ счастье, при различныхъ обстоятельствахъ, повстрѣчаться съ духами. Они даже произвели меня въ «медіумы» и дали мнѣ «имя на небесахъ». Не смотря однакожь на ихъ любезность, я не могу сказать, чтобъ знакомство мое съ ними было назидательно для меня.

«Джонъ Тиндаль».

На это письмо послѣдовало со стороны Юма слѣдующее возраженіе:

«Г. Издателю *Pall-Mall*’ской газеты.

«М. Г. Если профессору Тиндалю угодно будетъ справиться въ перепискѣ, которая произошла между профессоромъ Фаредеемъ и господиномъ, о которомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ, то онъ убѣдится, что г. Фаредей въ послѣднемъ письмѣ своемъ заявлялъ, что время было для него слишкомъ драгоцѣнно, чтобъ онъ могъ удѣлить его на *сеансъ*, не имѣя напередъ программы того, что должно произойти. Такъ какъ мои «представленія» находятся внѣ моего контроля, то этотъ господинъ имѣлъ здравый смыслъ, даже безъ всякихъ переговоровъ со мною, уклониться отъ этого дѣла. Жена моя въ то время была очень больна и мы квартировали тогда у пріятельницы, которая вела дневникъ, и фактъ этотъ у нея записанъ. Что касается до меня, то я ни одного изъ этихъ писемъ не видалъ. Видѣться съ профессоромъ Фаредеемъ было

бы для меня удовольствіемъ. Въ 1855 году онъ отказался отъ свиданія со мною, говоря, что его религіозныя убѣжденія не дозволяютъ ему этого. Результатъ своихъ изслѣдованій онъ былъ совершенно свободенъ напечатать «въ томъ видѣ, какъ бы ему заблагоразсудилось». Имѣть свиданіе съ г. Тиндалемъ и двумя, имъ же выбранными, сотоварищами его, было бы для меня такимъ же удовольствіемъ; съ своей стороны я также буду имѣть, по крайней мѣрѣ, двухъ свидѣтелей, имена и общественное положеніе которыхъ ставятъ ихъ выше всякаго подозрѣнія въ содѣйствіи какому бы то ни было обману. Я готовъ сойтись съ г. Тиндалемъ и его товарищами когда и гдѣ имъ будетъ угодно и при той обстановкѣ, какая имъ заблагоразсудится. Я только долженъ буду просить ихъ взять терпѣніе, если ничего не произойдетъ на первомъ или даже на второмъ сеансѣ. Терпѣливое, честное изслѣдованіе — вотъ все, чего я желаю. Чувствуя себя въ настоящее время не совсѣмъ хорошо и большую усталость, я желалъ бы отложить это свиданіе до какихъ нибудь чиселъ въ іюнѣ.

«Имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою.

«Д. Д. Юмъ.

«5-го мая, 1868, Cox's Hotel, Jermyn-Street »

На это Тиндаль отвѣчалъ:

«Г. Издателю *Pall-Mall*'ской газеты.

«М. Г. Въ критическую минуту для исторіи англійскаго суда и англійскаго здраваго смысла я счелъ своею обязанностью напечатать то письмо, которое появилось въ вашей газетѣ 5-го мая.

«Въ слѣдующемъ номерѣ той же газеты г. Юмъ опровергаетъ точность моего заявленія. По его словамъ, не онъ, а г. Фаредсей уклонился отъ изслѣдованія.

«Во вчерашнемъ номерѣ вашемъ вы имѣли любезность напечатать замѣтку, въ которой я выражалъ желаніе, чтобъ письмо г. Фаредея, на которое я ссылался, могло стать извѣстнымъ для англійской публики.

«Въ такомъ положеніи находится это дѣло, относительно печатныхъ заявленій. Послѣ того я получилъ и другія, на одно изъ которыхъ, такъ какъ оно весьма энергически поддерживаетъ г. Юма, я считаю теперь своею обязанностью отвѣчать.

«Г. У. М. Уилькинсонъ ¹⁾), который, какъ мнѣ говорятъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ «спиритуалистовъ» Англіи, пишетъ мнѣ слѣдующее:

«Мая 7-го, 1868, Lincoln's Inn-Fields.

«М. Г. Я прочиталъ въ Pall-Mall'ской газетѣ письмо «ваше о г. Юмѣ и покойномъ г. Фаредеѣ, и также отвѣтъ «г. Юма по этому поводу. Съ своей стороны, я могу «вполнѣ подтвѣрдить слова г. Юма относительно того, что «г. Фаредей, почти въ послѣднюю минуту, отказался придти, «не имѣя напередъ программы представленія. Какъ только «г. Эмерсонъ Теннентъ ²⁾), —ибо вотъ кто велъ переписку «съ г. Фаредеемъ,—увидаль это нелѣпое требованіе, онъ

¹⁾ W. M. Wilkinson, лондонскій адвокатъ, издатель журнала «Spiritual Magazine».

Прим. перев.

²⁾ Sir James Emerson Tennent, извѣстный англійскій сановникъ и писатель; бывшій членъ парламента и авторъ многихъ сочиненій по части исторіи, политики и законовѣденія. См. это имя въ «Allibone, Dictionary of english literature».

Прим. перев.

«остановилъ предполагавшееся свиданіе. И въ правду, ни «одинъ человѣкъ, одаренный хотя сколько нибудь здра- «вымъ смысломъ, не поступилъ бы иначе.

«Еслибъ это обстоятельство было вамъ извѣстно, то, «вѣроятно, вы упомянули бы о немъ въ письмахъ вашихъ «къ издателю Pall-Mall'ской газеты; потому что умол- «чаніе объ этомъ привело публику къ ложному понятію «о причинахъ, по которымъ свиданіе ваше съ Юмомъ не «состоялось.

«Я полагаю, что вопросъ о томъ, на сколько дѣйстви- «тельны помянутыя проявленія, слишкомъ далеко ушелъ «впередъ, чтобъ дальнѣйшее изслѣдованіе было необходимо, «и что еслибъ вы даже авторитетно заявили, что ихъ нѣтъ, «то тѣмъ не менѣе оказалось бы, что они есть; оказалось «бы, что ваше утвержденіе о невозможности факта нисколько «не воспрепятствовало бы его проявленію. О подобныхъ «случаяхъ въ исторіи науки я слыхалъ и прежде.

«Вашъ покорный слуга

У. М. Уилькинсонъ».

«И такъ, г. Юмъ утверждаетъ, а г. Уилькинсонъ мо- «жетъ вполне подтвердить, что г. Фаредей отказался, «почти въ послѣднюю минуту, придти, не имѣя напередъ «въ рукахъ своихъ программы представленія. Согласно «сему заявленію, г. Эмерсонъ Теннентъ, какъ умный че- «ловѣкъ, остановилъ предполагавшееся свиданіе.

«Но такъ ли это? Послушаемъ свидѣтелей. По собствен- «ному желанію и безъ всякой просьбы съ моей стороны, г. «Эмерсонъ Теннентъ (переписка котораго съ Фаредеемъ «возникла не вслѣдствіе обращенія его къ спиритуализму, «но изъ желанія подвергнуть одно явленіе, смущавшее его,

должному изслѣдованію) доставилъ мнѣ подлинное письмо Фаредея, при слѣдующей объяснительной запискѣ:

«7-го мая, 1868 66, Warwick Square, Pimlico.

«М. г. Прочитавъ въ Pall-Mall'ской газетѣ письмо ваше, въ которомъ вы указываете на готовность профессора Фаредея лично изслѣдовать явленія, которыя, какъ ему говорили, случаются въ присутствіи г. Юма, во время спиритическихъ сеансовъ, я прилагаю при семъ полученное мною отъ Фаредея письмо, изъ котораго вы увидите, на какихъ именно условіяхъ онъ готовъ былъ приступить къ изслѣдованію.

«Сообщивъ ихъ тому лицу, съ которымъ я переписывался по этому поводу (извѣстному спиритуалисту и пріятелю г. Юма, съ тѣхъ поръ умершему), я получилъ отъ него письмо, отъ 17-го іюня 1861 г., въ которомъ онъ отказывался отъ условій и дѣло кануло въ дну.

«Преданный вамъ

«Д. Эмерсонъ Теннентъ».

«Я полагаю, многіе изъ вашихъ читателей поблагодарятъ вмѣстѣ со мною г. Эмерсона Теннента за его поспѣшность доставить помянутое письмо. Вотъ этотъ документъ:

«14-го іюня 1861 г., Фолькстонъ.

«Мой любезный г. Эмерсонъ! Я не могу не высказать вамъ, что вы нѣсколько нескромны въ желаніи вашемъ поставить меня въ соприкосновеніе съ тайными явленіями, которыя, какъ говорятъ, имѣютъ мѣсто въ присутствіи г. Юма. До этого, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и на

«столько, на сколько я считалъ это согласнымъ съ уваженіемъ, которое опытный философъ долженъ имѣть къ самому себѣ, я уже изслѣдовалъ подобныя явленія. Обратитъ на нихъ еще разъ вниманіе мое было бы списхожденіемъ съ моей стороны, и я могу сдѣлать это только при убѣжденіи, что всѣ, до кого это касается, желаютъ, чтобъ явленія эти были разъяснены и поняты, и готовы сдѣлать отъ себя все возможное, чтобъ способствовать подобному результату. Чтобъ рѣшить, могу ли я идти или нѣтъ, я желаю поставить вамъ слѣдующіе вопросы:

«1. Кто желаетъ меня видѣть? Въ чьемъ домѣ? Для чего именно?

«2. Желаетъ-ли видѣть меня г. Юмъ?

«3. Хочетъ-ли онъ приступить къ изслѣдованію, какъ естествоиспытатель, и, въ такомъ случаѣ, не имѣть ничего сокрытаго, темнаго; быть откровенну и всѣми силами содѣйствовать изслѣдованію?

«4. Считаетъ-ли онъ себя отвѣтственнымъ въ этихъ проявленіяхъ и отождествляетъ-ли онъ себя, болѣе или менѣе, съ ихъ причиною?

«5. Будетъ-ли онъ доволенъ если облыжный характеръ ихъ будетъ доказанъ и изобличенъ, и будетъ-ли онъ охотно помогать этому изобличенію, или будетъ онъ этимъ не доволенъ и лично обиженъ?

«6. Считаетъ ли онъ эти явленія естественными или сверхъестественными? Если естественными, то какія законы управляютъ ими? Или думаетъ онъ, что они не подлежатъ законамъ? Если сверхъестественными, то что онъ видитъ въ нихъ—чудеса или дѣло духовъ? Если дѣло духовъ, то оскорбленіе, нанесенное духамъ, сочтетъ ли онъ за оскорбленіе самому себѣ?

«7. Если явленія эти чудеса, или дѣло духовъ, то признаетъ ли онъ вполнѣ презрѣнный характеръ какъ ихъ самихъ, такъ и результатовъ ихъ, по сіе время, какъ относительно доставленія свѣдѣній и познаній, такъ и относительно проявленія силъ и дѣйствій, которыя имѣли бы для «человѣчества хотя малѣйшее значеніе?

«8. Если это естественныя явленія безъ естественнаго закона, то могутъ ли они имѣть какую пользу или значеніе для человѣчества?

«9. Если это проблески естественныхъ дѣйствій, еще «не подведенныхъ подъ законъ, то не лежитъ ли на обязанности каждаго, кто имѣетъ малѣйшее вліяніе на опья, «лично развивать ихъ, и въ развитіи этомъ помогать и другимъ съ полнымъ стараніемъ и откровенностью, прилагая «при этомъ и всякій критическій методъ, умственный или «опытный, какой только умъ человѣческій можетъ при- «думать?

«Я не желаю кого бы то ни было обидѣть или опять «касаться этого предмета. Я много времени потерялъ «надъ нимъ до этого, въ надеждѣ открыть какую нибудь новую силу, но ничего не нашелъ достойнаго вниманія. Теперь я могу смотрѣть на него только какъ естествоиспытатель и, вслѣдствіе уваженія должнаго самому себѣ, не приступлю ни къ какому дальнѣйшему изслѣдованію, покуда «тѣ, кои заявляютъ о власти своей надъ сими явленіями, не «будутъ согласны всѣми силами содѣйствовать ему. Въ виду «этой цѣли, они должны относиться къ этому предмету столь «же критически и съ такою же полнотою точныхъ опытовъ, «какъ относится и всякій естествоиспытатель къ зародышамъ своихъ открытій. Какимъ образомъ электричество, «этотъ всеобщій духъ матеріи, могло бы когда нибудь быть

«доведено до тѣхъ развитій въ его отношеніяхъ къ дѣй-
«ствіямъ химическимъ и магнетическимъ, до его приложе-
«ній къ взрыву минъ, къ ткацкѣ шелка, къ книгопечатанію,
«къ телеграфіи, къ освѣщенію маяковъ и т. д., иначе, какъ
«при помощи строгаго изслѣдованія, основаннаго на точнѣй-
«шемъ критическомъ разсужденіи и на самыхъ точныхъ и
«ясныхъ опытахъ? и если эти такъ называемыя тайныя про-
«явленія не совершенно ничтожны, то они должны пройти и
«пройдутъ чрезъ такое же испытаніе.

«Такъ какъ я не желаю пускаться въ разсужденія объ
«этомъ предметѣ съ людьми, убѣжденія коихъ сложились
«уже въ направленіи противоположномъ моему, но только
«(если найду достаточныя основанія) закончить это дѣло,
«чтобъ найти неопровержимыя доказательства, независимо
«отъ мнѣній и убѣжденій, — то я желалъ бы, чтобъ вы пока-
«зали это письмо г. Юму и тѣмъ, которые желаютъ, чтобъ
«я встрѣтился съ нимъ и ими по этому поводу; послѣ этого
«вы увидите, слѣдуетъ ли вамъ настаивать на приглашеніи
«вашемъ. Вы поймете изъ всего этого, что я отказываюсь
«отъ свиданія съ тѣми, коихъ умъ не свободенъ приступить
«къ изслѣдованію, согласно общимъ началамъ мною здѣсь
«высказаннымъ.

«Далѣе, я требую для себя права напечатать письмо
«это цѣликомъ или частію и въ томъ видѣ, какъ мнѣ заблаго-
«разсудится, равно и всякую другую переписку, которая
«можетъ по этому случаю возникнуть.

«Всегда, мой любезный г. Эмерсонъ,

«Вашъ покорнѣйшій слуга,

«М. Фаредей.

«P. S. Вы видите, что я соглашаюсь на все это съ
«большими предосторожностями и только ради васъ. М. Ф.»

«Вотъ то письмо, которое г. Уилькинсонъ и подобные ему называютъ «нелѣпымъ». Вотъ какимъ образомъ Фардей «отказывается» видѣться съ Юмомъ.

«Предоставляя эти факты на разрѣшеніе общественному мнѣнію и юристамъ въ особенности, честь имѣю быть

«вашимъ покорнымъ слугою

«Джонъ Тиндаль.

«8-го мая, 1868 г., Athenaeum Club.

«P. S. Я готовъ, въ духѣ предшествующаго письма, наблюдать и изслѣдовать тѣ явленія, которыя г. Юму угодно будетъ показать мнѣ въ продолженіи іюня мѣсяца.»

На это письмо г. Юмъ отвѣчалъ слѣдующимъ:

«Г. издателю *Pall-Mall*ской газеты.

«М. Г. Я очень радъ, что г. профессору Тиндалю посчастливилось добыть письмо покойнаго профессора Фардея къ г. Эмерсону Тенненту. Я впервые увидалъ его, и все, что я зналъ объ немъ, шло отъ покойнаго Роберта Белля ¹⁾, который уговорился съ г. Эмерсономъ о сеансѣ.

¹⁾ Robert Bell, извѣстный англійскій писатель и спиритуалистъ. Онъ былъ авторъ той безымянной статьи, которая такъ живописно передала всѣ подробности спиритическаго сеанса, происходившаго въ одномъ аристократическомъ лондонскомъ домѣ, въ присутствіи Юма, какъ медиума, и которая, появившись въ извѣстномъ журналѣ Теккерей «*Cornhill Magazine*» (1860, № 8, August), подъ заглавіемъ «Чуждые вымысла» (*Stranger than fiction*), надѣлала въ ту пору столько шума; г. Теккерей, за помѣщеніе въ общераспространенномъ журналѣ своемъ такихъ «нѣвѣроятныхъ» и «невозможныхъ» нелѣпостей, подвергся сильнѣйшимъ нападкамъ со стороны литературнаго міра; но онъ самъ былъ спиритуалистъ, имѣвшій случай собственнымъ домашнимъ опытомъ убѣдиться въ истинѣ его явленій. Въ примѣчаніи

Время было назначено и г. Фаредей ожидали, когда г. Белль уведомилъ меня, что г. Фаредей отказался придти, не имѣя напередъ программы. Поэтому не я «уклонился отъ состязанія», ибо это происходило помимо меня.

«Г-жа Крауфордъ Парксъ, въ домѣ которой (7, Cornwall Terrace, Regent's Park) я тогда квартировалъ съ семействомъ своимъ, получила такое же уведомленіе отъ г. Белля и, по этому поводу, въ дневникѣ ея значится: «Ученый господинъ, писавшій въ опроверженіе духовныхъ проявленій, долженъ былъ присутствовать на сеансѣ; но онъ потребовалъ напередъ программу, какъ вещь подобающую его личности и положенію; а такъ какъ дать ему программу было невозможно, то онъ отказался быть на сеансѣ ¹⁾».

«Теперь же, когда мы имѣемъ подлинное письмо (въ которомъ, какъ я вижу, вовсе нѣтъ того условія, чтобъ г. Тиндаль долженъ былъ тутъ присутствовать, чего я также никогда не слыхалъ), оказывается, что программа была начертана самимъ Фаредеемъ, и я совершенно понимаю, что г. Робертъ Белль тотчасъ же увидалъ, что приступать съ кѣмъ нибудь къ изслѣдованіямъ, въ духѣ требовапій г. Фаредея, будетъ бесполезно.

«Подумайте только о томъ, что я долженъ былъ подписать договоръ, въ который, между прочимъ, входили слѣдующіе два пункта: «Если явленія эти чудеса, или дѣло «духовъ, то признаю ли я вполне презрѣнный харак-

къ помянутой статьѣ Теккерей говоритъ о г. Беллѣ, какъ о чловѣкѣ, дружбой котораго онъ пользуется въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ и за честность и добросовѣстность котораго онъ можетъ поручиться. См. «Allibone, Critical Dictionary», и «Spiritual Magazine» за май 1867 г.).

¹⁾ См. «Incidents in my life». London, 1863. Стр. 199.

«теръ какъ ихъ самихъ, такъ и результатовъ ихъ, по сіе время, какъ относительно доставленія свѣдѣній и знаній, такъ и относительно проявленія силъ и дѣйствій, которыя имѣли бы для человѣчества хотя малѣйшее значеніе? Если «это естественныя явленія безъ естественнаго закона, то «могутъ ли они имѣть какую пользу или значеніе для чело- «вѣчества?»

«Я позволю себѣ спросить, есть ли это тонъ скромнаго изслѣдователя, готовящагося удостовѣриться въ фактъ и разобрать его, или не есть ли это скорѣе признакъ ума, далеко зашедшаго въ предрѣшеніи вопроса въ самомъ началѣ его?

«Когда эти явленія впервые обратили на себя всеобщее вниманіе, профессоръ Фаредей, къ сожалѣнію, публично заявилъ, что они происходятъ отъ невольнаго мышечнаго движенія; съ теченіемъ времени всякое новое развитіе въ этой области, опровергавшее правильность подобнаго объясненія, было принимаемо г. профессоромъ почти какъ личное оскорбленіе. И этимъ, сколько я понимаю, объясняется тотъ полуѣдкій тонъ всего договора, коимъ онъ хотѣлъ связать меня чрезъ посредство г. Белля, и который привелъ сего послѣдняго къ тому заключенію, что г. Фаредей не могъ въ подобномъ дѣлѣ быть успѣшнымъ изслѣдователемъ.

«Я увѣренъ, что ни г. Фаредей, ни г. Тиндаль не приобрѣли своей высокой славы чрезъ изслѣдованія природы въ подобномъ духѣ, ибо даже водородъ, или всякій другой давно страждущій газъ, или даже спектральный анализъ сочли бы себя оскорбленными при требованіи подчиниться условіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя желали наложить на меня предварительно изслѣдованію.

«Г. Тиндаль говоритъ, что онъ готовъ быть свидѣтелемъ и изслѣдователемъ въ духѣ фареевскаго письма; судя по его приемамъ, я вполне вѣрю этому, но такъ какъ подобный духъ не есть духъ логики и несогласенъ съ истиннымъ научнымъ методомъ, то я подожду, покуда онъ будетъ въ состояніи приступить къ предмету въ болѣе скромномъ настроеніи духа.

«Я твердо вѣрю, что какъ» англійскій судъ, такъ и англійскій здравый смыслъ» постоятъ за себя и безъ помощи г. Тиндаля.

«Вашъ покорный слуга

«Д. Д. Юмъ.

«9-го мая, 1868 г., Cox's Hotel, Jermyn Street.»

Вслѣдъ за тѣмъ появилось въ газетѣ слѣдующее письмо г. Уилькинсона:

«Г. издателю *Pall-Mall*'ской газеты.

«44, Lincoln's Inn-Fields. 11-го мая, 1868 г.

«М. Г. Я обязанъ г. Тиндалю за возможность впервые увидѣть письмо покойнаго профессора Фаредея. Покойный г. Робертъ Белль увѣдомилъ меня, что предполагавшееся свиданіе не осуществилось вслѣдствіе того, что г. Фаредей потребовалъ напередъ программу представленія; теперь, когда письмо это обнародовано, оно мнѣ кажется, вполне оправдываетъ г. Белля въ образѣ его дѣйствій. Я забылъ, что это былъ г. Белль, а не г. Эмерсонъ Теннентъ, который отмѣнилъ свиданіе; но единственный, существенный пунктъ въ этомъ дѣлѣ тотъ, изобличало ли письмо г. Фаредея такое предрасположеніе духа его, которое оправдало бы г. Белля въ нежеланіи сводить его съ г. Юмомъ?

«Такъ какъ г. Фаредей отошелъ отъ насъ, то я не желаю безъ надобности повторять имя его въ этой полемикѣ, и вопросъ этотъ могу разсудить съ г. Тиндалемъ, такъ какъ онъ столь охотно, и на личную отвѣтственность свою, принялъ условія письма г. Фаредея.

«По моему, то, что г. Тиндаль такъ высоко одобряетъ, выражая готовность свою «наблюдать и изслѣдовать въ духѣ предшествующаго письма», мало согласуется съ истиннымъ духомъ изслѣдованія, и я буду сожалѣть, если г. Тиндаль, ради своей собственной, вполне заслуженной репутаціи, не воспользуется первымъ же случаемъ, чтобъ отвергнуть по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторые изъ пунктовъ, на которые настаивалъ г. Фаредей.

«Я буду, напримѣръ, весьма обманутъ въ ожиданіяхъ своихъ, если г. Тиндаль вполне обдуманно скажетъ, что «обратить еще разъ вниманіе на эти явленія было бы снисхожденіемъ съ его стороны». Особенною славою и силою г. Тиндала было именно то, что изслѣдованіе самонаблюденій не считалось имъ снисхожденіемъ съ своей стороны, и, быть можетъ, наиболѣе дивятся ему именно вслѣдствіе богатства его изобрѣтательности въ изысканіи новыхъ опытовъ и методовъ; поэтому, я увѣренъ, онъ не будетъ говорить о снисхожденіи къ изслѣдованію того, что очевидно есть предметъ новый и для него невѣдомый.

«Я совершенно сомнѣваюсь въ правѣ г. Тиндала предлагать какія бы то ни было предварительныя условія для изслѣдованія какихъ бы то ни было явленій; ибо условія предполагаютъ какое-либо знаніе *a priori*, слѣдовъ котораго, въ настоящемъ случаѣ, я не замѣчаю въ г. Тиндалѣ; но если онъ предоставляетъ себѣ право предлагать условія г. Юму, то почему же г. Юмъ не поста-

вить также предварительныхъ условій и вопросовъ г. Тиндалю? Я увѣренъ, г. Тиндаль согласится со мною, что ни одинъ изъ тридцати девяти членовъ (символа вѣры) не имѣетъ приложенія въ дѣлахъ научныхъ; но посмотримъ, какъ представится намъ это дѣло, если смотрѣть на это иначе и г. Тиндаль будетъ настаивать на удержаніи предварительныхъ допросовъ г. Фаредея.

«Въ изслѣдованіи, имѣющемъ предметомъ отношенія между духомъ и веществомъ и существованіе силъ духовныхъ, было бы очевидно важно убѣдиться, что лицо, отчетъ котораго имѣетъ рѣшить этотъ вопросъ, можетъ, во всякомъ случаѣ, свободно отнестись къ изслѣдованію, и что весь умъ его не проникнуть убѣжденіемъ, что духовнаго міра нѣтъ, что никогда ничего сверхъестественнаго не случилось въ этомъ мірѣ и не можетъ случиться, что никакому разсказу о чудесахъ, на основаніи чьего бы то ни было свидѣтельства, хотя бы и своего собственнаго, вѣрить нельзя, и что человѣкъ никогда никакого письменнаго откровенія отъ Бога не получалъ.

«Итакъ, если условія нынѣ въ ходу, то я позволю себѣ настоятельно просить, чтобъ г. Тиндаль далъ ясныя и откровенныя отвѣты на эти и другіе существенныя предварительныя вопросы.

«Если онъ настаиваетъ на томъ, чтобъ въ числѣ своихъ прелиминарій, имѣть отвѣтъ на вопросъ, можетъ ли то, что онъ будетъ изслѣдовать, «имѣть какую пользу или значеніе для человѣчества», то я попрошу его отвѣтить, давно ли вопросъ *сui bono* (къ чему?) сталъ являться въ наукѣ препятствіемъ для изслѣдованія? ¹⁾ Ис-

¹⁾ Мы полагаемъ, что если г. Тиндаль удостовѣрится въ подлинности фактовъ, то онъ сочтетъ себя обязаннымъ представить о нихъ

торія науки полна случаевъ, въ которыхъ между наблюденіемъ явленія и приложеніемъ его для полезной цѣли прошли вѣка. Міръ прождалъ болѣе тысячи лѣтъ, покуда извѣстныя свойства коническихъ сѣченій были, наконецъ, приложены къ строительному искусству; многіе годы прошли, покуда первые опыты надъ электричествомъ не привели къ электрическому телеграфу.

«На первомъ мѣстѣ долженъ быть, сколько я понимаю, вопросъ о существованіи явленій; но если г. Тиндаль не признаетъ ихъ существованія, то я не вижу для себя никакой надобности въ оправданіи, ибо я только наблюдаю ихъ, а не поражаю.

«Г. Тиндаль имѣетъ любезность называть меня «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ спиритуалистовъ Англіи». Онъ точно также могъ бы назвать меня «замѣчательнымъ гравитаціонистомъ», ибо я признаю явленіе гравитаціи изъ наблюденія и опыта. Моя извѣстность была приобрѣтена весьма легко: трудъ мой состоялъ единственно въ томъ, чтобъ сидѣть въ комнатѣ съ открытыми глазами и свободнымъ умомъ. Г. Тиндаль, дѣйствительно, замѣчательный человѣкъ и можетъ, по праву, гордиться добытыми трудомъ своимъ славою и высокимъ положеніемъ, съ которыми никто такъ искренно не поздравляетъ его, какъ я; и вотъ почему я желалъ бы предостеречь его, чтобъ онъ отнесся къ этому дѣлу безпристрастно, и это ради его самого, а не дѣла, которое пойдетъ впередъ и безъ него.

«Вашъ покорный слуга

«У. М. Уилькинсонъ.»

Королевскому Обществу отъ своего имени, и это, мы думаемъ, рѣшитъ вопросъ о ихъ значеніи.

Послѣ того, 16 мая, появилась въ той же газетѣ статья г. Пальгрэва ¹⁾, которую, для уразумѣнія послѣдующаго, привожу здѣсь въ сокращеніи.

«Г. Издателю *Pall-Mall*ской газеты.

«М. Г. Немногія изъ корреспонденцій, появившихся на столбцахъ вашей газеты, были читаны съ большимъ интересомъ, чѣмъ возникшая между профессоромъ Тиндалемъ и г. Юмомъ...

«Если мы оставимъ въ сторонѣ собственно спиритуалистовъ (которыхъ нельзя убѣдить никакимъ процессомъ человѣческаго мышленія) и тѣхъ, которые (подобно вашему корреспонденту) уже убѣдились, что спиритуализмъ есть ничто иное, какъ родъ второкласснаго фокусничества, то не подлежитъ сомнѣнію, что для большинства публики, еще колеблющагося, вердиктъ профессоровъ Фаредея и Тиндала, послѣ добросовѣстнаго и полного изслѣдованія, былъ бы окончательный... Г. Фаредей, изслѣдовавъ, десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, нѣкоторыя «спиритическія» явленія, старательно доказалъ, что они были причиняемы обыкновенными, но только незамѣтными механическими причинами, и его чудесное изложеніе едва-ли полновластнѣе подѣйствовало на мое убѣжденіе, чѣмъ подѣйствовало бы его простое *ipse dixit*. Но это не то, о чемъ теперь идетъ рѣчь. Намъ занимаютъ переговоры, имѣвшіе мѣсто между имъ и г. Юмомъ въ 1861 году, и возобновленные г. Тиндалемъ въ 1868 г. Въ запросахъ (передачу которыхъ Юму онъ разрѣшилъ),

¹⁾ Palgrave (Francis Turner), англійскій писатель, издатель и критикъ. См. это имя въ «Critical Dictionary of english literature, by Allibone».

Фаредей, не только употребляетъ презрительныя выраженія, но еще требуетъ отъ самого Юма, чтобъ онъ призналъ пустоту того именно дѣла, которое онъ отстаиваетъ и былъ готовъ въ томъ случаѣ, еслибъ вердиктъ состоялся противъ него, содѣйствовать преслѣдованію этого дѣла, какъ вреднаго оболъщенія. *Читая это, мы должны съ сожалѣніемъ сознаться, что этотъ великій чело-вѣкъ впалъ тогда въ погрѣшность сужденія, которая дѣйствительно оправдываетъ г. Юма (ex post facto) въ признаніи вызова недобросовѣстнымъ, а также бу-детъ оправдывать его и далѣе въ отказъ отъ приня-тія всякаго вызова, содѣланнаго въ такомъ же духѣ...*

«Если Фаредей соглашался возобновить испытаніе, то обыкновенныя начала справедливости (не говоря о высшихъ основаніяхъ, которыя философъ имѣлъ въ виду) требовали, чтобъ онъ, опредѣляя условія, имѣвшія обезпечить полноту изслѣдованія, не ставилъ такихъ, которыя имѣли бы видъ, что онъ предрѣшилъ вопросъ и требуетъ отъ противника, въ случаѣ пораженія, признанія, что онъ былъ въ состояніи идиотическаго оболъщенія. Говоря это, я даже нѣсколько ослабляю смыслъ условій Фаредея; на дѣлѣ же тонъ ихъ есть тонъ челоуѣка, который рѣшилъ, что противникъ его плутъ и долженъ быть готовъ признаться въ этомъ. Будетъ ли оправдано подобное воззрѣніе Фаредея, или нѣтъ, это все равно; но, безъ сомнѣнія, въ болѣе спокойную минуту, высокочестный и свободный умъ его призналъ бы, что въ этомъ именно случаѣ онъ долженъ былъ строго умолчать о своемъ воззрѣніи. Невѣроятно, чтобъ онъ позво-лилъ отнести къ нему самому съ подобною же програм-мою, и г. Юмъ, еслибъ испытаніе состоялось, нашелся бы

въ худшемъ положеніи, чѣмъ тотъ, который, предлагая новый законъ, обязанъ былъ защищать его съ веревкою на шеѣ. Подобныя требованія невозможно было бы допустить даже со стороны адвоката; а въ этомъ случаѣ Фаредей принималъ, болѣе или менѣе, роль судьи въ томъ дѣлѣ, которе другіе параграфы его письма называютъ научнымъ изслѣдованіемъ. *Безспорно г. Юмъ правъ, замѣчая, что не въ этомъ духѣ Фаредей приступалъ къ какому либо темному вопросу въ физикѣ, или встрѣчалъ научныхъ людей, державшихся воззрѣній противоположныхъ его собственнымъ. Если-бы онъ поступалъ такъ, то онъ и не былъ бы Фаредеемъ философомъ...*

«Какъ дѣло было, пріятель г. Юма имѣлъ совершенно законное основаніе отказать отъ вызова, и это будетъ настоящее несчастіе, если случайная, отъ поспѣшности происшедшая, ошибка великаго человѣка (необдуманно опубликованная послѣ его смерти) нынѣ повторится, съ подобнымъ въ результатѣ «нарушеніемъ правды».

«Я рѣшился высказать все это въ твердой надеждѣ, что честное изслѣдованіе разсѣить зловредное заблужденіе и весьма важно, чтобъ спиритуализмъ не выигралъ легкой побѣды, указывая на то обстоятельство, что наука отказалась отъ честнаго изслѣдованія. Дѣйствительно, при полномъ уваженіи къ научному положенію г. профессора Тиндала, невозможно читать писемъ его отъ 5-го и 9-го мая, и не увидѣть, что, какъ въ отношеніи къ тону, такъ и въ отношеніи къ аргументаціи, *предлагаемый имъ образъ дѣйствія* (по всей вѣроятности безсознательно, или въ пылу полемики) *замѣчательно не-правосуденъ*; онъ какъ бы вѣрно рассчитанъ на то, чтобъ повредить дѣлу, которое большинство моихъ читателей

признаетъ за дѣло истины. Приступать къ научному изслѣдованію съ видомъ непогрѣшимости (хотя и вполне основанной), предрѣшать вопросъ, осыпать противника злыми намеками, — все это, хотя разумѣется и не послужить для честныхъ умовъ основаніемъ, чтобъ повѣрить въ «спиритуализмъ», но, естественно, *можетъ расположить ихъ къ неблагопріятному мнѣнію о представителяхъ науки*. Какъ теперь дѣло поставлено, есть серьезный рискъ, что случившееся послужить къ торжеству безумія и опечалить тѣхъ, которые рассчитываютъ на истинное научное изслѣдованіе, чтобъ разсѣять пошлое заблужденіе. Если испытаніе предложенное въ іюнѣ завершится отказомъ г. Юма отъ 11 мая, то побѣда не останется за его противникомъ. Будемъ надѣяться, ради науки и истины, что оно будетъ устроено въ духѣ болѣе справедливымъ; что наука дастъ полную свободу даже и спиритуализму, — и тогда немногіе изъ моихъ читателей усумнятся въ результатѣ.

«Вашъ покорный слуга

«Ф. Т. Пальгрэвъ.

«Athenaeum, 13 мая, 1868 г.»

Издатель журнала «Spiritual Magazine», перепечатавъ у себя письмо это, дѣлаетъ при этомъ слѣдующее остроумное замѣчаніе:

«Мы не безъ нѣкотораго колебанія приводимъ свидѣтельство г. Пальгрэва, ибо по нашему мнѣнію, г. Пальгрэвъ, обвиняя г. Тиндаля въ предрѣшеніи дѣла, самъ попадаетъ въ ту же погрѣшность. Осуждая профессора Тиндаля за его оскорбительный методъ въ предложеніи изслѣдованія, г. Пальгрэвъ точно также безъ всякаго из-

слѣдованія утверждаетъ, что, «спиритуализмъ есть ничто иное какъ низшаго разряда фокусничество», и, повидимому, онъ убѣжденъ, что отчетъ Тиндала, послѣ свиданія его съ Юмомъ, порѣшитъ это дѣло. Мы никакъ не можемъ понять откуда г. Пальгрэвъ и ему подобные почерпаютъ такія понятія, и какимъ образомъ въ нихъ проглядываетъ такое незнаніе фактовъ. То, что называется сверхъестественнымъ, не зависитъ ни отъ г. Юма, ни отъ г. Тиндала, но оно проявлялось во всѣ вѣка и вѣра въ него хранится во всѣхъ народахъ; и мы желали бы знать, кто же это согласился сдѣлать г. Тиндала конечнымъ судьей въ вопросѣ, который обнимаетъ существованіе духовнаго міра и касается изслѣдованія, — были ли когда проблески этого міра въ здѣшнемъ? Г. Тиндаль, какъ мы полагаемъ, окончательно доказалъ свою неспособность быть судьей по какому бы то ни было отдѣлу этого вопроса, и мы никакъ не видимъ, чтобъ г. Пальгрэвъ былъ болѣе къ тому способенъ; со стороны этихъ господъ это совершенно своевольное предположеніе, что они необходимы для разрѣшенія этого вопроса. Онъ уже давно былъ порѣшенъ людьми болѣе состоятельными, чѣмъ они. Свидѣтели сихъ явленій, послѣ того увѣровавшіе въ нихъ, считаются нынѣ милліонами. Г. Диксонъ утверждаетъ, что въ одной Америкѣ ихъ нѣсколько милліоновъ, и всѣ они пришли къ признанію фактовъ вслѣдствіе личныхъ наблюденій и опытовъ. Въ какомъ бы положеніи они очутились, если бы г. Тиндаль и г. Пальгрэвъ объявили когда нибудь чрезъ Pall-Mall'скую газету, съ полною увѣренностію, что они, повидавши г. Юма, нашли, что «спиритуализмъ есть ничто иное какъ низшаго разряда фокусничество?» Будетъ ли этимъ вопросъ порѣшенъ?

Но предположимъ, что въ отчетѣ своемъ они заявятъ, что явленія эти дѣйствительно существуютъ? Что же тогда? Къ сожалѣнію, мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ, опираясь на опытъ. Мы имѣемъ людей не хуже г. Тиндаля, которые въ отчетахъ своихъ засвидѣтельствовали объ истинѣ спиритуализма; но міръ не хочетъ вѣрить ни одному слову ихъ; и кромѣ того, имѣемъ еще такихъ, которыхъ г. Пальгрэвъ называетъ «собственно спиритуалистами, людьми неспособными убѣдиться какимъ бы то ни было процессомъ человѣческаго мышленія.» Если мы изслѣдываемъ и убѣждаемся, мы безумцы, или «собственно спиритуалисты»; но если мы рѣшаемъ безъ изслѣдованія, то можемъ быть во главѣ Королевскаго Института и именоваться профессорами».

Сужденія г. Пальгрэва вызвали со стороны Тиндаля слѣдующее письмо:

«Г. Издателю Pall-Mall'ской газеты.»

«М. Г. Отъ времени до времени и на мою долю выпадало поучаться и назидаться тѣми свѣдѣніями о людяхъ и вещахъ, коими г. Ф. Т. Пальгрэвъ удостоиваетъ англійскую публику, а нынѣ я и самъ имѣю честь быть предметомъ его критики.

«Г. Пальгрэвъ знаетъ міръ и пути мірскіе, и что желательно міру знать, и какимъ образомъ знаніе это должно быть міру предподнесимо, — гораздо лучше меня. Онъ также хорошо знаетъ съ какимъ настроеніемъ ума философъ, подобный Фаредею, долженъ приступить къ изученію извѣстныхъ спиритическихъ явленій. Поэтому было бы слишкомъ надменно съ моей стороны оспаривать мнѣніе

этого высокаго лица, что Фаредей былъ неправъ, написавши подобное письмо г. Эмерсону Тенненту, а я—напечатавъ его. Я просилъ бы только позволенія изложить въ нѣсколькихъ словахъ основанія, побудившія меня къ тому образу дѣйствій, который г. Пальгрэвъ называетъ «необдуманнѣмъ»—слово, которое заимствуетъ силу свою не столько отъ своего собственнаго вѣса, сколько отъ высоты подъема пера, съ котораго оно падаетъ.

«Недавнія событія оживили толки о спиритуализмѣ. Въ публичныхъ судахъ Англіи, люди, съ тяжеловѣсными научными титулами при именахъ своихъ, засвидѣтельствовали подъ присягой, что, по ихъ убѣжденію, извѣстныя явленія, совершающіяся въ присутствіи и чрезъ посредство г. Юма, не происходятъ вслѣдствіе дѣйствія какихъ-либо извѣстныхъ законовъ природы. Это торжественное свидѣтельство обошло всю страну вдоль и поперекъ, а къ этому присоединилось и не мало болтовни, относительно участія Фаредея въ разслѣдованіи сихъ духовныхъ явленій.

«Хотя для меня самого это представлялось какъ бы нарушеніемъ святости, съ которою я чту его имя, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ казалось должнымъ, чтобъ міръ узналъ отъ самого Фаредея, въ чемъ именно состояли его послѣднія понятія относительно этого предмета. Какъ дѣло чистаго авторитета, коимъ столь многіе руководствуются, я полагалъ, что обнародованное мнѣніе его послужитъ цѣлебнымъ противодѣйствіемъ помянутому выше свидѣтельству. Я находилъ также желательнымъ устранить болтавню, которая сопрягалась съ его именемъ, относительно этого предмета. Вотъ что побудило меня обнародовать письмо его.

«Г. Пальгрэвъ говоритъ объ этомъ письмѣ, какъ о «случайной, отъ поспѣшности происшедшей, ошибкѣ великаго человѣка». Я согласенъ, какъ я уже сказалъ, уступить мнѣнію столь опытнаго, столь хорошо извѣщеннаго и столь въ себѣ увѣреннаго джентльмена, какъ г. Пальгрэвъ, что письмо это было ошибкою. Здѣсь онъ на своей почвѣ, здѣсь превосходство его неоспоримо. Но какимъ образомъ нашель онъ, что «ошибка» была «случайная, отъ поспѣшности?» Я желалъ бы допросить его до надлежащей ясности, откуда эти прилагательныя? Изъ области факта, или изъ области воображенія? Если изъ послѣдней, то я съ полною покорностью позволю себѣ замѣтить, что *наклонность воображенія облекать свои построенія въ опредѣленныя формы помимо факта, есть наклонность весьма опасная*, и что если наклонность эту предоставить своей собственной волѣ, то, чтобъ уберечь ея субъекта отъ опасности, потребуется мастеръ, равный г. Пальгрэву.

«Истина состояла просто въ томъ, что Фаредей, писавши это письмо, *не увлекался ни пыломъ, ни спѣхомъ...* Онъ обдумалъ его, написалъ его и, написавши, *прочиталъ мнѣ его съ полнымъ хладнокровіемъ и обсужденіемъ*. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, онъ желалъ поступать осторожно. И для всѣхъ насъ должно сдѣлаться источникомъ сожалѣнія, что столь высокому судѣ, какъ г. Пальгрэву, угодно видѣть въ этомъ стараніи ошибку. Я не зналъ до послѣдняго номера вашей газеты, что письмо Фаредея можетъ быть принято за вызовъ г. Юму. Фаредей, противъ воли, отвѣчалъ на убѣдительныя просьбы друга. Онъ уже потратилъ время на этотъ предметъ, онъ уже изслѣдовалъ его

по своему, и пришелъ къ своимъ собственнымъ заключеніямъ о немъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшей надежды прибавить что нибудь къ своимъ свѣдѣніямъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи. *Необходимость разсуждать о такихъ явленіяхъ, какія приписываются г. Юму, онъ считалъ для нашего вѣка даже постыдною (as a discredit), чтобъ не выразиться сильнѣе. Не смотря на это, уступая настояніямъ другихъ, онъ превозмогъ свое отвращеніе, хотя и признавался въ немъ въ умѣренныхъ выраженіяхъ, и ради другихъ, согласился предпринять изслѣдованіе, которое, онъ зналъ, останется безъ пользы для него самого.*

«Если Фаредей уже изслѣдовалъ этотъ предметъ въ томъ духѣ, который долженъ вызвать одобреніе со стороны г. Пальгрэва,—если онъ убѣдился въ этомъ духѣ, что эти пресловутыя спиритическія явленія заслуживаютъ одно только презрѣніе или сожалѣніе со стороны всякаго образованнаго человѣка, и, послѣ того, допустилъ малую долю того глубокаго презрѣнія, съ которымъ онъ относился къ предмету, проглянуть при мысли о повтореніи своей работы, то, безспорно, честное побужденіе дать косвенно знать о чувствахъ своихъ посредствомъ ряда предложенныхъ имъ вопросовъ (на которые онъ не требовалъ утвердительнаго согласія) послужить для людей прямыхъ вознагражденіемъ за недостатокъ той «правосудности», о которой г. Пальгрэвъ хлопочетъ.

«И теперь съ полнымъ уваженіемъ я скажу: оставимъ славную тѣнь въ покоѣ! Я принимаю на себя мнѣнія и ответственность Фаредея въ этомъ дѣлѣ. Въ духѣ письма его, который,—оставляя каверзы въ сторонѣ,

былъ просто тотъ, чтобъ дозволено было приложить къ изслѣдованію этого предмета тѣ методы, которые сдѣлали имя Фаредея безсмертнымъ,—я готовъ во всякое удобное время видѣться съ г. Юомъ. Я не прошу его подписать какія-либо условія, доставить мнѣ какую-либо «программу»; я прошу его только дозволить мнѣ поступать съ нимъ и съ его заявленіями такъ, какъ я поступаю нынѣ съ природой. Если онъ вполнѣ и искренно согласится на эти условія, то изслѣдованіе можетъ окончиться только однимъ результатомъ изъ двухъ: или явленія эти окажутся обманчивыми, или я буду обращенъ въ ряды спиритуалистовъ.

«Вашъ покорный слуга

«Джонъ Тиндаль.

«17-го мая, 1868 г., Athenaeum Club».

Письмо это вызвало слѣдующую замѣтку:

«Г. Издателю *Pall-Mall*ской газеты.

«М. Г. Я позволяю себѣ усумниться въ логичности дилеммы, поставленной д-р. Тиндалемъ, относительно результатовъ свиданія его съ г. Юомъ. «Изслѣдованіе это», говоритъ онъ, «можетъ окончиться только однимъ результатомъ изъ двухъ: или явленія эти окажутся обманчивыми, или я буду обращенъ въ ряды спиритуалистовъ».

«Есть, безспорно, третья гипотеза возможная въ отношеніи такъ называемыхъ спиритическихъ явленій; а именно, что они не вполнѣ обманчивы и не вполнѣ причиняются «духами», но что они, по крайней мѣрѣ отчасти, дѣйствительны, и, какъ таковыя, могутъ быть объяснены естественными причинами.

«Если явленія эти будутъ объявлены компетентнымъ авторитетомъ не «обманчивыми», то я надѣюсь, что объясненіе оныхъ поведетъ не къ спиритуализму и не къ познанію «духовнаго міра», но къ значительному расширенію знанія о взаимодѣйствіи тѣлъ между собою и, въ особенности, о соотношеніяхъ физическихъ и психическихъ силъ; и вотъ почему я, вмѣстѣ со многими другими, радуюсь въ виду научнаго изслѣдованія фактовъ, заявленныхъ спиритуалистами.

«Если, однакожъ, явленія эти дѣйствительны и объяснимы естественнымъ образомъ, то объясненіе ихъ требуетъ всего остроумія не только однихъ физиковъ, но и біологовъ и психологовъ.

«Что явленія эти, если они дѣйствительны, приписываются, въ первую пору ихъ наблюденія, «духамъ, то это очевидно согласуется съ тѣмъ общимъ историческимъ закономъ, который былъ формулированъ Контомъ.

«Вашъ покорнѣйшій слуга,

«Д. С. Стюартъ Гленни.

«Athenaeum Club, мая 19, 1868.»

Но полемика этимъ не кончилась. Тиндаль, за письмо свое, подвергся жестокимъ нападкамъ со стороны г. Пальгрэва, который, не обинуясь, высказалъ, что Фаредей, помимо своей научной славы, былъ *человѣкъ высокой чести и строгой добросовѣстности*, словомъ, джентльменъ и христіанинъ....» *помимо же этихъ свойствъ, или другихъ соотвѣтствующихъ, никакія научныя дарованія, даже самыя высокія, не заслуживаютъ уваженія!*»

Извѣстный англійскій писатель по части философіи и физиологіи, Льюисъ (G. H. Lewes), также принялъ уча-

стіе въ этой полемикѣ и заявилъ, что, еслибъ тонъ Фареевскаго письма былъ въ десять разъ оскорбительнѣе, то и это не могло бы послужить г. Юму извиненіемъ, чтобы уклониться отъ изслѣдованія».

Съ другой стороны «Научное Обзорѣніе» (the Scientific Review) восклицаетъ: «О, это закоснѣлое Я д-ра Тиндала! Не шепнетъ ли ему какой добрый другъ, что самоувѣренность есть слава безумца? Ужели мѣстоименіе перваго лица есть единственное въ той грамматикѣ, по которой учился нашъ новый философъ? Мы уже имѣли случай указывать на эту слабость, которой, къ сожалѣнію, подверженъ одинъ изъ нашихъ величайшихъ ученыхъ... Мы дивимся генію д-ра Тиндала, мы рукоплещемъ его научнымъ успѣхамъ, но мы серьезно совѣтуемъ ему держать д-ра Тиндала нѣсколько болѣе на заднемъ планѣ, а предметъ его изслѣдованій выставлать нѣсколько болѣе впередъ.

«Въ перепискѣ его съ Юмомъ худшая доля осталась—мы должны сознаться—за философомъ».

почему же такъ? впрд?
См. «Spiritual Magazine», іюнь и іюль 1868 г.

II.

Неудачный сеансъ Юма съ русскими учеными и газетная правда.

1) Потѣшный фельетонъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»,
19 марта 1871, № 78.

....Спиритизмъ не въ силахъ удержаться на узурпируемой имъ позиціи новаго мистическаго ученія; онъ вырождается въ эскамотерство, въ фокусничество. Такое печальное для него явленіе тѣмъ неизбѣжнѣе, что фокусничество-то и составляетъ собственно все его содержаніе. Вслѣдствіе такого положенія дѣла, у спиритизма есть высоко-комическая сторона: созидатели и руководители спиритизма — не спириты, да и не могутъ быть ими. Это ловкіе, хитрые фокусники. Спиритизмъ — ихъ дойная корова, и только. Что же касается истинныхъ правовѣрныхъ спиритовъ, то роль ихъ въ спиритизмѣ столь же полна безкорыстія, какъ и ничтожества: простота, невѣжество, болѣзненное разстройство нервной системы дѣлаютъ изъ нихъ стадо, которое можно стричь, но которое не имѣетъ никакого активнаго значенія и достойно развѣ сожалѣнія. Нечего удивляться поэтому, если великое въ средѣ спиритовъ обращается въ смѣшное въ средѣ образованныхъ, развитыхъ и здоровыхъ людей.

За доказательствами далеко ходить не придется. Я могу передать читателямъ вполне достовѣрный рассказъ о печальномъ фіаско, которое потерпѣлъ Юмъ въ небольшомъ кружкѣ нашихъ ученыхъ не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ. Дѣло было такъ: Юмъ встрѣтился съ нѣкоторыми учеными въ одномъ обществѣ и вздумалъ передъ ними доказывать состоятельность своей доктрины или, другими словами, несостоятельность науки. Мало того, онъ брался подтвердить слова свои на опытѣ, т. е. дать передъ учеными сеансъ спиритизма. Ученые соглашались присутствовать при этомъ сеансѣ, но ставили непремѣннымъ условіемъ, чтобъ мѣсто для него было избрано ими и чтобъ имъ было дозволено сдѣлать всѣ приготовленія, какія только они найдутъ необходимыми. Юмъ не могъ не согласиться на эти условія: ставился вопросъ объ его авторитетѣ. Затѣмъ онъ переговоры, что сказали бы спириты? «Юмъ», стали бы кричать они, «допускаетъ мысль, что силу духовъ можно парализовать какими нибудь приготовленіями; да ужъ вѣруеть ли онъ въ эту силу?» А самъ Юмъ думалъ вѣрно: «Авось кривая и этотъ разъ вывезетъ; вѣдь дѣло придется имѣть хоть и съ учеными, но съ учеными русскими». О всѣхъ же русскихъ, разумѣется, онъ судить по тѣмъ, которые окружаютъ его и чтятъ, какъ пророка. Итакъ, день для сеанса былъ назначенъ. Въ опредѣленный часъ ученые (два математика, два химика, одинъ фізіологъ и одинъ медикъ) ждали Юма въ условленномъ мѣстѣ встрѣчи. Когда онъ пріѣхалъ и объявилъ, что чувствуетъ себя расположеннымъ къ сношенію съ духами, тогда вся компанія отправилась въ приготовленную для сеанса комнату. Къ дверямъ этой комнаты съ самаго утра была приложена печать, такъ

что никто не могъ пробраться въ нее въ теченіе дня. Когда печать была снята, Юмъ увидѣлъ, что приготовленія, сдѣланныя въ комнатѣ, были хотя и не многосложны, но за то весьма цѣлесообразны: вмѣсто обыкновеннаго стола, былъ поставленъ тяжелый стеклянный столъ, и на немъ лампа съ рефлекторомъ, такъ что все пространство подъ столомъ было ярко освѣщено. О томъ, чтобъ возможно было скрыть движеніе рукъ и ногъ, Юму нечего было и думать. Онъ, однако, не отказался отъ сеанса; у него была еще какая-то надежда. Когда всѣ присутствующіе усѣлись вокругъ стола и, что называется у спиритовъ, сдѣлали цѣпь, т. е. каждый приложилъ пальцы къ столу такъ, чтобъ въ то же время мизинцемъ каждой руки прикасаться мизинцевъ своего праваго и лѣваго сосѣда, тогда собственно и началось то таинственное дѣйствіе, которое должно было возбудить дѣятельность духовъ. По прошествіи нѣкотораго времени, Юмъ объявилъ, что онъ начинаетъ ощущать присутствіе духовъ, и что это присутствіе обнаруживается даже внѣшнимъ образомъ, въ дрожаніи пламени стоявшей на столѣ свѣчи. Юму сказали тогда, что это дрожаніе производится не духами, а вентиляторомъ. Закрыли вентиляторъ—дрожаніе прекратилось. Юмъ сконфузился, но все еще не терялъ бодрости. Опять сдѣлали цѣпь. Опять объявилъ Юмъ, что онъ ощущаетъ присутствіе духовъ и что именно вслѣдствіе того пульсъ его бьется очень быстро. Пульсъ дѣйствительно бился быстро; но одинъ изъ присутствующихъ объяснилъ это напряженіемъ, въ которомъ всѣ находились довольно долго и высокой температурой комнаты; въ доказательство такого объясненія онъ предлагалъ сосчитать бѣеніе своего пульса, замѣтивъ,

что онъ ничего, кромѣ утомленія, не ощущаетъ. Біеніе его пульса было сосчитано и оказалось дѣйствительно такимъ же, какъ и у Юма. Потерпѣвъ эти двѣ неудачи, Юмъ не рѣшился ужъ болѣе повторять опытовъ вызыванія духовъ и, какъ за послѣдній якорь спасенія, ухватился за одинъ изъ тѣхъ фокусовъ, которые обыкновенно повергаютъ спиритовъ въ безпредѣльное изумленіе: онъ объявилъ, что можетъ, по своему произволу, увеличить тяжесть какого угодно предмета. На этотъ разъ было избрано стоявшее въ комнатѣ ведро. По предложенію одного изъ присутствующихъ, оно было поставлено на вѣсы, по предварительномъ согласіи Юма. Ведро стояло, какъ и всякое другое порядочное ведро, стояло долго, но къ отрицанію научныхъ истинъ не обнаруживало ни малѣйшаго поползновенія. Было уже очень поздно; всѣ были утомлены, Юмъ, изстрадавшійся отъ своихъ неудачъ, вѣроятно, больше всѣхъ; бывшіе съ нимъ поклонники его смотрѣли какъ-то кисло — сеансъ былъ оконченъ. Уѣзжая, Юмъ обѣщалъ повторить его; но на другой же день извѣстилъ, что не чувствуетъ себя расположеннымъ, а потому и принужденъ отказаться отъ общанія. Иначе и быть не могло: если Юму не удалось убѣдить ученыхъ, то самъ онъ за то кое въ чемъ убѣдился. Поклонники его, конечно, не убѣдились ни въ чемъ.

.....

2) Возраженіе г. Юма.

Письмо, напечатанное въ Standard'ѣ, 14 апрѣля, 1871 г.

«Г. Редактору Standard'a.»

М. Г. Въ письмѣ вашего корреспондента, озаглавленномъ «Россія, С.-Петербургъ, апрѣля 7,» и сегодня вечеромъ вами опубликованномъ, говорится обо мнѣ въ выраженіяхъ столь несогласныхъ съ истиной, что я вынужденъ просить васъ напечатать слѣдующій отвѣтъ мой.

Я дѣйствительно предложилъ имѣть сеансъ съ нѣсколькими учеными, но условіе, не видать комнаты до сеанса, шло съ моей, а не ихъ стороны. Не правда, что на столѣ стояла «лампа съ сильнымъ рефлекторомъ» (хотя со своей стороны, я ничего не имѣлъ бы противъ этого). Не правда, что я, или кто другой, «объявилъ, что сталъ ощущать присутствіе духовъ, обнаруживавшееся въ дрожаніи пламени, стоявшей на столѣ, свѣчи». Не правда, что я, или кто другой, «объявилъ о присутствіи духовъ, вслѣдствіе какого то особеннаго шума, который, по закрытіи вентилятора, прекратился». Не правда, что я объявилъ, что «могу по своему произволу увеличить тяжесть какого угодно предмета», и что «ведро было поставлено на вѣсы».

Я не знаю навѣрно можетъ ли послѣдняя часть письма вашего корреспондента ¹⁾ подвергнуться закон-

¹⁾ Угодливый корреспондентъ изъ Петербурга не преминулъ сообщить басню о собранныхъ здѣсь Юмомъ бумажкахъ и изумрудахъ.

Прим. перев.

ному преслѣдованію, какъ пасквиль; но что это ничѣмъ не оправдываемая, грубая ложь—это вѣрно.

Я получилъ сафировое кольцо отъ Его Величества Государя Императора, и другое, незначительной стоимости, отъ стараго знакомаго. Въ послѣднемъ находится изумрудъ, стоящій два или три ф. стерл., и вотъ единственный изумрудъ, который я получилъ.

Я остался въ Россіи шесть недѣль болѣе, чѣмъ намѣревался, и въ теченіи четырехъ недѣль не принималъ никакихъ приглашеній безъ оговорки, такъ какъ мое присутствіе могло быть потребовано въ другое мѣсто (для гг. ученыхъ).

Я уѣхалъ, давши понять, что надѣюсь встрѣтиться съ тѣми же господами слѣдующую зиму въ С.-Петербургѣ. Позволяю себѣ надѣяться, что, къ тому времени, вы найдете для себя корреспондента, который, въ своихъ письмахъ, будетъ сообщать вамъ истину, и не будетъ поносить человека, о которомъ онъ ничего не знаетъ.

Д. Д. Юмъ.

20, North-Audley Street, апрѣля 13.

3) Возраженіе г. Крукса.

Письмо, напечатанное въ «Standard'ѣ», 17 апрѣля, 1871.

Г. Редактору Standard'a.

М. Г. Во вчерашнемъ письмѣ своемъ, г. Д. Д. Юмъ такъ полно отвѣтилъ на невѣрныя сообщенія вашего с.-петербургскаго корреспондента, что еслибъ это было обыкно-

венный случай извращенія, то можно было бы, безъ дальнихъ словъ, предоставить предметъ этотъ собственному суду вашихъ читателей.

Но г. Юмъ былъ жертвою столь долгихъ и упорныхъ поношеній, что я, какъ одинъ изъ пріятелей его, считаю своимъ долгомъ представить вамъ доказательство, которое совершенно опровергнетъ заявленія вашего корреспондента.

Онъ говоритъ, что г. Юмъ предложилъ показать извѣстные проявленія предъ комиссіей ученыхъ людей. Онъ согласился на всѣ предложенныя условія, и члены ея, преимущественно профессора, собрались въ комнатѣ, для этой цѣли приготовленной въ с.-петербургскомъ университетѣ. Это въ сущности правильно. Мнѣ нѣтъ надобности входить въ подробности опытовъ, произведенныхъ на этомъ засѣданіи; но что нечестныя инсинуаціи вашего корреспондента лишены всякаго основанія, это можно увидать изъ слѣдующей выписки изъ письма, которое я только что получилъ отъ г. Бутлерова, профессора химіи въ с.-петербургскомъ университетѣ, одного изъ членовъ упомянутой выше комиссіи. Письмо помѣчено 5 апрѣля, нѣскольکو времени спустя по отъѣздѣ г. Юма изъ С.-Петербурга.

Профессоръ Бутлеровъ пишетъ: «Въ продолженіи этой зимы и еще до пріѣзда г. Юма, я имѣлъ случай самъ убѣдиться въ дѣйствительности явленій медіуминизма; послѣ того я познакомился съ г. Юмомъ и присутствовалъ на его сеансахъ. Поэтому я далекъ отъ того, чтобъ смотрѣть на г. Юма иначе, какъ на человѣка честнаго и серьезнаго».

Когда русскій профессоръ пишетъ такимъ образомъ и когда его мнѣнія подтверждаются мнѣніями многихъ другихъ, равно высоко стоящихъ, людей нашей страны, то было бы болѣе согласно съ истиннымъ призваніемъ прессы

воспитывать публику въ томъ понятіи, что вѣроятно «есть еще много на небесахъ и на землѣ такихъ силъ, о которыхъ и не снится ея философіи,» чѣмъ тормозить свободное изслѣдованіе, покрывая осмѣяніемъ всякую попытку компетентныхъ людей отодвинуть предѣлъ человѣческаго знанія нѣсколько далѣе по направленію нынѣ вовсе еще неизслѣдованному.

Уильямъ Круксъ, членъ Лондонскаго
Королевскаго Общества.

Редакція «Химическихъ Новостей», Ludgate Hill, 14 апрѣля, 1871 г.

4) Протестъ со стороны Русскаго Общества.

Помѣщенный въ № 121 «Голоса» и другихъ газетахъ ¹⁾).

Намъ доставленъ г. Александромъ Аксаковымъ въ копіи слѣдующій протестъ, подлинникъ котораго, по словамъ г. Аксакова, находится у него:

¹⁾ Протестъ этотъ былъ доставленъ въ редакцію «Голоса» при слѣдующемъ письмѣ, которое осталось не напечатаннымъ:

Милостивый Государь, г. редакторъ.

Принося вамъ мою искреннюю благодарность за возстановленіе цѣликомъ документа, относящагося до сеанса, даннаго г. Юмомъ ученымъ нашимъ, я покорнѣйше прошу васъ помѣстить теперь въ газетѣ вашей другой документъ (подлинникъ котораго хранится у меня),—протестъ противъ оскорбительныхъ для чести г. Юма слуховъ, распространяемыхъ нѣкоторыми здѣшними газетами, къ которымъ, къ сожалѣнію, присоединилась и ваша.

При этомъ считаю умѣстнымъ обратить вниманіе публики (если вамъ угодно будетъ напечатать это письмо) на слѣдующіе знаменательные факты:

«Въ № 80-мъ «Голоса», № 82-мъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и въ нѣкоторыхъ другихъ газетахъ утверждается, со словъ здѣшняго корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей», что г. Юмъ, во время пребыванія своего въ С.-Петербургѣ, «находилъ нужнымъ дѣлать предъ сеансами своими нѣкоторыя приспособленія въ квартирахъ приглашавшихъ его лицъ, собиралъ съ зрителей бумажки и изумруды» и, слѣдовательно, «шарлатанскимъ способомъ наживалъ деньги». Нижеподписавшіяся лица, у

1) Тѣ люди, которые печатно безчестятъ г. Юма не подписываютъ своихъ именъ; но тѣ, которые печатно свидѣтельствуютъ о его чести, подписываютъ имена свои. Въ заграничной печати я могъ бы указать до сотни такихъ свидѣтелей, среди которыхъ многіе принадлежатъ къ высшимъ сферамъ науки и общества.

2) Тѣ люди, которые видѣли г. Юма и присутствовали на его сеансахъ, не чувствуютъ себя обманутыми, оскорбленными; но тѣ, которые не видали г. Юма, не присутствовали на его сеансахъ, считают насъ обманутыми, себя оскорбленными; желаютъ «ухватиться» за него, изболочить его! Печатно, въ огражденіе чести обманутаго общества, износятъ они приговоръ свой надъ честью частнаго человека,—и на основаніи какихъ же уликъ? Своей собственной брани и клеветы!

3) Свидѣтели сихъ сеансовъ считаются жертвами психической болѣзни, эпидеміи; жертвы сами бросились къ врагамъ—хотѣли заявить, что видѣли, слышали, чувствовали! Но ни одинъ врачъ-публицистъ не принялъ ихъ показаній, не огласилъ симптомовъ болѣзни, не описалъ явленій эпидеміи. И по сіе время читающая публика не знаетъ, ничего не знаетъ о томъ, что было на сеансахъ Юма..., а леченіе продолжается.

Развѣ это не знаменательно? Развѣ это не представляетъ глубоко интересный психологическій фактъ? Развѣ не слѣдуетъ послѣ этого спросить себя: на чьей сторонѣ болѣзнь, эпидемія, улики? Кого надо лечить, кого судить?

Примите и проч.

А. Аксаковъ.

25 апрѣля, 1871 г.

которыхъ г. Юмъ давалъ свои сеансы, считаютъ себя, по долгу справедливости, обязанными заявить, что они принимали къ себѣ г. Юма, какъ гостя и знакомаго, что платы за свои сеансы ни деньгами, ни изумрудами онъ ни отъ кого изъ нихъ не получалъ, и въ квартирахъ ихъ, предъ сеансами, никакихъ приспособленій не дѣлалъ. С.-Петербургъ, 26-го марта 1871 года. Подписали: *Федоръ А. Левшинъ*, баронъ *Федоръ Е. Мейендорфъ*, жена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *Елизавета Левшина*, князь *А. Куракинъ*, князь *П. Волконской*, графъ *Александръ В. Соллогубъ*, баронъ *М. Платовъ*, баронъ *Александръ Е. Мейендорфъ*, княгиня *С. Шаховская*, рожденная графиня *Моденъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Александръ В. Шаховской*, баронесса *М. Ливенъ*, *Павелъ Мельниковъ*, *Александръ Языковъ*, князь *Константинъ Суворовъ*, *Александръ Аксаковъ*». «Въ дополненіе, необходимо присовокупить — говорить г. А. Аксаковъ — что г. Юмъ давалъ здѣсь сеансы только у двадцати лицъ; изъ нихъ нѣкоторые находятся теперь въ отсутствіи, и нѣкоторые, по общественному положенію своему, не могутъ дать своихъ подписей».

5) Подлинный протоколъ засѣданія ученой комисіи для изслѣдованія происходящихъ въ присутствіи г. Юма явленій.

См. «Голосъ», 17 апрѣля, 1871 г., № 105.

По поводу сеанса, даннаго извѣстнымъ спиритомъ и медіумомъ, г. Юмомъ, въ здѣшнемъ университетѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ ученыхъ и профессоровъ мы полу-

чили для напечатанія въ нашей газетѣ отъ свидѣтеля со стороны г. Юма на этомъ сеансѣ, г. А. Аксакова, слѣдующіе документы объ этомъ сеансѣ, которые, вѣроятно, будутъ прочтены читателями не безъ любопытства. Документы эти были присланы при слѣдующемъ письмѣ г. Аксакова къ редактору «Голоса»:

«Милостивый Государь, г. редакторъ.»

«Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, въ надеждѣ, что вы, ограждая честь и свободу печатнаго слова, не откажетесь исполнить ее.

«Въ № 100-мъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатанъ подлинный протоколъ сеанса, даннаго Юмомъ въ университетѣ; но изъ протокола этого выкинуты показанія мое и барона Мейндорфа — свидѣтелей со стороны г. Юма на этомъ сеансѣ. Хотя въ выноскѣ къ этой статьѣ напечатано: «Ниже изъ протокола и примѣчаній къ нему окажется, почему эти свидѣтели были необходимы», но, тѣмъ не менѣе, примѣчанія эти остались ненапечатанными.

«Полагаю, что всякій документъ долженъ быть напечатанъ безъ урѣзокъ подписей, и что для того свидѣтели призываются къ дѣлу, чтобъ голосъ ихъ могъ быть выслушанъ.

«Въ полной увѣренности, что вы раздѣляете это мнѣніе, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ напечатать въ газетѣ вашей прилагаемые при семъ документы въ томъ видѣ, въ которомъ они были представлены мною въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», т. е. вмѣстѣ съ показаніями свидѣтелей г. Юма. Audiatur et altera pars!

«Примите и проч.

«Александръ Аксаковъ.»

«14-го апрѣля, 1871 г.»

«24-го февраля, 1871 года, г. Юмъ, на частномъ чтеніи о спиритуализмѣ, между прочимъ, предложилъ отдать себя въ распоряженіе ученой комисіи, для изслѣдованія происходящихъ въ его присутствіи явленій. Вслѣдствіе чего, по инициативѣ г. профессора с.-петербургскаго университета А. М. Бутлерова, составившаяся для этой цѣли комиссія собралась для предварительнаго совѣщанія у директора медицинскаго департамента, Е. В. Пеликана, въ одной изъ комнатъ этого департамента. На этомъ совѣщаніи присутствовали: докторъ медицины Пеликанъ, гг. члены академіи наукъ, профессоръ с.-петербургскаго университета: Бутлеровъ — химіи, Овсянниковъ — фізіологіи, гг. профессора университета: Петрушевскій — фізики, и Ціонъ — фізіологіи, и, со стороны г. Юма, А. Н. Аксаковъ, представившій отъ его имени на обсужденіе комисіи письменное заявленіе о тѣхъ условіяхъ, которыя онъ ставилъ отъ себя для сего изслѣдованія. Условія эти почти безъ всякихъ измѣненій были приняты всѣми членами комисіи, за исключеніемъ г. Петрушевскаго, который отказался принять ихъ, говоря, что г. Юмъ долженъ отдаться комисіи въ безусловное распоряженіе, что явленія эти должны быть произведены при тѣхъ условіяхъ, которыя, будутъ поставлены не имъ, а ею самою, и что присутствіе свидѣтелей со стороны г. Юма онъ также находитъ неумѣстнымъ ¹⁾. Вслѣдствіе его отказа, мѣсто его было, по особенному желанію, занято г. членомъ академіи наукъ, профессоромъ математики с.-петербургскаго университета, Чебышевымъ.»

¹⁾ Ниже, изъ протокола и примѣчаній къ нему, окажется, почему эти свидѣтели были необходимы.

Заявление, поданное отъ имени г. Юма въ ученую комиссію для изслѣдованія происходящихъ при немъ явленій.

Г. Юмъ утверждаетъ словомъ чести, что странныя явленія, совершающіяся въ его присутствіи, происходятъ безъ всякаго сознательнаго и видимаго съ его стороны содѣйствія, что онъ служитъ только пассивнымъ орудіемъ для проявленія невѣдомыхъ до сихъ поръ силъ. Онъ съ полною готовностью отдаетъ себя въ распоряженіе ученаго комитета для изслѣдованія этихъ явленій, ставя съ своей стороны слѣдующія условія:

1) Чтобъ комитетъ обязался присутствовать по меньшей мѣрѣ, на трехъ сеансахъ, ибо, какъ слѣдуетъ изъ сказаннаго выше, онъ, Юмъ, никакъ не можетъ ручаться, въ данный моментъ, за успѣхъ и родъ проявленій, его волѣ неподчиняющихся и зависящихъ преимущественно, какъ дознано имъ по опыту, отъ психическихъ условій.

2) Чтобъ послѣ каждаго сеанса былъ составленъ, за подписью всѣхъ участвующихъ, протоколъ (какъ) о происшедшихъ явленіяхъ (такъ и о виновности въ нихъ Юма—фокусомъ, обманомъ или инымъ видимымъ средством¹⁾).

3) Чтобъ всѣхъ участвующихъ было не болѣе восьми человекъ со включеніемъ Юма и чтобъ въ числѣ ихъ было два свидѣтеля съ его стороны, которыми, въ настоящемъ случаѣ, онъ проситъ быть барона Николая Егоровича Мейендорфа и Александра Николаевича Аксакова.

4) Чтобъ болѣзнь Юма была признана уважительною причиною для отложенія засѣданія до другаго раза.

и 5) Что касается до внѣшнихъ условій сихъ сеан-

¹⁾ Слова въ скобкахъ были вычеркнуты комиссіею.

совъ, то они состоятъ единственно въ томъ, чтобъ всѣ присутствующіе сидѣли спокойно за столомъ, и, для взаимнаго контроля, держали руки свои на столѣ, что, разумѣется, не исключаетъ всѣхъ движеній, необходимыхъ для наблюденія. Чтобъ двери комнаты, избранной для сеанса, были заперты; чтобъ участвующіе не были отвлечены помѣхами извнѣ: вызовомъ изъ комнаты, шумомъ въ сосѣдствѣ, и т. д.; чтобъ въ комнатѣ былъ свѣжій, чистый воздухъ, т. е. около 14° тепла по Р., безъ всякаго курева или сильныхъ ароматовъ ¹⁾.

Помянутые два свидѣтеля, внося это предложеніе г. Юма и условія его на благоусмотрѣніе имѣющаго составиться по этому поводу ученаго комитета, считаютъ, при этомъ, долгомъ совѣсти своей засвидѣтельствовать, какъ честность и искренность заявленій г. Юма, такъ и подлинность фактовъ, на которые онъ проситъ обратить вниманіе. Подлинное подписали: баронъ Николай Е. Мейендорфъ. Александръ Аксаковъ. 1-го марта 1871 года. С.-Петербургъ.

Протоколъ перваго засѣданія ученой комисіи для изслѣдованія явленій, производимыхъ г. Юмомъ.

Присутствовали: директоръ медицинскаго департамента Е. В. Пеликанъ, члены Академіи Наукъ: П. Л. Чебышевъ, Ф. В. Овсянниковъ и А. М. Бутлеровъ, профессоръ с.-петербургскаго университета И. Ф. Ціонъ, г. Юмъ и его свидѣтели: г. Аксаковъ и баронъ Мейендорфъ.

Засѣданіе открылось 10-го марта 1871 года, въ 9¹/₂ ч. вечера, въ одной изъ комнатъ физическаго кабинета с.-пе-

¹⁾ Къ этому пункту, по предложенію г. Пеликана, было прибавлено, чтобъ одинъ изъ членовъ комисіи имѣлъ право отнимать руки свои отъ стола и отодвигаться отъ него для удобства наблюденій.

тербургскаго университета; температура комнаты была отъ 14—15° R. Посреди комнаты находился столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. На вопросъ г. Ціона: имѣеть ли устройство стола какое нибудь вліяніе на успѣхъ явленій, происходящихъ при Юмъ, г. Юмъ отвѣчалъ, что для него совершенно индифферентно, изъ чего сдѣланъ столъ, у котораго они происходятъ. Тогда всѣ присутствующіе усѣлись за столъ, съ котораго снята была суконная скатерть. Столъ былъ изъ зеркальнаго стекла, стоялъ на четырехъ ножкахъ и имѣлъ болѣе 2¹/₂ аршинъ длины и около 1¹/₂ арш. ширины; подъ столомъ была постлана бѣлая простыня; вслѣдствіе этого, свѣтъ, падавшій отъ двухъ свѣчей, поставленныхъ на стеклянномъ столѣ, ярко освѣщалъ все пространство подъ столомъ, такъ что ноги всѣхъ присутствующихъ были всѣмъ видны. Расположеніе присутствующихъ вокругъ стола было слѣдующее: г. Юмъ сидѣлъ съ одной стороны стола между гг. Чебышевымъ и Ціономъ, имѣлъ своимъ vis-a-vis г. Овсянникова, направо отъ этого послѣдняго сидѣлъ г. Пеликанъ, на лѣво г. Бутиловъ, гг. Аксаковъ и Мейендорфъ на двухъ противоположныхъ концахъ стола. По желанію г. Юма, присутствующіе положили свои руки на столъ. Всѣ присутствующіе во все время сеанса исполняли всѣ замѣчанія г. Юма насчетъ положенія рукъ, отвлеченія вниманія отъ предмета засѣданія посредствомъ постороннихъ разговоровъ, и т. д.

Черезъ 15—20 минутъ послѣ начала сеанса, г. Юмъ обратилъ вниманіе присутствующихъ на замѣтное трясеніе стола, отразившееся также на пламени свѣчей, стоявшихъ на немъ. Г. Ціонъ объяснилъ это трясеніе дрожаніемъ рукъ, лежащихъ на столѣ; онъ самъ чувствовалъ

въ мышцахъ большаго и малаго пальцевъ, придавленныхъ къ столу, слабыя сокращенія; г. Юмъ не согласился съ этимъ объясненіемъ, а напротивъ, принялъ это трясеніе стола за предвѣстникъ имѣющихъ обнаружиться феноменовъ. Трясеніе стола вскорѣ (по замѣчанію г. Юма) ¹⁾ прекратилось. Немного спустя, г. Юмъ обратилъ вниманіе на учащеніе своего пульса. По опредѣленію г. Пеликана, пульсъ г. Юма бился (до) ¹⁾ 100 разъ въ минуту. Въ то же время, однако, оказалось, что у нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, по понятной причинѣ (въ комнатѣ температура возвысилась) ¹⁾, тоже участился пульсъ: по опредѣленію г. Пеликана пульсъ у г. Ціона дошелъ также до 100 ударовъ, у г. Овсянникова до 95-ти ударовъ. Г. Юмъ, чрезъ 30—40 минутъ, объявилъ, что онъ чувствуетъ въ воздухѣ какой-то *cou rant d'air*, имѣющій, по его мнѣнію, такое же значеніе, какъ трясеніе стола; приписавъ этотъ *cou rant d'air* открытой трубѣ, г. Ціонъ ее закрылъ. При выслушиваніи стола, г. Юмъ увѣрялъ, что онъ слышитъ слабыя стуки въ столѣ; другіе присутствующіе этихъ стуконъ не слыхали. Черезъ часъ послѣ начала сеанса, никакія явленія ни въ столѣ, ни въ комнатѣ не обнаруживались. Г. Юмъ посоветовалъ попробовать измѣненіе вѣса стола, подъ вліяніемъ воли присутствующихъ. Г. Ціонъ взвѣшивалъ столъ посредствомъ динамометра, взятаго изъ физическаго кабинета; способъ измѣренія допускалъ большую точность. Вѣсъ стола, вмѣстѣ съ находившимися на немъ руками, равнялся около 75 фунтовъ; этотъ вѣсъ не увеличивался, несмотря на желаніе г. Юма и присутствующихъ. Также безуспѣшно было подобное измѣреніе, произведенное г. Бутлеровымъ. Присутствующіе просидѣли

¹⁾ Слова въ скобкахъ вставлены въ подлинникѣ карандашомъ.

вокругъ стола еще до 11 ч. 20 м. вечера; но ни одно изъ тѣхъ явленій, которыя, какъ говорятъ, обыкновенно сопровождаютъ подобные сеансы, не обнаружилось; вслѣдствіе этого, присутствующіе разошлись, постановивъ, что слѣдующее засѣданіе будетъ 11-го марта, въ 8 час. вечера.

Всѣ приготовленія къ сеансу взялъ на себя, по просьбѣ комисіи, г. Ціонъ. Выборъ мѣста сеанса, приготовленіе стола, измѣрительныхъ приборовъ и т. д., сдѣланы были имъ, такъ что ни г. Юмъ, ни его свидѣтели ничего не знали о ближайшихъ условіяхъ сеанса. Всѣ комнаты, окружающія ту, въ которой происходило засѣданіе, были съ утра 10-го числа заперты и запечатаны г. Ціономъ, у котораго и хранились ключи. Докторъ Е. *Пеликанъ*, профессоръ Ф. *Овсянниковъ*, профессоръ П. *Чебышевъ*, профессоръ И. *Шіонъ*.

Въ дополненіе изложеннаго, считаю справедливымъ присовокупить, что г. Юмъ, какъ это извѣстно большинству членовъ ученой комисіи, находился въ болѣзненномъ состояніи за нѣсколько дней до засѣданія и во время самого засѣданія. Профессоръ А. *Бутлеровъ*.

«Въ качествѣ свидѣтеля со стороны г. Юма, считаю себя обязаннымъ дополнить протоколъ этого сеанса нѣкоторыми, относящимися до него, подробностями, умолчаніе о которыхъ, не нарушая истины, даетъ, однакожъ, о немъ не полное понятіе. На предварительномъ совѣщаніи настоящей комисіи, происходившемъ 6-го марта, въ одной изъ комнатъ медицинскаго департамента, я имѣлъ честь просить комисію какъ можно поспѣшить назначеніемъ дней для сеансовъ, такъ какъ г. Юмъ крайне торопился отъѣздомъ своимъ, и здоровье его съ наступленіемъ оттепелей стало ухудшаться, но не настолько еще, чтобъ онъ

считалъ себя вправѣ уклониться отъ предположенныхъ сеансовъ. Вслѣдствіе чего день для перваго сеанса и былъ назначенъ на 7-е число марта. Когда, утромъ этого дня, я зашелъ извѣстить объ этомъ г. Юма, онъ объявилъ мнѣ, что лихорадочное состояніе его и слабость настолько усилились, что онъ не можетъ прибыть въ этотъ день на сеансъ и очень просить, чтобъ кто нибудь изъ гг. членовъ комисіи взялъ на себя трудъ заѣхать къ нему въ этотъ день, чтобъ удостовѣриться въ его болѣзненномъ состояніи; согласно сему, въ тотъ же день, вечеромъ, его навѣстили на квартирѣ барона Е. Ф. Мейендорфа (Большая Конюшенная улица, домъ № 2-й), гг. члены комисіи: Чебышевъ, Бутлеровъ и Овсянниковъ, изъ коихъ послѣдній, какъ врачъ, могъ убѣдиться что г. Юмъ былъ, дѣйствительно, нездоровъ. Оправившись нѣсколько, онъ просилъ меня передать комисіи о желаніи своемъ, чтобъ сеансъ состоялся 10-го числа. Прибывши на этотъ сеансъ, онъ былъ тотчасъ же спрошенъ г. Пеликаномъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Г. Юмъ отвѣчалъ, что лихорадочное состояніе, хотя и слабое, не покидаетъ его; и г. Пеликанъ, ощупавъ пульсъ его, еще до начала сеанса, нашелъ его скорымъ; на эту замѣтку я лично уполномоченъ отъ г. Пеликана. Обращаясь за симъ къ протоколу сего сеанса, составленному г. профессоромъ Ціономъ, я долженъ замѣтить, что хотя г. Юмъ и отвѣтилъ, что ему все равно, изъ какого матеріала сдѣланъ столъ, но, на мой вопросъ: случалось ли ему когда сидѣть для сеанса за стекляннымъ столомъ, онъ отвѣтилъ: «никогда», и затѣмъ, во время сеанса, замѣтилъ, что, во всякомъ случаѣ, это опытъ новый, такъ какъ до сего времени, онъ еще никѣмъ, никогда не былъ произведенъ. Замѣчаніе это было энерги-

чески поддержано г. Чебышевымъ, заявившимъ, что опытъ этотъ долженъ быть произведенъ при тѣхъ именно условіяхъ, при которыхъ ожидаемыя явленія обыкновенно происходятъ, такъ что рѣчь зашла даже о томъ, чтобъ тотчасъ же пересѣсть къ обыкновенному столу, но оставили это до другаго раза. Что касается «замѣтнаго трясенія стола, отразившагося также на пламени свѣчей», то, на объясненіе г. Ціона, что трясеніе это происходитъ отъ дрожанія лежащихъ на столѣ рукъ, г. Юмъ замѣтилъ: «почему же одна свѣча дрожитъ, а другая нѣтъ?» и, дѣйствительно, никѣмъ не было замѣчено, чтобъ другая свѣча дрожала. Такъ какъ въ протоколѣ находится не только простое описаніе этого факта, но и объясненіе его, принадлежащее лично г. Ціону, то и я позволю себѣ замѣтить, что хотя, по объясненію г. Ціона, трясеніе стола происходило отъ дрожанія рукъ, но точно также можно предположить, что, наоборотъ, дрожаніе рукъ происходило отъ трясенія стола; по крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ присутствующихъ, кромѣ г. Ціона не заявилъ, чтобъ онъ чувствовалъ дрожаніе въ рукахъ или сокращеніе въ пальцахъ; если же г. Ціонъ испыталъ подобныя сокращенія, то это можетъ объясниться тѣмъ, что, по его же словамъ, пальцы его были *придавлены* имъ къ столу, чего другіе, повидимому, не дѣлали, держа руки на столѣ совершенно свободно, мѣняя ихъ положеніе по произволу; за симъ объясненіе г. Ціона сводится къ тому, едва ли правдоподобному предположенію, что *слабыя* сокращенія въ мышцахъ его двухъ пальцевъ производили *замѣтное* трясеніе стола, вѣсившаго около четырехъ пудовъ и установленнаго, какъ надо полагать, на столько прочно, чтобъ онъ могъ воспротивиться всякимъ подобнымъ колыханіямъ со

стороны г. Юма или свидѣтелей его. Переходя къ обстоятельству объ измѣреніи пульса г. Юма, я долженъ замѣтить, что тутъ редакція протокола невѣрна: г. Юмъ обратилъ вниманіе на пульсъ свой не для того, чтобъ доказать его учащеніе, а для того, чтобъ доказать свое лихорадочное состояніе; г. Пеликанъ, какъ я сказалъ выше, еще до сеанса, засвидѣтельствовалъ скорость пульса г. Юма, а теперь, измѣривъ его, опредѣлилъ ее въ 100 ударовъ; на что г. Ціонъ замѣтилъ, что это еще не есть доказательство болѣзни, ибо у него самого пульсъ бьется всегда 120 (сто двадцать) ударовъ, и протянулъ свою руку г. Пеликану, который опредѣлилъ его также въ сто ударовъ и назвалъ «ненормальнымъ», причемъ г. Юмъ замѣтилъ: «какое быстрое пониженіе!» Изъ этого оказывается, что г. Ціонъ, во время сеанса, скорость пульса г. Юма объяснялъ не *учащеніемъ*, а нормальною скоростью нѣкоторыхъ пульсовъ, иначе его возраженіе не имѣло бы силы; что, затѣмъ, слова протокола: «у нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ тоже *участился* пульсъ» лишены основанія, ибо ни у кого изъ присутствующихъ пульсъ, до начала сеанса, не былъ измѣренъ; и, наконецъ, что касается лично г. Ціона, то пульсъ его не «*дошелъ*», какъ онъ говоритъ, а *упалъ* до 100 ударовъ. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ неумѣстнымъ и то объясненіе, что учащеніе пульса присутствующихъ произошло отъ возвышенія температуры въ комнатѣ; ибо трудно допустить, чтобъ та же самая причина произвела у иныхъ возвышеніе пульса, а у другихъ пониженіе его. Если же допустить, что «температура въ комнатѣ возвысилась» на столько, что оказала замѣтное дѣйствіе на пульсъ гг. присутствующихъ, то надо предположить, что

она возвысилась не на одинъ градусъ надъ 15° , при которыхъ, по словамъ протокола, былъ начатъ сеансъ, и, въ такомъ случаѣ, такое значительное повышеніе температуры было, такъ же, какъ и стеклянный столъ, отступленіемъ отъ заявленныхъ для сеанса условій, по коимъ подразумѣвался столъ обыкновенный и требовалась въ комнатѣ температура около 14° R. Вообще, должно замѣтить, что, по личному отзыву г. Юма, дрожаніе стола и свѣчки, вѣяніе надъ руками (что въ протоколѣ названо *courant d'air* въ воздухѣ) и стуки въ столъ были столь слабы и ничтожны, что не стоило и говорить о нихъ, изъ чего можно было понять, что, съ своей стороны, онъ даже не считалъ ихъ заслуживающими помѣщенія въ протоколѣ. Въ заключеніе, я обязанъ присовокупить, что въ заголовкѣ: «Протоколъ перваго засѣданія ученой коммисіи для изслѣдованія явленій, производимыхъ г. Юмомъ», слова «производимыхъ г. Юмомъ» должны быть замѣнены словами «происходящихъ, какъ говорятъ, въ присутствіи г. Юма», ибо утверждать, что явленія эти производятся г. Юмомъ, было бы предрѣшеніемъ вопроса.

• «Александръ Аксаковъ.

«Подтверждаю замѣчанія и соглашаюсь съ мнѣніями г. Аксакова.

«Баронъ Ѳедоръ Е. Мейендорфъ.

III.

Удачные сеансы Юма съ англійскими учеными: Варлеемъ, Круксомъ, Геггинсомъ и другими.

1) Письмо члена Королевскаго Общества, физика Варлея къ Тиндалю, о явленіяхъ, совершающихся въ присутствіи Юма ¹⁾.

19-го Мая, 1868 г., Fleetwood House, Beckenham.

Любезный г. Тиндаль! Г. Уаллэсъ передалъ мнѣ письмо ваше къ нему отъ 7 мая, сего года. Я постараюсь, согласно вашему желанію, описать вкратцѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ «физическихъ явленій», которыя я дважды имѣлъ случай наблюдать въ присутствіи г. Юма, а также и предосторожности, мною принятыя, противъ фокусничества. Для поясненія позвольте мнѣ напередъ замѣтить, что цѣль сеанса состояла именно въ томъ, чтобъ доказать мнѣ, что эти «физическія проявленія» не суть дѣло фокусничества, но что въ нихъ участвуетъ другая разумная сила, помимо г. Юма и присутствующихъ. Я очень часто слыхалъ отъ людей достойныхъ вѣры о необыкновенныхъ проявленіяхъ, совершающихся въ присутствіи этого столь много оклеветаннаго джентльмена, и съ великимъ нетерпѣніемъ желалъ лично познакомиться съ ними.

¹⁾ Подлинникъ напечатанъ въ журналѣ «The Spiritual Magazine» за іюнь, 1868 г.

Прим. перев.

Не имѣя рекомендательнаго письма, я отправился однажды утромъ во вторникъ, весною 1860 г., прямо къ нему на домъ, въ Sloane Street, № 134, и сказалъ ему, что я состою въ качествѣ физика по части электричества при атлантическомъ телеграфномъ и, также, электрическомъ международномъ обществахъ, — что я хорошо знакомъ съ электричествомъ, магнетизмомъ и другими физическими силами, — что я слышалъ о необыкновенныхъ проявленіяхъ, совершающихся въ его присутствіи, и весьма желалъ видѣть ихъ и изслѣдовать ихъ причину; на вопросъ мой, позволить ли онъ мнѣ быть свидѣтелемъ ихъ, онъ отвѣчалъ, что «будетъ этому чрезвычайно радъ». При этомъ онъ предупредилъ меня, что не можетъ поручиться за происхожденіе какого бы то ни было явленія, — что они характера весьма деликатнаго, и что обыкновенно требуется нѣсколько засѣданій прежде, чѣмъ установятся требуемыя для удовлетворительныхъ результатовъ отношенія.

На слѣдующій день я получилъ формальное приглашеніе для себя и г-жи Варлей на четвергъ вечеромъ, между семью и восемью часами. Г. Юмъ помѣщался въ меблированныхъ комнатахъ; гостиная, въ которую я былъ введенъ во вторникъ, и въ которой явленія происходили въ четвергъ, находилась подъ москательною лавкою.

Въ оба раза я осматривалъ лѣстницу, чтобъ увидать не былъ ли полъ необыкновенной толщины, позволявшей помѣщеніе какихъ либо машинъ; я также заходилъ въ лавку и осматривалъ потолокъ подъ гостиной, но ничего необыкновеннаго не замѣтилъ. Гостиная была меблирована довольно скудно; въ ней находился диванъ и около дюжины креселъ, и ничего другаго, что могло бы скрывать многочисленные снаряды.

Каждый изъ насъ сѣлъ вокругъ большаго, тяжелаго круглаго стола. Я напередъ уговорился съ г-жею Варлей наблюдать какъ можно пристальнѣе, зорко слѣдить за всѣмъ, что могло бы походить на фокусничество, осматривать комнату, мебель и всѣхъ присутствующихъ, при всемъ, что могло бы показаться подозрительнымъ, и еслибъ что необыкновенное случилось, то замѣтить это тщательно и запечатлѣть въ памяти такъ, чтобы мы могли свѣрить потомъ наши наблюденія. На прилагаемой при семъ бумажкѣ я прописалъ вамъ, для личнаго вашего усмотрѣнія, имена всѣхъ присутствовавшихъ (за исключеніемъ одного, котораго припомнить не могу), и указалъ ихъ размѣщеніе вокругъ стола. Встрѣтивъ столько дамъ, я былъ нѣсколько недоволенъ, опасаясь, что это воспрепятствуетъ строгому изслѣдованію.

Дама, сидѣвшая влѣво отъ Юма, т. е. между мною и имъ (я буду называть ее г-жею А.), и посвятившая этому предмету много времени, настоятельно просила меня, — а также и г. Юмъ — употребить всѣ возможные старанія, чтобъ изъ изслѣдованія сихъ явленій вынести полное удовлетвореніе и ради того, для полнѣйшаго осмотра, нисколько не стѣсняясь этикетомъ или чѣмъ другимъ.

Я воспользовался этимъ. Первые явленія начались минутъ черезъ 20 послѣ того какъ мы сѣли за столъ. Мы слышали нѣсколько звуковъ или стуковъ, какъ ихъ обыкновенно называютъ. Я оглядывалъ столъ снизу, покуда г-жа Варлей наблюдала его сверху. Четыре газовые рожка освѣщали комнату яркимъ свѣтомъ, всѣ руки лежали на столѣ; всѣ ноги, согласно заявленному г. Юмомъ желанію, были задвинуты подъ кресла.

Мнѣ были тогда объяснены слѣдующіе простые условные знаки:

1 звукъ, или движеніе, или другое дѣйствіе, значить *нѣтъ*.

3 звука » » » *да*.

2 » » *сомнительно*,

т. е. ни *да*, ни *нѣтъ* не могутъ служить отвѣтомъ.

5 звуковъ или какихъ либо движеній, — требованіе *алфавита*, т. е. слѣдуетъ читать или указывать азбуку и, при требуемой буквѣ, раздается три удара. Такимъ способомъ слова могли бы быть телеграфованы легко, хотя и медленно, всежимъ, кто могъ бы производить помянутые условные знаки. Г-жа А. выразила вслухъ желаніе, чтобъ я почувствовалъ прикосновеніе; тотчасъ же раздалось пять стуконъ и телеграфованіе началось. Этимъ способомъ намъ было сказано, что сообщающійся боялся подойти ко мнѣ. Я ничего не отвѣтилъ, но только зорко осматривался, и старался открыть откуда исходили стуки. Вскорѣ затѣмъ столъ сталъ наклоняться, сперва на одну сторону, потомъ на другую, оставаясь иногда на нѣсколько секундъ въ наклонномъ положеніи, описавъ дугу примѣрно въ 30 градусонъ. Я осматривалъ столъ сверху и снизу; всѣ руки спокойно лежали на немъ, и я не могъ открыть никакого признака мышечнаго напряженія въ комъ либо изъ насъ. Около этого времени стуки стали раздаваться явственнѣе и были двухъ различныхъ родовъ: звукъ однихъ былъ ниже, но громче другихъ. Болѣе слабый и высокій звукъ сообщилъ, что онъ уже теперь не боится меня и прикоснется до моего сюртука, и, дѣйствительно, онъ былъ потянутъ или дернутъ три раза, съ полусекундными промежутками между каждымъ подергиваніемъ. Такъ какъ подергиванія этимъ под-

вергался мой сюртукъ, спускавшійся низко съ правой стороны, между моимъ кресломъ и кресломъ г-жи А., то во мнѣ мелькнула мысль, что это не можетъ служить доказательствомъ, но что еслибъ сюртукъ мой былъ потянутъ надъ столомъ, такъ чтобъ я могъ видѣть это, то это было бы гораздо удовлетворительнѣе. Въ ту минуту, какъ эта мысль пришла мнѣ на умъ, отворотъ моего сюртука съ правой стороны, на разстояніи фута отъ лица моего, былъ отогнутъ три раза. Въ ту же минуту, желая изслѣдовать это тщательнѣе, я пожелалъ *умственно*, чтобъ лацканъ съ лѣвой стороны былъ тронутъ такимъ же образомъ. Не успѣла еще мысль эта облечься въ слова въ умѣ моемъ, какъ лѣвый лацканъ былъ трижды отогнутъ, согласно желанію.

Вскорѣ послѣ того было сообщено, что меня тронуть за колѣно; не шевелясь, я опять молча пожелалъ, чтобъ трижды было тронуте мое правое колѣно, и немедленно я почувствовалъ три отчетливыя прикосновенія. Я мысленно сказалъ: лѣвое колѣно, — въ ту же секунду оно было тронуте три раза. Я мысленно сказалъ: правое плечо, — и тотчасъ же я почувствовалъ прикосновеніе къ нему, но ничего не увидалъ. Тогда я мысленно сказалъ: лѣвое плечо — и наконецъ: темя — и каждый разъ эти мѣста были тронуты по три раза. Все это произошло не болѣе какъ въ 10 секундъ. Такъ какъ я не говорилъ и не двигался, то никто и не зналъ о происшедшемъ, покуда я не рассказалъ. Тутъ столъ началъ часто приподниматься съ одного боку и, при помощи условленныхъ знаковъ, намъ было сказано встать, что мы и сдѣлали, слегка прикасаясь руками къ столу; нѣсколько покачавшись онъ вдругъ поднялся весь на 14 или 15 дюймовъ отъ полу,

подвигался въ разныя стороны и опустился. Во время этого явленія я осматривалъ столъ снизу, но ничего не увидалъ. Руки по прежнему покоились на столѣ и разумѣется уже не онѣ поддерживали его. Тогда мнѣ пришло въ голову, что такъ какъ на мои *негласныя* мысли я, при всѣхъ предшествующихъ явленіяхъ, получилъ отвѣты, то, еслибъ столъ опять поднялся на воздухъ, я пожелалъ бы, чтобъ онъ двигался по задуманнымъ направленіямъ; послѣ трехъ или четырехъ минутъ ожиданія, столъ опять поднялся на 12 или 15 дюймовъ отъ полу и оставался въ этомъ положеніи полныхъ полъ-минуты, я даже думаю цѣлую минуту. Я мысленно желалъ, чтобъ онъ двигался по различнымъ направленіямъ, и онъ исполнялъ это прежде, чѣмъ мысли мои успѣвали облекаться въ слова.

Однажды было слышно, въ одно и тоже время, до четырехъ различнаго рода стуковъ, и столько же лицъ дѣлали одновременно вопросы и получали отвѣты. По желанію, стуки эти раздавались въ стѣнахъ, въ потолокѣ, въ креслахъ нашихъ; эти послѣднія были явственно потрясаемы ими, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ они всѣ дрожали такъ сильно, что одновременно обращали на себя всеобщее вниманіе.

Нѣкоторые изъ насъ, покуда сидѣли въ креслахъ, были внезапно перевернуты назадъ, и сдѣланныя впослѣдствіи попытки показали, что требовалось большаго усилія, чтобъ сдѣлать тоже самое руками. Это переворачиваніе случилось какъ съ тѣми, которые сидѣли далеко отъ Юма, такъ и съ сидѣвшими возлѣ него. Сеансъ продолжался до 11-ти час., г. и г-жа Юмъ, также и г-жа А., назвали его необыкновенно удачнымъ, и выразили удивленіе, что столько силы могло проявиться при моемъ *первомъ* изслѣдованіи.

Возвратившись домой, мы оба свѣрили свои наблюденія, при чемъ оказалось, что жена моя также сдѣлала очень много мысленныхъ вопросовъ и получила на нихъ отвѣты также скоро, какъ и я.

Было между 12 и 1 час. ночи, когда мы возвратились на свою квартиру, находившуюся на противоположномъ концѣ Лондона, въ пяти или шести миляхъ отъ Sloane-Street. Прежде, чѣмъ идти спать, я предложилъ женѣ посидѣть со мною въ гостиной, и еще разъ тщательно передумать то, что мы вмѣстѣ видѣли, равно и средства нами употребленныя, чтобъ уберечься отъ обмана. Покуда мы этимъ занимались, и не смотря на то, что пять миль отдѣляли насъ отъ медіума, тѣ же звуки или стуки раздались въ стѣнахъ нашего собственнаго дома.

Слѣдующій вечеръ я получилъ отъ г. Юма письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ насъ о томъ фактѣ, что мы слышали эти стуки въ нашемъ собственномъ домѣ. Вскорѣ затѣмъ я увидаль его и спросилъ его, какъ онъ узналъ это; онъ отвѣтилъ мнѣ, что та же сила, которая производила эти явленія на его квартирѣ, произвела эти стуки и въ моей комнатѣ, увѣдомила его объ этомъ и дала мысль написать мнѣ, чтобъ это могло служить еще новымъ доказательствомъ.

Второй сеансъ у меня на дому, въ Beskenham'н, Kent.

Присутствовали: Д. Д. Юмъ, дама, чиновникъ изъ города, купецъ, джентльменъ, капитанъ корабля, г-жа Варлей и я.

Я купилъ этотъ домъ въ послѣдней половинѣ 1863 г., когда онъ еще достроивался и не имѣлъ половъ; поэтому я хорошо знакомъ съ его внутреннимъ строеніемъ.

Лѣтомъ 1864 г., я просилъ г. Юма сдержать свое

обѣщаніе дать мнѣ сеансъ у меня на дому и, по этому случаю, пригласилъ вышеозначенныхъ лицъ. До этого г. Юмъ никогда въ домѣ не былъ.

Произошло очень много явленій похожихъ на выше-описанныя; были однако же и такія, которыхъ я у него на квартирѣ не видалъ. Въ продолженіи вечера онъ видимо сдѣлался нервнѣе, попросилъ меня взять его за руки, и, какъ бы нѣсколько испугавшись, сказалъ: «Посмотрите назадъ». Тутъ, обѣ ноги свои онъ положилъ на мое лѣвое колѣно, и, по его просьбѣ, я сталъ держать ихъ между своими ногами, а обѣ руки его обхватилъ своими. Мы всѣ взглянули по тому направленію, которое онъ указывалъ; возлѣ окна, семь футовъ позади г. Юма и меня, стоялъ маленькій столикъ; вскорѣ онъ задвигался. Столикъ этотъ на каточкахъ; какою-то невидимою силою онъ былъ пододвинутъ вплотъ до меня; въ это время возлѣ него не было никого, обѣ ноги и руки г. Юма я держалъ въ своихъ. Большой диванъ, на которомъ могли помѣщаться до 8 человѣкъ, сталъ ходить по всей комнатѣ и всѣхъ насъ отодвинулъ вплотъ до фортепіано.

Обманъ былъ невозможенъ. Подобнаго рода явленія были обильны въ этотъ вечеръ. Такъ какъ многія изъ нихъ случились уже въ сумерки, то они уже не подходятъ подъ ваше требованіе—наблюденія ихъ «при яркомъ свѣтѣ». Я имѣлъ случай видѣть «физическія явленія» болѣе двадцати разъ; но высшія явленія—психическія,—которыя для присутствующихъ при нихъ служатъ лучшимъ доказательствомъ, чѣмъ физическія,—я видѣлъ болѣе сотни разъ, какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ.

Вы можете спросить меня, почему я не обнародовалъ этого прежде. Отвѣтъ простъ—вы сами знаете, какимъ

образомъ все новое принимается въ этомъ мірѣ состязаній и распри.

Я старался при всякомъ случаѣ, когда только здоровье и занятія позволяли мнѣ, распознавать природу той силы, которая производитъ эти явленія, но, по настоящее время, я ушелъ не далѣе того, что открылъ только источникъ, изъ котораго почерпается эта сила, источникъ этотъ — жизненныя силы присутствующихъ и, въ особенности, медиума. Эта часть предмета, поэтому, еще не созрѣла для обнародованія.

Что же касается до самихъ явленій, то описаній ихъ множество, какъ въ этомъ, такъ и въ прошломъ столѣтіи, и нѣкоторыя изъ нихъ засвидѣтельствованы какъ нельзя лучше. Мы теперь только переучиваемъ то, что было изслѣдовано философами, жившими 2000 лѣтъ тому назадъ; и когда какой нибудь эллинистъ или латинистъ, познакомившійся съ характеромъ странныхъ явленій, представившихся съ 1848 г. въ такомъ изобиліи, переведеть надлежащимъ образомъ творенія этихъ великихъ людей, тогда міръ увидитъ, что совершающееся нынѣ есть только новое изданіе старой страницы исторіи, изученной проныцательными умами до такихъ подробностей, которыя не мало прибавятъ довѣрія къ словамъ мудрецовъ стараго времени, — стоявшихъ, повидимому, много выше узкихъ предразсудковъ своего вѣка и изучившихъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ размѣрахъ, превосходящихъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, наше современное знаніе.

Примите увѣреніе и проч.

Кромюель Ф. Варлей.

2) Спиритуализмъ въ свѣтъ современной науки.

Первая статья г. Крукса ¹⁾ въ лондонскомъ «Научномъ Временникѣ» (the Quarterly Journal of Science), за июль, 1870.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, въ одномъ изъ современныхъ журналовъ (the Athenaeum) былъ заявленъ тотъ фактъ, что я занимаюсь изслѣдованіемъ такъ называемаго спиритуализма; вслѣдствіе многихъ писемъ, мною послѣ того полученныхъ, я полагаю не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о предпринятомъ мною изслѣдованіи. Я не могу сказать, чтобъ я имѣлъ мнѣнія или сужденія о предметѣ, который я не имѣю претензіи понимать; но я того убѣжденія, что всякій человѣкъ науки, привыкшій къ точнымъ методамъ знанія, обязанъ изслѣдовать явленія, обращающія на себя вниманіе публики, и это съ тою цѣлью, чтобъ подтвердить ихъ подлинность, или разсѣять, если возможно, заблужденія честныхъ людей и изобличить продѣлки обманщиковъ. Но какъ отозваться о томъ, что объ изслѣдованіяхъ человѣка заявляется публично, когда онъ самъ еще не выразилъ желанія своего высказаться о нихъ?

Человѣкъ можетъ, по истинѣ, быть научнымъ человѣ-

¹⁾ Уильямъ Круксъ (William Crookes, F. R. S.), извѣстный англійскій химикъ, открывшій металлъ таллій, издатель журналовъ «Химическія Новости» (Chemical News) и «Научный Временникъ» (the Quarterly Journal of Science), членъ Лондонскаго Королевскаго и другихъ ученыхъ обществъ.

Прим. перев.

комъ и все-таки соглашаться съ профессоромъ Де-Морганомъ, когда онъ говоритъ: «Я слышалъ и видѣлъ, при такихъ условіяхъ, гдѣ невѣрію не можетъ быть мѣста, явленія, называемыя духовными, которыя, для существа разумнаго, не могутъ быть объяснены ни обманомъ, ни случаемъ, ни заблужденіемъ. На столько я слышу твердую почву подъ собой; но когда дѣло доходить до причины сихъ явленій, то я, со своей стороны, не могу принять ни одно изъ представленныхъ доселѣ объясненій. Физическія объясненія, доселѣ мнѣ попадавшіяся, до жалости недостаточны; духовная гипотеза достаточна, но представляетъ громадныя трудности» ¹⁾).

Относительно достаточности объясненій я теперь не могу говорить. Что нѣкоторыя физическія явленія, какъ-то, движенія вещественныхъ предметовъ и произведеніе звуковъ, походящихъ на электрическія разряженія, имѣютъ мѣсто при такихъ условіяхъ, при которыхъ они не могутъ быть объяснены никакимъ физическимъ доселѣ извѣстнымъ закономъ, это фактъ, который для меня также достовѣренъ, какъ самый элементарный фактъ въ химіи. Все мое научное воспитаніе было однимъ долгимъ урокомъ точности въ наблюденіи, и я желаю, чтобы было ясно понято, что это твердое убѣжденіе мое есть результатъ самаго тщательнаго изслѣдованія. Но относительно причины явленій, я не могу, въ настоящее время, отважиться ни на какую, даже самую смутную гипотезу. Доселѣ я ничего не видалъ, что могло бы убѣдить меня въ истинѣ «духовной» теоріи. Въ подобномъ изслѣдованіи разумъ требуетъ, чтобы доказательство духовное было безу-

¹⁾ О сочиненіи проф. Де-Моргана, изъ котораго взяты эти слова, см. въ этомъ сборникѣ статью «Спиритизмъ и Наука». *Прим. перев.*

словно единственно возможное; оно должно быть столь поразительно и убедительно, чтобъ мы не могли, не смѣли отвергнуть его.

Фаредей говоритъ: «Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію любого вопроса, относящагося до началъ физическихъ, мы должны составить себѣ ясныя понятія о естественно возможномъ и невозможномъ» ¹⁾. Но это представляется мнѣ разсужденіемъ въ кругѣ: мы должны изслѣдовать только то, что признаемъ возможнымъ; между тѣмъ, внѣ чистой математики, мы не можемъ сказать что невозможно, покуда не узнаемъ всего.

Въ настоящемъ случаѣ я предпочитаю приступить къ изслѣдованію безъ всякихъ предвзятыхъ понятій относительно того, что можетъ или не можетъ быть, но со всѣми моими внѣшними чувствами на сторожѣ и готовыми для передачи мозгу всѣхъ ощущеній своихъ; вѣря при этомъ, что мы никакимъ образомъ не исчерпали всего человѣческаго знанія, и не извѣдали глубину всѣхъ физическихъ силъ, и памятуя, что великій философъ, только что мною цитированный, сказалъ, относительно нѣкоторыхъ умозрѣній о силѣ тяготѣнія: «Нѣтъ ничего слишкомъ чудснаго для истины, если оно согласно съ законами природы, и, въ подобныхъ вещахъ, опытъ есть наилучшая повѣрка этого согласія».

Методы мышленія научныхъ людей, какъ мнѣ кажется, ложно понимаются спиритуалистами, съ которыми я говорилъ, и отвращеніе воспитаннаго въ наукѣ ума отъ изслѣдованія этого предмета зачастую приписывается

¹⁾ За подобное выраженіе Фаредей подвергся жестокой критикѣ со стороны проф. Де-Моргана. См. *Athenaeum*, №№ 1535 и 1637.

недостойнымъ побужденіямъ. Я думаю, поэтому, что не бесполезно будетъ, если я поясню здѣсь тѣ приемы сужденія, которые въ общемъ ходу у людей, преданныхъ изслѣдованію науки, и скажу какого рода опытное доказательство имѣетъ наука право требовать прежде, чѣмъ допустить въ ряды свои новый отдѣлъ знанія.

Прежде всего слѣдуетъ удостовѣриться въ фактахъ; затѣмъ опредѣлить условія; затѣмъ—законы. Точность и знаніе подробностей стоятъ на первомъ мѣстѣ между великими цѣлями современныхъ дѣятелей науки. Только вѣрныя наблюденія, произведенныя при самыхъ строгихъ условіяхъ, могутъ быть полезны для научнаго изслѣдователя; и тутъ, по моему, обнаруживается недостатокъ большей части спиритуалистическихъ доказательствъ. Въ предметъ, который, быть можетъ, болѣе, чѣмъ всякій другой, поддается плутовству и обольщенію, предосторожности противъ обмана были, какъ кажется, въ большинствѣ случаевъ, совершенно недостаточны, и это происходило, повидимому, вслѣдствіе того ошибочнаго понятія, что принятіе подобныхъ мѣръ равнялось подозрѣнію въ нечестности кого либо изъ присутствующихъ. Мы можемъ употреблять наши собственныя ничѣмъ не вооруженныя внѣшнія чувства; но когда, при обстоятельствахъ, поражающихъ возбужденіе и трудности,—при чемъ внѣшнія чувства наши могутъ лишиться должнаго равновѣсія,—мы прибѣгаемъ къ инструментальной помощи, чтобъ усилить ихъ чуткость, точность и достовѣрность—это принимается за обиду.

Въ огромномъ количествѣ наблюдений, мною прочитанныхъ, представляется весьма мало случаевъ такихъ засѣданій, которыя были бы устроены для исключитель-

ной цѣли полученія явленій при строгихъ условіяхъ, въ присутствіи людей надлежащимъ образомъ способныхъ, вслѣдствіе научнаго воспитанія, взвѣситъ и опредѣлитъ значеніе могущаго представиться факта. Единственный хорошій рядъ строгихъ опытовъ, мною встрѣченный, былъ предпринятъ графомъ Гаспареномъ, и онъ, признавши подлинность явленій, пришелъ къ заключенію, что въ происхожденіи ихъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго.

Псевдо-научный спиритуалистъ думаетъ, что знаетъ все: никакія вычисленія, никакіе трудные опыты, никакія пространныя, утомительныя чтенія не нарушаютъ ясности его духа; онъ не знаетъ скучныхъ усилій выразить въ ясныхъ словахъ то, что порадовало сердце или возвысило духъ. Онъ говоритъ, не запинаясь, о всѣхъ наукахъ и искусствахъ, закидывая изслѣдователя выраженіями: «электробіологизація, психологизація, животный магнетизмъ», и другими тому подобными; чистая игра въ слова, изобличающая скорѣе невѣжество, чѣмъ пониманіе. Популярное знаніе, подобное этому, мало способно направить открытіе; стремящееся впередъ къ невѣдомому будущему; настоящіе дѣльцы науки должны съ чрезвычайною осторожностію наблюдать, чтобъ бразды ея не попадали въ неспособныя и негодныя руки.

Въ изслѣдованіяхъ, которыя окончательно сбиваютъ съ толку обыкновеннаго наблюдателя, человѣкъ вполне научный имѣетъ большое преимущество. Путемъ продолжительнаго изученія онъ слѣдилъ за наукою съ самого начала и поэтому знаетъ по какому направленію она идетъ; онъ знаетъ, что есть опасности съ одной стороны, невѣрности съ другой, и почти абсолютная вѣрность съ третьей: онъ, въ извѣстной степени, видитъ впередъ. Но

тамъ, гдѣ каждый шагъ клонится къ чудесному и неожиданному, предосторожности и точнѣйшія испытанія должны скорѣе увеличиться, нежели уменьшиться. Исслѣдователи должны работать: работа ихъ, по объему своему, можетъ быть и очень незначительна, лишь бы только она вознаграждалась внутреннимъ превосходствомъ.

Спиритуалистъ говоритъ о тѣлахъ, вѣсящихъ 50 или 100 фунтовъ, подъемлемыхъ на воздухъ безъ содѣйствія какой либо вѣдомой силы; но научный химикъ привыкъ обращаться съ вѣсами столь чувствительными, что они могутъ обнаружить вѣсъ предмета, равняющагося даже одной десяти тысячной долѣ грана; поэтому онъ вправѣ требовать, чтобъ сила, признающая себя разумною, могущая скидывать тяжелое тѣло даже до потолка, точно также привела въ движеніе, установленные имъ принадлежащихъ условіяхъ, вѣсы его.

Спиритуалистъ говоритъ намъ объ ударахъ, раздающихся въ различныхъ частяхъ комнаты, когда два или три человѣка спокойно сидятъ вокругъ стола. Научный исслѣдователь вправѣ требовать, чтобы эти удары были произведены по натянутой перепонѣ его фонаутографа.

Спиритуалистъ говоритъ о комнатахъ и домахъ, потрясаемыхъ невидимою силою даже до поврежденія. Человѣкъ науки требуетъ только, чтобъ маятникъ, находящійся подъ стекляннымъ колпакомъ и на твердой подставкѣ, былъ приведенъ въ движеніе.

Спиритуалистъ говоритъ о разной тяжелой мебели, движущейся изъ одной комнаты въ другую безъ всякаго человѣческаго пособія. Но человѣкъ науки построилъ инструменты, которые могутъ раздѣлить дюймъ на мил-

ліонныя доли; и онъ имѣеть право сомнѣваться въ точности помянутыхъ наблюденій, если та же самая сила не въ состояніи подвинуть указатель его инструмента на одинъ жалкій градусъ.

Спиритуалистъ говоритъ о цвѣтахъ, со свѣжей еще на нихъ росю, о плодахъ и даже живыхъ предметахъ, приносимыхъ въ комнату сквозъ запертыя окна и каменные стѣны. Научный изслѣдователь естественно требуетъ, чтобъ прибавочная тяжесть, равная хотя бы тысячной долѣ грана, очутилась на одной чашѣ вѣсовъ его, когда шкапчикъ ихъ запертъ; а химикъ требуетъ, чтобъ тысячная доля грана мышьяку была пронесена сквозъ стѣнки стеклянной трубочки, въ которой герметически запаяна чистая вода.

Спиритуалистъ говоритъ о проявленіяхъ силы, которая равняется нѣсколькимъ сотнямъ «пудо-футовъ», и это безъ всякаго видимаго дѣятеля. Человѣкъ науки, вѣря твердо въ сохраненіе силы и въ то, что она никогда не проявится безъ соотвѣтствующаго израсходованія чего нибудь ее замѣщающаго, требуетъ чтобъ подобныя проявленія силы обнаружили въ его лабораторіи, гдѣ онъ можетъ взвѣсить, измѣрить и подвергнуть ее надлежащимъ испытаніямъ. ¹⁾

По этимъ то причинамъ и съ этими то чувствами я

¹⁾ Справедливость требуетъ, чтобъ я заявилъ здѣсь, что нѣкоторые изъ главныхъ «спиритуалистовъ» и наиболѣе благонадежныхъ «медіумовъ» Англіи, которымъ я имѣлъ случай изложить этотъ взглядъ мой, выразили полную надежду на успѣхъ подобнаго изслѣдованія, если только оно будетъ честно ведено, въ духѣ здѣсь высказанномъ; и они обѣщали содѣйствовать мнѣ въ этомъ всѣми силами своими, предоставляя свои спеціальныя способности въ мое распоряженіе. Я долженъ точно также сказать, что, до сихъ поръ, предварительные опыты мои были успѣшны.

приступилъ къ настоящему изслѣдованію, по внушенію нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей, имѣющихъ большое вліяніе на умственное движеніе страны. Сначала, какъ и многіе другіе, мало думавшіе и мало знающіе объ этомъ предметѣ, я полагалъ, что все дѣло было ничто иное какъ предразсудокъ, или, по крайней мѣрѣ, необъясненный фокусъ. Даже и въ настоящее время я встрѣчаюсь съ такими случаями, которые не могу считать чѣмъ либо другимъ; иногда же, я увѣренъ, здѣсь кроется обманъ чувствъ.

Я никакъ не обѣщаю заняться этимъ предметомъ исполнѣ; по видимому, очень трудно имѣть удобные для того случаи, и частыя неудачи могутъ, разумѣется, обезнадежить всякаго. Личности, въ присутствіи которыхъ эти явленія имѣютъ мѣсто, довольно рѣдки, а благоприятные случаи для изслѣдованія, съ помощью предварительно устроенныхъ аппаратовъ—еще рѣже. Я почелъ бы для себя за большое удовольствіе, еслибъ я могъ внести свѣтъ въ этотъ вопросъ въ какомъ нибудь направленіи, и я могу съ увѣренностью сказать, что я нисколько не забочусь о томъ, въ какомъ именно направленіи онъ откроется. Съ этою цѣлью въ виду, я прошу любаго изъ моихъ читателей, который могъ бы имѣть ключъ къ симъ страннымъ явленіямъ, оказать мнѣ, ради преуспѣянія истины, содѣйствіе въ моемъ изслѣдованіи. Что предметъ этотъ имѣетъ дѣло со странными физиологическими условіями, это ясно, и, въ нѣкоторомъ смыслѣ,—когда они производятъ въ умахъ нашихъ извѣстные результаты — ихъ можно назвать «духовными». Въ настоящее время, явленія, которыя я видѣлъ, не поддаются никакому объясненію; тоже самое можно сказать и о явленіяхъ мысли, которыя

также духовны и которыхъ ни одинъ философъ еще не объяснилъ. Ни одинъ человѣкъ, однакожь, не отрицаетъ ихъ.

Данныя мнѣ объясненія, какъ устно, такъ и въ большинствѣ прочитанныхъ мною книгъ, облечены въ такой принужденно увѣсистый слогъ, въ такую высокопарность рѣчи, прикрывающую бѣдность мысли, что я, процѣдивъ этотъ растворъ, не могу найти въ немъ осадка какого либо смысла. Я сознаю, что разсужденія нѣкоторыхъ спиритуалистовъ, по видимому, оправдываютъ строгое изрѣченіе Фаредея, «что многіе псы способны придти къ гораздо болѣе логическимъ заключеніямъ.» Ихъ воззрѣніямъ вовсе невѣдомы теоріи, почитающія силу за одинъ только видъ молекулярнаго движенія, и они говорятъ о силѣ, матеріи и духѣ, какъ о трехъ различныхъ сущностяхъ, имѣющихъ отдѣльное другъ отъ друга бытіе, хотя, иногда, допускаютъ и ихъ взаимное превращеніе.

Желаніе мое было показать, что послѣдователи науки становятся постепенно представителями тщательности и точности. Изрѣкать неопровержимыя истины—чудная способность. Сохранимъ же за собою это преимущество, но пусть слова слѣдуютъ за фактами съ тою же точностію, съ которою и сами факты могутъ быть провѣрены; и пусть будетъ доказано, что въ предметѣ этомъ, открытомъ для легковѣрія и суевѣрія, *есть* хотя одинъ рядъ фактовъ, на которые можно положиться на столько, чтобъ быть увѣреннымъ въ ихъ вѣчной неизмѣнности. Въ дѣлахъ обыкновенныхъ, ошибка можетъ имѣть недолгій вѣкъ, но, въ изученіи природы, неточное наблюденіе можетъ причинить безконечный вредъ для многихъ тысячъ людей. Возрастающее употребленіе научныхъ методовъ увеличить точность наблюденій и любовь къ истинѣ, между изслѣ-

дователями, и породить такихъ наблюдателей, которые откинуть негодные остатки спиритуализма въ невѣдомыя области чародѣйства и некромантіи.

3) Опытное изслѣдованіе новой силы.

Вторая статья г. У. Крукса въ іюльской книжкѣ лондонскаго «Научнаго Временника» (the Quarterly journal of Science), за 1871 годъ.

Двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, я помѣстилъ въ этомъ журналѣ статью, въ которой, выразивъ самымъ положительнымъ образомъ убѣжденіе свое въ происхожденіи, при нѣкоторыхъ условіяхъ, явленій необъяснимыхъ никакими извѣстными доселѣ естественными законами, я указалъ на различные способы опытнаго изслѣдованія, которымъ люди науки должны имѣть право подвергнуть эти явленія, прежде чѣмъ признать ихъ подлинность. Въ числѣ желаемыхъ опытовъ, я указывалъ на то, чтобъ «установленные при надлежащихъ условіяхъ вѣсы были приведены въ движеніе» и чтобъ какое либо проявленіе силы, равной столькимъ то «пудо-футамъ», обнаружилось въ лабораторіи самого испытателя, гдѣ онъ могъ бы взвѣсить, измѣрить и подвергнуть его надлежащему изслѣдованію. Я сказалъ также, что не могу обѣщать заняться этимъ предметомъ вполнѣ, имѣя въ виду трудности нахожденія удобныхъ для того случаевъ и частыя неудачи, сопровождающія это изслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что «личности, въ присутствіи которыхъ эти явленія имѣютъ мѣсто, довольно рѣдки, а

благопріятные случаи для изслѣдованія, съ помощью предварительно установленныхъ аппаратовъ — еще рѣже.»

По отпечатаніи этой статьи, случаи для продолженія изслѣдованія мнѣ представились, и я съ радостію воспользовался ими, чтобъ подвергнуть эти явленія тщательнымъ, строго научнымъ опытамъ, и, такимъ образомъ, я дошелъ до нѣкоторыхъ опредѣленныхъ результатовъ, которые мнѣ представляется справедливымъ обнародовать. Эти опыты, повидимому, положительно доказываютъ существованіе новой силы, сопряженной невѣдомымъ образомъ съ человѣческимъ организмомъ. Для удобства, я буду называть здѣсь ее *психической силою*.

Между всѣми личностями, одаренными замѣчательнымъ развитіемъ этой психической силы и названными «медіумами», по совершенно иной теоріи ея происхожденія, г. Даньель Дѣнгласъ Юмъ — самая замѣчательная. Благодаря тѣмъ именно многимъ случаямъ, которые я имѣлъ для произведенія своихъ изслѣдованій въ его присутствіи, имѣю я возможность съ такою положительностію заявить о существованіи этой силы. Опыты, мною произведенные, весьма многочисленны; но, благодаря несовершенству нашего знанія условій, благопріятствующихъ или препятствующихъ проявленіямъ этой силы, — причудливому, по видимому, образу ея обнаруженія, и тому факту, что самъ г. Юмъ подверженъ непонятному приливу и отливу этой силы — только рѣдко удавалось, чтобъ результатъ, полученный при одномъ случаѣ, могъ быть подтвержденъ при другомъ и изслѣдованъ при помощи снарядовъ, специально для этой цѣли приготовленныхъ.

Между замѣчательными явленіями, совершающимися подъ вліяніемъ г. Юма, самыя замѣчательныя и въ тоже

время съ наибольшимъ удобствомъ поддающіяся научно-точному изслѣдованію, суть слѣдующія: 1) измѣненіе тяжести тѣлъ и 2) игра на музыкальныхъ инструментахъ (обыкновенно, для удобства переноски, на гармоникѣ), безъ непосредственнаго человѣческаго прикосновенія къ нимъ и при невозможности прикосновенія къ клавишамъ или сообщенія съ ними. Только послѣ неоднократнаго наблюденія этихъ фактовъ и изслѣдованія ихъ со всею критическою проникающею, на которую я способенъ, убѣдился я въ ихъ объективной дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, желая поставить это дѣло внѣ всякой тѣни сомнѣнія, я нѣсколько разъ приглашалъ г. Юма къ себѣ на домъ, гдѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ ученыхъ изслѣдователей, эти явленія могли бы подвергнуться точнѣйшимъ испытаніямъ.

Эти засѣданія имѣли мѣсто вечеромъ, въ большой комнатѣ, освѣщенной газомъ. Снарядъ, изготовленный для испытанія движеній гармоникъ, имѣлъ форму клѣтки, состоящей изъ двухъ деревянныхъ обручей, имѣющихъ въ поперечникѣ отъ 1 фут. 10 дюймовъ до 2 футовъ, и соединенныхъ между собою посредствомъ 12 узенькихъ тесинокъ, каждая въ 1 фут. 10 дюймовъ длинны. Все это вмѣстѣ образовало барабановидный остовъ, открытый сверху и снизу; вокругъ него было навито 50 ярдовъ уединенной мѣдной проволоки въ 24 круга, отстоящіе другъ отъ друга менѣе чѣмъ на дюймъ. Эти горизонтальные проволочные обороты были затѣмъ натуго перевязаны бичевками, такъ что образовались петли нѣсколько менѣе 2 д. въ длину и 1 дюйма въ вышину. Вышина этой клѣтки была такова, что она подходила плотно подъ мой обѣденный столъ, не давая возможности пропустить въ нее руку

сверху или просунуть въ нее ногу снизу. Въ другой комнатѣ находились два элемента Грове, проволоки отъ которыхъ были пропущены въ обѣденную комнату, для соединенія ихъ, въ случаѣ надобности, съ проволокой, обвивавшей клѣтку.

Гармоника была новая, нарочно купленная для этихъ опытовъ у Wheatstone'a, въ Conduit street'ѣ. Г. Юмъ не трогалъ и даже не видалъ этого снаряда до начала точныхъ опытовъ.

Въ другой части комнаты былъ изготовленъ снарядъ для испытанія измѣненія тяжести тѣла. Онъ состоялъ изъ доски краснаго дерева, 36 дюймовъ въ длину, $9\frac{1}{2}$ дюймовъ въ ширину и 1 дюйма въ толщину. По концамъ были привинчены, вмѣсто ножекъ, полоски краснаго дерева въ $1\frac{1}{2}$ дюйма ширины. Одинъ конецъ доски опирался на прочный столъ, а другой висѣлъ на пружинныхъ вѣсахъ, висѣвшихъ на прочномъ треножникѣ. Вѣсы были снабжены самоуказателемъ, такимъ образомъ, что отмѣчали наибольшій вѣсъ, показанный стрѣлкой. Снарядъ былъ поставленъ такъ, что деревянная доска лежала горизонтально, ея ножка опиралась плашмя объ столъ. Въ этомъ положеніи вѣсъ ея былъ, по указанію стрѣлки вѣсовъ, 3 фута.

Снаряды были уставлены прежде чѣмъ г. Юмъ вошелъ въ комнату, и цѣль оныхъ оставалась ему неизвѣстна до начала засѣданія. Быть можетъ не лишнимъ будетъ прибавить, въ видѣ предупрежденія нѣкоторыхъ критическихъ замѣтокъ, что вечеромъ я зашелъ за г. Юмомъ на его квартиру, и тутъ онъ, сказавъ мнѣ, что ему надо переодѣться, предложилъ продолжать разговоръ нашъ въ его спальнѣ. Поэтому я могу положительно

утверждать, что никакихъ машинъ, снарядовъ, или приспособленій не скрывалось въ его одеждѣ.

Исслѣдователи, присутствовавшіе на окончательномъ испытаніи, были извѣстный физикъ, занимающій въ Королевскомъ Обществѣ высокое мѣсто, котораго я назову Др. А. В.; извѣстный юристъ, котораго я назову С. Д.; мой братъ и мой ассисентъ по химіи ¹⁾.

Г. Юмъ сидѣлъ въ низкомъ, мягкомъ креслѣ съ одной стороны стола. Прямо передъ нимъ, подъ столомъ, находилась описанная выше клѣтка, прихсядая между ногъ его. Я сидѣлъ подлѣ него съ лѣва, а другой наблюдатель сидѣлъ возлѣ него съ права, остальные сидѣли вокругъ стола, въ удобномъ другъ отъ друга разстояніи.

Почти во весь вечеръ—въ особенности, когда происходило что либо замѣчательное—наблюдатели, сидѣвшіе по сторонамъ г. Юма, ставили свои ноги на его ноги, будучи такимъ образомъ въ состояніи открыть самомалѣйшія движенія его.

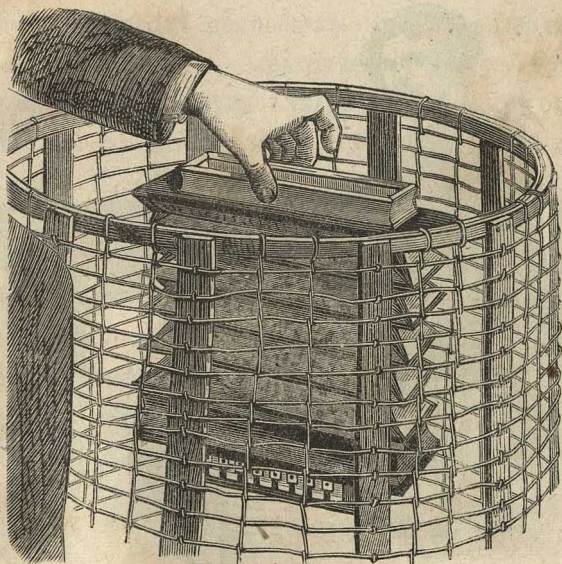
Температура комнаты была между 68° и 70° Фар. (отъ 16° до 17° R.).

Г. Юмъ взялъ гармонику между большимъ и среднимъ

¹⁾ Весьма не въ пользу хваленой свободы мнѣній между людьми науки говоритъ тотъ фактъ, что они такъ долго отказывались приступить къ научному изслѣдованію существованія и природы фактовъ, подтвержденныхъ столь многими способными и вѣры достойными свидѣтелями, и къ изслѣдованію которыхъ, гдѣ и когда имъ угодно, они свободно призываются. Что касается до меня, то я слишкомъ дорого цѣню изслѣдованіе истины и открытіе любого новаго факта въ природѣ, чтобъ уклониться отъ изслѣдованія ради того только, что оно перечитъ господствующимъ понятіямъ. Но такъ какъ, я не имѣю права полагать, что и другіе желаютъ поступать такимъ образомъ, то я и воздерживаюсь здѣсь отъ поименованія друзей своихъ безъ ихъ позволенія.

пальцами одной руки за конецъ, противоположный клавиатурѣ (см. рис. 1) (во избѣжаніе повтореній я буду впослѣдствіи называть это «обычнымъ образомъ»); басовыя ноты я открылъ самъ; затѣмъ клѣтка была выдвинута изъ подъ стола на столько, чтобъ гармоника съ опущенными внизъ клавишами могла пройти, и потомъ опять задвинута, на сколько рука г. Юма это позволяла, при чемъ

Рис. 1.

она не была закрыта отъ сидѣвшихъ возлѣ него (см. рис. 2). Вскорѣ, сидѣвшіе по сторонамъ г. Юма увидали, что гармоника какъ-то странно двигалась; затѣмъ она стала издавать звуки и наконецъ на ней было сыграно нѣсколько послѣдовательныхъ нотъ. Покуда это происходило, мой ассисентъ спустился подъ столъ и сказалъ, что

гармоника сжималась и растягивалась; въ тоже время было видно, что рука г. Юма, державшая гармонику, была совершенно покойна, а другая оставалась на столѣ.

Затѣмъ, сидѣвшіе по обѣимъ сторонамъ г. Юма видѣли какъ гармоника двигалась, качалась и, обходя во кругъ клѣтки, въ тоже время играла. Тутъ Др. А. В. заглянулъ подъ столъ и сказалъ, что рука г. Юма была

Рис. 2.

совершенно покойна покуда гармоника двигалась вокругъ, издавая раздѣльные звуки.

Г. Юмъ продолжалъ держать гармонику въ клѣткѣ обычнымъ образомъ, и въ то время, какъ ноги его держали сидѣвшіе возлѣ него, а другая рука его лежала на столѣ, мы слышали какъ раздалась послѣдовательно ясная

и отдѣльныя ноты, и затѣмъ былъ сыгранъ простой мотивъ. Такъ какъ подобный результатъ могъ произойти только вслѣдствіе прямого и гармонически послѣдовательнаго дѣйствія на разные клавиши инструмента, то присутствующіе признали это за опытъ вполне удовлетворительный. Но то, что послѣдовало за симъ, было еще поразительнѣе, ибо г. Юмъ совсѣмъ оставилъ гармонику, вынулъ руку свою изъ клѣтки и положилъ ее въ руку сидѣвшаго возлѣ него лица, а гармоника продолжала играть, когда, такимъ образомъ, никто не прикасался до нея.

Тутъ я пожелалъ попробовать какое произойдетъ дѣйствіе, если пропустить электрическій токъ по изолированной проволоцѣ вокругъ клѣтки, и для этой цѣли ассистентъ мой соединилъ ее съ проволоками отъ элементовъ Грове. Г. Юмъ опять взялъ инструментъ внутри клѣтки такимъ же образомъ, какъ прежде, и онъ тотчасъ же сильно зазвучалъ и задвигался. Но содѣйствовали-ли электрическіе токи, проходившіе вокругъ клѣтки, проявленію силы внутри ея, этого я не могу сказать.

Затѣмъ гармоника опять задвигалась безъ всякаго видимаго прикосновенія къ ней руки г. Юма, которую онъ вовсе отнял отъ нея; я и двое изъ другихъ присутствующихъ видѣли при этомъ не только его свободную руку, но и гармонику, летавшую внутри клѣтки безъ всякой видимой поддержки. Спустя немного, это было повторено въ другой разъ. Тутъ г. Юмъ опять засунулъ руку свою въ клѣтку и опять взялъ гармонику. Тогда она начала играть, сперва ноты и аккорды, а потомъ весьма извѣстную нѣжную и грустную мелодію, которую она исполнила превосходно. Покуда этотъ напѣвъ игрался, я взялъ г. Юма за руку, по ниже локтя, и тихонько опу-

стиль по ней свою руку вплоть до верхушки гармоник; онъ не шевелился ни единой мышцей; другая рука его была на столѣ, видимая для всѣхъ, а ноги его были подъ ногами сидѣвшихъ возлѣ него лицъ.

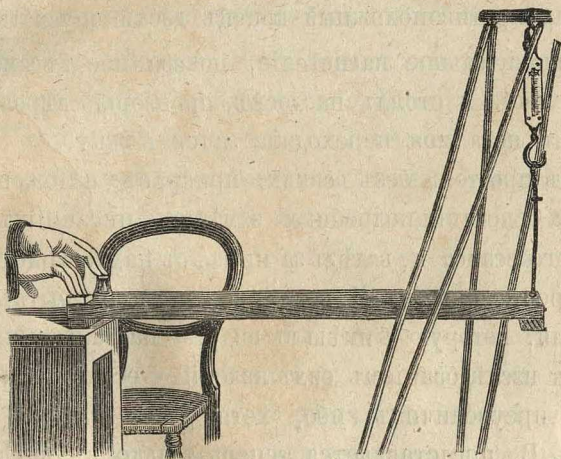
Получивши столь поразительные результаты въ опытахъ съ гармоникой въ клѣткѣ, мы перешли къ выше-описанному вѣсовому снаряду. Г. Юмъ слегка прикоснулся концемъ своихъ пальцевъ къ крайнему концу доски, опиравшемуся объ столъ, а Др. А. В. и я сѣли по обѣимъ сторонамъ ея, наблюдая за тѣмъ, что могло произойти. Почти тотчасъ же мы замѣтили, что вѣсовая стрѣлка опустилась и, послѣ нѣсколькихъ секундъ, опять поднялась. Это движеніе повторялось нѣсколько разъ, какъ бы подъ вліяніемъ колыханій психической силы. Въ это время конецъ доски тихо качался вверхъ и внизъ.

Тутъ г. Юмъ, по личному желанію, взялъ маленькій ручной колокольчикъ и маленькую картонную спичечницу, находившіеся вблизи, и подложилъ ихъ по одной вещицѣ подъ каждую руку, чтобъ убѣдить насъ, какъ онъ сказалъ, что онъ не производилъ нажиманія внизъ (см. рис. 3). Очень тихое дослѣ колебаніе пружинныхъ вѣсовъ стало замѣтнѣе, и Др. А. В., наблюдая стрѣлку, сказалъ, что она опустилась до $6\frac{1}{2}$ ф. Нормальный вѣсъ доски въ горизонтальномъ положеніи былъ 3 ф., слѣдовательно, прибавокъ къ силѣ нагнетенія внизъ равнялся $3\frac{1}{2}$ ф. Взглянувъ вслѣдъ затѣмъ на самоуказатель, мы увидѣли, что стрѣлка однажды опустилась до 9 ф., показывая наивысшее нагнетеніе въ 6 ф.

Чтобъ увидать какое дѣйствіе можно произвести на вѣсы, нажимая на то мѣсто, гдѣ были пальцы г. Юма, я взошелъ на столъ и сталъ одной ногой на конецъ доски.

Др. А. В., наблюдавшій стрѣлку вѣсовъ, сказалъ, что весь вѣсъ моего тѣла (140 ф.), при такомъ положеніи, опустилъ стрѣлку только на $1\frac{1}{2}$ ф., — и на 2 ф., когда я раскачивался вверхъ и внизъ. Г. Юмъ сидѣлъ въ низкомъ мягкомъ креслѣ и, поэтому, не могъ, еслибъ даже напрягъ всю свою силу, оказать какое-либо вещественное вліяніе на эти результаты. Едва-ли надо прибавлять, что его ноги и руки были пристально наблюдаемы всѣми находившимися въ комнатѣ.

Рис. 3.

Этотъ опытъ кажется мнѣ еще поразительнѣе, если возможно, чѣмъ опытъ съ гармоникой. Какъ было сказано, доска лежала совершенно горизонтально (см. рис. 3) и было замѣчено съ особеннымъ вниманіемъ, что пальцы г. Юма ни разу не подвигались далѣе, какъ на $1\frac{1}{2}$ дюйма отъ края ея, какъ это и было мною въ то время, съ согласія Др. А. В., отмѣчено по доскѣ карандашемъ. А

такъ какъ деревянная ножка имѣла также $1\frac{1}{2}$ дюйма ширины, и покоилась на столѣ плашмя, то очевидно, что никакая сила нагнетенія на пространствѣ сего $1\frac{1}{2}$ дюйма не могла бы оказать какое либо дѣйствіе на вѣсы. Очевидно также, что когда дальній отъ г. Юма конецъ опустился, то доска перевѣсилась черезъ внутренній край этой ножки, какъ чрезъ точку опоры, поэтому снарядъ этотъ представлялъ рычагъ, имѣвшій 36 дюймовъ длины и точка опоры котораго находилась на $1\frac{1}{2}$ дюйма отъ одного конца. Если по этому г. Юмъ производилъ нагнетеніе внизъ, то это было противодѣйствиємъ той силѣ, которая составляла противоположный конецъ доски опускаться.

Незначительное нагнетеніе, показанное вѣсами въ то время, когда я стоялъ на доскѣ, произошло вѣроятно отъ того, что нога моя переходила за ея ножку.

Вотъ простое, безъ всякихъ прикрасъ, изложеніе фактовъ, на основаніи подробныхъ замѣтокъ, писанныхъ во время самого сеанса и, вслѣдъ за нимъ, съ надлежащею полнотою переписанныхъ. И подлинно, могло бы быть пагубно для цѣли, которую я имѣю въ виду, — настаивать надъ научнымъ изслѣдованіемъ сихъ явленій, — еслибъ я хотя что нибудь преувеличилъ; ибо, хотя для читателей моихъ Др. А. В. представляется теперь только въ видѣ безфлесныхъ заглавныхъ буквъ, но, для меня, буквы эти изображаютъ силу въ ученомъ мірѣ, которая, разумѣется, изобличить меня, еслибъ я оказался неправдивымъ повѣствователемъ.

Признаюсь, я не безъ удивленія и сожалѣнія вижу робость или апатію, выказываемыя людьми науки въ отношеніи къ этому предмету. Нѣсколько времени тому назадъ, когда случай познакомиться съ нимъ впервые мнѣ

представился, я предложилъ нѣкоторымъ научнымъ друзьямъ своимъ приступить сообща къ систематическому изслѣдованію его; но вскорѣ оказалось, что о составленіи научнаго комитета для изслѣдованія явленій этого рода, нечего было и хлопотать, и что я долженъ былъ разсчитывать только на свои собственные старанія, при временномъ содѣйствіи не многихъ ученыхъ друзей, не отказывавшихся отъ участія въ изслѣдованіи. Я и теперь думаю, что было бы лучше, еслибъ такой комитетъ могъ составиться изъ извѣстныхъ людей, которые честно, безъ всякихъ предубѣжденій занялись бы г. Юмомъ, и я бы охотно взялся содѣйствовать его составленію; но затрудненія велики.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, коммиссія изъ ученыхъ людей имѣла засѣданіе съ г. Юмомъ, въ С.-Петербургѣ. Засѣданіе было только одно и сопровождалось результатами отрицательными, и, въ силу этого, она опубликовала отчетъ весьма не благопріятный для г. Юма. Объясненіе этой неудачи, *которая и составляетъ всю суть обвиненія противъ него*, представляется мнѣ совершенно простымъ. Какого бы свойства ни была сила г. Юма, она очень измѣнчива, а по временамъ и вовсе отсутствуетъ. Очевидно, что русскій опытъ былъ произведенъ въ то время, когда сила эта была при *minimum*. Тоже самое часто случалось и съ моими собственными опытами. Нѣсколько научныхъ людей сошлись съ г. Юмомъ у меня на дому, и результаты оказались столь же отрицательными, какъ и въ С.-Петербургѣ. Въмѣсто того, однакоже, чтобъ бросить изслѣдованіе, мы терпѣливо повторили опытъ второй и третій разъ, и, наконецъ, добились положительныхъ результатовъ.

Къ этимъ заключеніямъ я пришелъ не поспѣшно и не

на основаніи недостаточныхъ доказательствъ. Хотя мѣсто дозволяетъ описать подробности только одного опыта, но должно быть ясно понято, что и до этого времени я производилъ подобные же опыты, и съ подобными же результатами. Описанное же здѣсь засѣданіе было устроено съ цѣлью подтвержденія прежнихъ наблюденій посредствомъ рѣшительныхъ испытаній (*crucial tests*), при помощи тщательно устроенныхъ снарядовъ и въ присутствіи безупречныхъ свидѣтелей.

Относительно причины сихъ явленій, свойства силы, которой, во избѣжаніе перифразъ, я рѣшился дать названіе *психической*, и соотношенія, существующаго между ею и другими силами въ природѣ, было бы неумѣстно пускаться въ какія бы то ни было гипотезы. Въ изслѣдованіяхъ, столь тѣсно связанныхъ съ рѣдкими фізіологическими и психологическими условіями, обязанность изслѣдователя состоитъ въ томъ, чтобъ совершенно воздержаться отъ построенія теорій, покуда онъ не соберетъ достаточное количество фактовъ, чтобъ имѣть прочную основу для разсужденія. Въ виду странныхъ явленій, доселѣ неизслѣдованныхъ и необъясненныхъ, смѣняющихся одно другимъ съ такою быстрою послѣдовательностью, признаюсь, довольно трудно избѣгнуть необходимости облекать описаніе оныхъ въ рѣчь «сенсационнаго» характера. Но, для успѣха, подобнаго рода изслѣдованіе должно быть предпринято испытателемъ безъ предубѣжденій и безъ увлеченій. Романтическія понятія и предразсудки должны быть совершенно устранены, и каждый шагъ его изслѣдованія долженъ быть направленъ умомъ, столь же холоднымъ и безстрастнымъ, какъ и употребляемые имъ инструменты. Убѣдившись одважды, что онъ напалъ на путь

къ открытію новой истины, онъ долженъ преслѣдовать его съ этою единственною цѣлью, не обращая вниманія на то, принадлежатъ ли совершающіеся предъ его глазами факты къ числу «естественно-возможныхъ или невозможныхъ».

Покуда эта статья печаталась, авторъ ея имѣлъ удовольствіе получить слѣдующія письма отъ Др. Гёггинса ¹⁾, и г. Кокса ²⁾, подразумеваемыхъ выше подъ буквами А. В. и С. D.

Upper Tulse-hill, S. W., іюня 9, 1871.

Любезный г. Круксъ! присланная вами корректура содержитъ, какъ мнѣ кажется, правильное изложеніе того, что происходило въ вашемъ домѣ въ моемъ присутствіи. Мое положеніе у стола не позволило мнѣ видѣть, какъ г. Юмъ отнялъ руку свою отъ гармоникки, но это было въ свое время засвидѣтельствовано вами и лицомъ, сидѣвшимъ по ту сторону г. Юма. Опыты эти показываютъ, сколь я понимаю, важность дальнѣйшаго изслѣдованія; но я считаю здѣсь долгомъ оговорить, что я не высказываю никакого мнѣнія относительно причины, вызвавшей помянутыя явленія.

Вашъ и пр.

У. Гёггинсъ.

¹⁾ William Huggins, вице-президентъ лондонскаго Королевскаго Общества, извѣстный физикъ и астрономъ, открывшій, посредствомъ спектральнаго анализа, во многихъ неподвижныхъ звѣздахъ присутствіе желѣза, водорода, извести и другихъ обыкновенныхъ веществъ, въ раскаленномъ состояніи.

Прим. перев.

²⁾ Edw. Wm. Cox, извѣстный лондонскій юристъ. *Прим. перев.*

36, Russell-square, іюня 8, 1871.

Любезный г. Круксъ! Присутствовавши при производствѣ опытовъ, помянутыхъ въ этой статьѣ, съ цѣлю точнаго изслѣдованія оныхъ, я охотно свидѣтельствую о совершенной точности, съ которою вы ихъ описали, и той тщательности и осторожности, съ которыми рѣшительныя испытанія производились вами. Полученные результаты приводятъ, по моему разумѣнію, къ тому несомнѣнному и важному факту, что есть сила, исходящая изъ нервной системы, способная сообщать движеніе тѣламъ, находящимся въ кругѣ ея дѣйствія и вліять на ихъ вѣсь.

Я замѣтилъ, что сила эта обнаружилась въ видѣ колебаній, а не въ видѣ постоянного, длительного нажима, такъ какъ стрѣлка вѣсовъ, во время опыта, постоянно двигалась и падала. Этотъ фактъ представляется мнѣ чрезвычайно важнымъ, ибо онъ клонится къ подтвержденію того мнѣнія, что нервная система есть источникъ особой силы и подтверждаетъ замѣчательное открытіе Др. Ричардсономъ нервной атмосферы, окружающей человѣческій организмъ и обладающей различною степенью напряженія.

Ваши опыты вполне подтверждаютъ заключенія, къ которымъ пришелъ составленный для изслѣдованія сихъ явленій Комитетъ Діалектическаго Общества ¹⁾, имѣвшій

¹⁾ Общество это, недавно образовавшееся въ Лондонѣ, занимается «философскимъ изслѣдованіемъ всякихъ предметовъ, преимущественно новыхъ, или мало извѣстныхъ, съ цѣлю раскрытія, или разъясненія истины». Направленіе его весьма свободное; тѣмъ интереснѣе будетъ по этому его «Отчетъ о Спиритуализмѣ»; онъ уже печатается, и я надѣюсь имѣть въ скоромъ времени возможность познакомить съ нимъ нашу публику.

Прим. перев.

болѣ сорока засѣданій, посвященныхъ опытамъ и разсужденіямъ по этому предмету.

Позвольте мнѣ прибавить, что я не вижу при этомъ ничего доказывающаго, что эта сила не исходитъ или не прямо зависитъ отъ человѣческаго организма. Поэтому, подобно всѣмъ прочимъ силамъ въ природѣ, она принадлежитъ вполнѣ области того точнаго научнаго изслѣдованія, которому вы первый подвергли ее.

Психологія—такая вѣтвь науки, которая по сіе время почти совершенно не изслѣдована, и пренебреженію ея долженъ вѣроятно быть приписанъ тотъ повидимому странный фактъ, что существованіе этой нервной силы оставалось столь долгое время неизслѣдованнымъ, не испытаннымъ и почти непризнаннымъ.

Нынѣ же, когда она является фактомъ, доказаннымъ механически (а если фактомъ, то невозможно не признать его громадной важности для фізіологіи и медицины, а также и для разъясненія темныхъ законовъ жизни и духа), она не можетъ не вызвать немедленнаго и самаго серьезнаго изслѣдованія и обсужденія со стороны фізіологовъ и всѣхъ тѣхъ, кои интересуются той наукою о «человѣкѣ», которая была справедливо названа «благороднѣйшею отраслью знаній человѣчества». Во избѣжаніе всякаго предрѣшенія, я совѣтовалъ бы принять для нея какое либо опредѣленное названіе и позволю себѣ при этомъ предложить, чтобъ сила эта была названа «психическою»; лица, въ которыхъ она проявляется въ необыкновенныхъ размѣрахъ,—«психиками»; а наука до нея относящаяся — «психизмомъ», что составитъ вѣтвь психологіи.

Позвольте мнѣ также предложить неотложное обра-

зованіе Психологическаго Общества, имѣющаго цѣлію разработку посредствомъ опытовъ, статей и разсужденій этой слишкомъ доселѣ заброшенной науки.

Примите и пр.

Э. У. Коксъ.

4) Дальнѣйшія опытная изслѣдованія психической силы.

Третья статья г. Крукса въ лондонскомъ «Научномъ Временникѣ» (*the Quarterly journal of Science*), за октябрь 1871 г.

«На меня нападаютъ двѣ совершенно противоположныя партіи: ученые и неучи. И тѣ и другіе смѣются надо мною, называя меня «лягушачимъ танцевальнымъ учителемъ». Тѣмъ не менѣе, я знаю, что я открылъ одну изъ величайшихъ силъ природы».

Галвани.

Я не имѣлъ намѣренія приступить такъ скоро къ печатанію въ этомъ журналѣ новой статьи о «психической силѣ». Такое намѣреніе вовсе не основывалось на недостаткѣ новыхъ матеріаловъ или опытовъ, — напротивъ, у меня есть много новыхъ опытныхъ доказательствъ, подтверждающихъ мои прежнія заключенія—но я нѣсколько совѣстился предъ читателями «Научнаго Временника» налегать на предметъ, къ которому они могли относиться не совсѣмъ благосклонно. Когда издатель ученаго журнала есть вмѣстѣ съ тѣмъ и опытный изслѣдователь, или изучаетъ какую либо специальную отрасль знанія, то, съ его стороны, является, естественно, наклонность излишне превозносить важность предмета, занимающаго его мысли

въ это время, и, такимъ образомъ, журналъ имъ издаваемый рискуетъ потерять широту своей программы — стать поборникомъ нѣкоторыхъ воззрѣній или окраситься особенною своеобразностію мысли.

Приемъ, который былъ сдѣланъ опытному изслѣдованію, описанному въ послѣдней книжкѣ «Научнаго Временника», устранилъ во мнѣ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ. Многочисленные письма, полученные въ редакціи этого журнала, доказываютъ, что другая статья о томъ же предметѣ не будетъ непріятна для большаго числа лицъ, сдѣлавшихъ мнѣ честь прочитатъ первую статью мою; въ тоже время высказывается довольно многими предположеніе; что я воспользуюсь первымъ случаемъ для отвѣта на нѣкоторыя критическія замѣтки, вызванныя замѣчательнымъ характеромъ описанныхъ мною выше опытныхъ результатовъ.

Многія возраженія, сдѣланныя противъ моихъ прежнихъ изслѣдованій, найдутъ себѣ отвѣтъ въ изложенномъ ниже. Большая часть замѣчаній, коимъ я подвергся, были совершенно честны и вѣжливы, и на нихъ я постараюсь отвѣтить какъ можно полнѣе. Нѣкоторые критики, однакъ, увидали во мнѣ, по ошибкѣ, защитника нѣкоторыхъ *понятій*, ими самими произвольно мнѣ приписанныхъ, хотя, по истинѣ, моя единственная цѣль была откровенно изложить факты, не высказывая никакихъ мнѣній. Построивъ соломенные куклы въ своемъ собственномъ воображеніи, они яростно нападаютъ на нихъ, увлекаясь мыслию, что уничтожаютъ меня. Другіе, — и къ удовольствію моему, не многіе — зашли такъ далеко, что усумнились въ моей правдивости: «Г. Круксъ долженъ имѣть лучшихъ свидѣтелей, чтобъ мы могли повѣрить

ему!» Привыкну къ тому, чтобъ вѣрили моему слову безъ свидѣтелей, я не могу снизойти до отвѣта на подобный аргументъ. Всякій, кто знаетъ и читаетъ мои статьи, допустить, я надѣюсь, что *факты*, о которыхъ я говорю, вѣрны, и что опыты произведены были честно, съ единственной цѣлью выяснить *истину*.

Назидательно сравнить нѣкоторыя теперешнія критическія замѣтки съ высказанными двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ. Когда я впервые заявилъ въ этомъ журналѣ, что имѣю намѣреніе заняться изслѣдованіемъ явленій, такъ называемаго, «спиритуализма», слова мои вызвали выраженія всеобщаго одобренія. Одинъ сказалъ, что «заявленіе мое достойно глубокаго уваженія»; другой выразилъ свое «полное удовольствіе въ виду того, что предметъ этотъ будетъ изслѣдованъ человѣкомъ столь способнымъ»; третій» радовался, что предметъ этотъ начинаетъ обращать на себя вниманіе людей холоднаго, яснаго ума, съ извѣстнымъ положеніемъ въ наукѣ»; четвертый утверждалъ, что «никто не можетъ сомнѣваться въ способности г. Крукса вести это изслѣдованіе со строго-научнымъ безпристрастіемъ»; и пятый былъ на столько любезенъ, что заявилъ своимъ читателямъ, что «если человѣкъ, подобный г. Круксу, возьмется за дѣло, не допуская ничего безъ доказательства, то мы скорѣ узнаемъ чему должны вѣрить.»

Мнѣнія эти, однакоже, были высказаны слишкомъ поспѣшно. Писавшіе ихъ порѣшили напередъ, что результаты моихъ опытовъ будутъ согласны съ ихъ предвзятыми понятіями. Они, въ сущности, желали не *истины*, а новаго свидѣтельства въ пользу своихъ собственныхъ предрѣшеній. Когда оказалось, что факты, моимъ изслѣ

дованіемъ констатированные, не подходятъ подъ эти понятія, тогда «тѣмъ хуже для самихъ фактовъ»! Они стараются отдѣлаться отъ своихъ прежнихъ самоувѣренныхъ похвалъ изслѣдованію, заявляя, что «г. Юмъ ловкій фокусникъ, который всѣхъ насъ обошелъ». «Г. Круксъ могъ бы, точно также, заняться представленіями индійскаго фокусника». «Г. Круксъ долженъ имѣть лучшихъ свидѣтелей, чтобъ мы могли повѣрить ему». «Предметъ этотъ слишкомъ нелѣпъ, чтобъ можно было о немъ серьезно говорить». «Это невозможно, а потому и быть не могло.» «Всѣ наблюдатели были біологизированы и вообразили себѣ, что видѣли то, чего никогда не было», и т. д., и т. д.

Эти замѣтки свидѣтельствуютъ о любопытномъ забвеніи тѣхъ именно обязанностей, которыя лежатъ на научномъ изслѣдователѣ. Я нисколько не удивляюсь, когда противники мои, не вѣря потому только, что сами не видѣли, утверждаютъ, что я обманываюсь, ибо точно такой же не научный способъ разсужденія *a priori* противопологался всѣмъ великимъ открытіямъ. Но когда мнѣ говорятъ, что описанное мною не можетъ быть объяснено согласно принятымъ понятіямъ о законахъ природы, тогда противники мои прямо впадаютъ въ *petitio principii*, принимая не доказанное за доказанное; такой способъ разсужденія приводитъ науку въ застой. Аргументъ очевидно вращается въ ложномъ кругѣ: мы не должны утверждать фактъ, покуда не убѣдились, что онъ въ согласіи съ законами природы, межъ тѣмъ какъ наше знаніе законовъ природы основывается единственно на обширномъ наблюденіи фактовъ. Если новый фактъ противорѣчитъ, по видимому, тому, что называется закономъ

природы, то это не доказываетъ ложность утверждаемаго факта, но только то, что мы еще не открыли всѣхъ законовъ природы, или неправильно изучили ихъ.

Г. Уильямъ Томсонъ, въ рѣчи, сказанной имъ въ этомъ году, при открытіи годоваго собранія Великобританскаго Общества для преуспѣянія науки въ Эдинбургѣ, сказалъ: «Наука обязана, въ силу вѣковѣчнаго закона чести, безстрашно смотрѣть въ лице каждой, честно ей поставленной задачѣ.» Цѣль моя, обнародывая результаты весьма замѣчательнаго ряда опытовъ, состоитъ въ томъ, чтобы представить именно такую задачу, которой, согласно г. У. Томсону, «наука, въ силу вѣковѣчнаго закона чести, должна безстрашно смотрѣть въ лице». Голословныя отрицанія, или попытки отдѣлаться осмѣяніемъ—не послужать ни къ чему. Прошу помнить: я не пускаюсь ни въ какія гипотезы или теоріи; я только ручаюсь за достовѣрность нѣкоторыхъ фактовъ, имѣя единственною цѣлю—*истину*. Сомнѣвайтесь, но не отрицайте; указывайте съ самою строгою критикою на то, что почитаете ошибками въ моихъ опытныхъ доказательствахъ, и придумывайте опыты болѣе убѣдительные; но не будемъ торопиться обзывать наши органы чувствъ ложными свидѣтелями, потому только, что они свидѣлствуютъ противъ предвзятыхъ понятій. Я отвѣчаю своимъ критикамъ: производите опыты; изслѣдуйте со тщаніемъ и терпѣніемъ, какъ я это сдѣлалъ; если вы откроете обманъ или оболъщеніе, провозгласите это и объявите въ чемъ они состояли. Но, если вы найдете тутъ *фактъ*, признайте его безъ страха, т. е. поступите такъ, какъ вы обязаны сдѣлать это «въ силу вѣчнаго закона чести».

Я могу тотчасъ отвѣтить на одно возраженіе, сдѣлан-

ное многими, а именно, что результаты мои имѣли бы гораздо болѣе вѣса, еслибъ они были получены большее число разъ и съ другими лицами, а не съ г. Юмомъ. Дѣло въ томъ, что я работалъ надъ предметомъ два года, и нашелъ девять или десять различныхъ лицъ, обладающихъ психическою силою въ большей или меньшей степени; но развитіе ея въ г. Д. Д. Юмѣ столь значительно, что я, убѣдившись послѣ тщательныхъ опытовъ, въ подлинности видѣнныхъ мною явленій, продолжалъ свои изслѣдованія, единственно для удобства, съ нимъ однимъ, вмѣсто того, чтобъ работать съ другими, въ которыхъ сила эта находилась въ менѣе замѣтной степени. Большая часть опытовъ, однакоже, о которыхъ я намѣренъ говорить ниже, была произведена съ другимъ лицомъ, а не съ г. Юмомъ, и даже въ отсутствіи его.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію моихъ новыхъ опытовъ, я желаю сказать нѣсколько словъ о тѣхъ, которые уже описаны. Было сдѣлано возраженіе, что столь важныя заявленія не должны бы провозглашаться на основаніи одного или двухъ опытовъ, наскоро произведенныхъ. Я отвѣчаю на это, что я пришелъ къ своимъ заключеніямъ не спѣша, и не вслѣдствіе двухъ или трехъ опытовъ только. Въ предшествующей статьѣ своей я замѣтилъ: «Только послѣ неоднократнаго наблюденія этихъ фактовъ и изслѣдованія ихъ со всею критическою проницательностію, къ которой я способенъ, убѣдился я въ ихъ объективной дѣйствительности». Прежде чѣмъ изготовить спеціальныя снаряды для этихъ опытовъ, я имѣлъ пять отдѣльныхъ случаевъ видѣть, что предметы, вѣсившіе отъ 25 до 100 фунтовъ, подвергались временно какому-то вліянію, вслѣдствіе котораго ни я, ни другіе, присут-

ствовавшіе въ комнатѣ, не могли безъ труда приподнять ихъ отъ полу. Желая убѣдиться, есть ли это физическій фактъ, и не происходитъ ли онъ отъ измѣненія въ напряженіи нашей собственной силы, подъ вліяніемъ воображенія, я изслѣдовалъ это явленіе посредствомъ измѣрительнаго снаряда, при двухъ послѣдовавшихъ встрѣчахъ моихъ съ г. Юмомъ въ домѣ пріятеля моего. Въ первый разъ, опытъ былъ мною трижды повторенъ при самомъ строгомъ наблюденіи, и показаніе вѣсовъ возрасло, при 8 ф. нормальныхъ, до 36, 48 и 46 ф. Во второй разъ, двѣ недѣли спустя, въ присутствіи другихъ свидѣтелей, я опять произвелъ три послѣдовательныхъ опыта, при различныхъ условіяхъ, и показаніе вѣсовъ возрасло, отъ 8 ф. нормальныхъ, до 23, 43 и 27 фунтовъ. Такъ какъ я былъ полнымъ распорядителемъ вышеупомянутыхъ опытныхъ изслѣдованій, употребилъ инструментъ большой точности и принялъ всѣ мѣры, чтобы устранить возможность зависимости результатовъ отъ какого либо фокусничества,—то я уже имѣлъ достаточныя основанія ожидать удовлетворительнаго результата, когда фактъ этотъ долженъ былъ надлежащимъ образомъ засвидѣтельствоваться въ моей собственной лабораторіи. Состоявшееся для того засѣданіе, описанное въ предшествующей статьѣ, имѣло, поэтому, цѣлю своей подтвердить мои прежнія наблюденія посредствомъ рѣшительныхъ опытовъ, при помощи тщательно устроенныхъ, еще болѣе чуткихъ снарядовъ.

Что этотъ предметъ вполне заслуживаетъ научнаго изслѣдованія, едва-ли надо утверждать. Самъ Фаредей не почелъ недостойнымъ для себя обратить вниманіе на подобныя явленія; въ письмѣ къ г. Эмерсону Тенненту, писанномъ въ 1861 г., по случаю предполагавшагося

опытнаго изслѣдованія явленій, совершающихся въ присутствіи г. Юма, онъ писалъ: «Хочетъ ли г. Юмъ приступить къ изслѣдованію, какъ естествоиспытатель и, въ такомъ случаѣ, не имѣть ничего сокрытаго, темнаго, быть откровеннымъ и всѣми силами содѣйствовать изслѣдованію?.... Считаетъ ли онъ эти явленія за естественныя или сверхъестественныя? Если это проблески естественныхъ дѣйствій, еще не подведенныхъ подъ законъ, то не лежитъ ли на обязанности каждаго, кто имѣетъ малѣйшее вліяніе на оныя, лично развивать ихъ, и въ развитіи этомъ помогать и другимъ съ полнымъ стараніемъ и откровенностію, прилагая при этомъ и всякій критическій методъ, умственный или опытный, какой только умъ человѣческій можетъ придумать? ¹⁾»

Еслибъ обстоятельства не помѣшали Фаредею видѣться съ г. Юмомъ, то, я не сомнѣваюсь, онъ увидѣлъ бы явленія подобныя тѣмъ, о которыхъ я намѣренъ говорить, и онъ не преминулъ бы заключить, что тутъ есть «проблески естественныхъ дѣйствій, еще не подведенныхъ подъ законъ.»

Я уже имѣлъ случай упомянуть объ обнародованіи неудачнаго засѣданія членовъ с.-петербургской коммисіи. Еслибъ результаты были удовлетворительны, то, надо полагать, гг. члены обнародовали бы съ такою же готовностію отчетъ объ успѣшности произведенныхъ ими опытовъ.

Профессоръ с.-петербургскаго университета, г. Бутлеровъ, увѣдомилъ меня, что въ прошлую зиму онъ производилъ почти тѣ же самые опыты, о которыхъ я только

¹⁾ См. выше полный переводъ этого письма на стр. 22.

Прим. перев.

что говорилъ, и съ еще болѣе поразительными результатами. Нормальное напряженіе динамометра было 100 ф., и возрасло до 150 ф.; оно возрастало и въ тѣхъ случаяхъ, когда руки г. Юма касались предмета такимъ образомъ, что всякое проявленіе силы съ его стороны могло бы только уменьшить, а не увеличить показаніе инструмента.

Въ 1854 г. графъ Аженоръ де Гаспаренъ напечаталъ книгу ¹⁾, въ которой онъ подробно изложилъ цѣлый рядъ физическихъ опытовъ, произведенныхъ имъ съ нѣкоторыми частными лицами, пріятелями своими, въ которыхъ сила эта оказалась значительно развитою. Опыты его были весьма многочисленны и производились при самыхъ строгихъ повѣрочныхъ условіяхъ. Фактъ движенія тяжелыхъ тѣлъ безъ непосредственнаго къ нимъ прикосновенія былъ многократно доказанъ. Тщательные опыты были произведены для измѣренія силъ, какъ гравитаціи, такъ и левитаціи, сообщенныхъ такимъ образомъ испытуемымъ предметамъ, и остроумный способъ былъ придуманъ графомъ Гаспареномъ, чтобъ опредѣлить въ грубыхъ численныхъ данныхъ количество психической силы въ каждой особѣ. Авторъ приходитъ къ тому конечному выводу, что всѣ эти явленія могутъ быть объяснены дѣйствіемъ естественныхъ причинъ и не требуютъ ни допущенія чудесъ, ни вмѣшательства сверхъестественныхъ вліяній. Онъ считаетъ фактомъ вполне доказаннымъ его опытами, что воля, при извѣстныхъ состояніяхъ организма, можетъ дѣйствовать на неодушевленное вещество на разстояніи,

¹⁾ Agenor de Gasparin. Science versus Spiritualism. New-York, 1857.
Прим. автора.—Вотъ заглавіе оригинала: «Des tables tournantes, du surnaturel en général, et des esprits. Paris, 1854».

Прим. перев..

и большая часть его сочиненія посвящена разъясненію законовъ и условій, при которыхъ это дѣйствіе обнаруживается.

Въ 1855 г., г. Тюри (Thury), профессоръ женевской академіи, издалъ сочиненіе ¹⁾, въ которомъ, разсмотрѣвъ опыты гр. Гаспарена, онъ съ полною подробностію изложилъ произведенныя имъ самимъ, въ тоже самое время, изслѣдованія. Опыты производились и въ этомъ случаѣ съ частными людьми и знакомыми, и со всею тщательностію, какую только человѣкъ науки могъ приложить къ предмету. Мѣсто не дозволить мнѣ привести всѣ числовыя данныя, полученныя г. Тюри; но изъ слѣдующихъ заглавій нѣкоторыхъ отдѣловъ его сочиненія, можно видѣть, что изслѣдованіе было произведено не поверхностнымъ образомъ: «Факты констатирующіе дѣйствительность новаго явленія. Невозможность механическаго дѣйствія. Движеніе безъ прикосновенія. Причины явленія. Условія дѣйствія относительно испытателей. Участіе воли. Необходимость неодноточнаго присутствія испытателей. Предварительныя требованія. Умственное состояніе испытателей. Метеорологическія условія. Условія относительно употребляемыхъ снарядовъ. Условія относительно способа дѣйствія испытателей на снаряды. Вліяніе между-полагаемыхъ веществъ. Проявленіе и передача силы. Обзоръ предполагаемыхъ причинъ. Обманъ. Безсознательное мышечное дѣйствіе, обнаруживающееся при особомъ нервномъ состояніи. Электричество. Перво-магнетизмъ. Теорія г. Гаспарена (особенной жидкости, fluide). Общіе вопросы

¹⁾ Genève. Librairie allemande de J. Kessmann. 1855. *Прим. автора.* Вотъ полное заглавіе: «Les tables parlantes, au point de vue de la physique générale qui s'y rattache; le livre de M. Gasparin et les expériences de Valleyres».

Прим. перев.

относительно дѣйствія на матерію. Положеніе первое: при обыкновенныхъ состояніяхъ тѣла, воля дѣйствуетъ непосредственно только внутри организма. Положеніе второе: внутри самого организма есть рядъ дѣйствій посредственныхъ. Положеніе третье: субстанція, на которую духъ дѣйствуетъ непосредственно—*психодъ*, подвергается только весьма простымъ модификаціямъ подъ вліяніемъ духа. Объясненія, основанныя на вмѣшательствѣ духовъ». Г. Тюри отвергаетъ всѣ эти объясненія и полагаетъ, что причина сихъ явленій кроется въ особенной субстанціи, жидкости (*fluide*) или дѣятелѣ, проникающемъ, подобно свѣтоносному эфиру, всякое вещество—нервное, органическое или неорганическое—и названномъ имъ *психодомъ*. Онъ входитъ въ подробное разбирательство свойствъ этого состоянія или этой формы матеріи, и предлагаетъ названіе *эктенической* (*écténia*, протяженіе) для той силы, которая обнаруживается при дѣйствіи воли на разстояніе посредствомъ психода ¹⁾.

Есть еще рядъ подобныхъ же точныхъ опытовъ, произведенныхъ вполне компетентнымъ наблюдателемъ и съ одинаковыми результатами. Покойный Др. Робертъ Геръ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій ²⁾ представилъ рисунокъ

¹⁾ *Эктеническая* сила профессора Тюри и моя *психическая*—очевидно равнозначашія выраженія. Еслибъ я имѣлъ случай видѣть его сочиненіе три мѣсяца тому назадъ, то я принялъ бы это слово. Предположеніе о существованіи подобной же нервной жидкости недавно дошло до меня съ совершенно другой стороны; я говорю о теоріи нервной атмосферы, высказанной докторомъ медицины, членомъ лондонскаго Королевскаго Общества, Б. В. Ричардсономъ, въ журналѣ «*Medical Times*», № 1088, мая 6, 1871.

²⁾ «*Experimental investigation, etc.*», by Robert Hare, M. D., Emeritus professor of Chemistry in the University of Pennsylvania, New-York, Part-

аппарата, весьма сходнаго съ моимъ собственнымъ; молодой человѣкъ, съ которымъ онъ производилъ опыты, не имѣлъ возможности сообщаться съ аппаратомъ иначе какъ чрезъ воду; не смотря на эти условія, пружинные вѣсы обнаружили проявленіе силы равной 18 фунтамъ. Подробности этого опыта были представлены Др. Геромъ Американскому Обществу для преуспѣянія науки, на собраніи его, въ августѣ 1855 г.

Указанія, мною сдѣланныя, даютъ отвѣтъ на возраженіе, что результаты эти должны быть провѣрены другими. Какъ видно, это было сдѣлано неоднократно; и мои опыты могутъ, поэтому, быть сочтены только за повѣрку результатовъ уже добытыхъ и обнародованныхъ людьми науки въ этой и другихъ странахъ ¹⁾.

Но я этимъ не удовлетворился. Я сознавалъ, что имѣя случай показать эти явленія другимъ, я могъ бы подверг-

ridge, 1858. *Прим. автора.*—Сочиненіе это издано мною въ русскомъ переводѣ, въ Лейпцигѣ, у Вагнера, въ 1866 г., подъ заглавіемъ «Опытное изслѣдованіе о спиритуализмѣ, Роберта Гера, доктора медицины, профессора химіи въ пенсильванскомъ университетѣ»; и также въ нѣмецкомъ переводѣ подъ настоящимъ заглавіемъ: «Experimentelle Untersuchungen über Geister-Manifestationen», Leipzig, Wagner, 1871 г. Помянутыя сочиненія Гера (оригиналь), Тюри и Уаллеса составляютъ нынѣ библіографическую рѣдкость. *Прим. перев.*

¹⁾ «Отчетъ Діалектическаго Общества о спиритуализмѣ» появится чрезъ нѣсколько дней и покажетъ, что назначенный для изслѣдованія комитетъ, хотя и приступилъ къ своимъ опытамъ съ полною надеждою изобличить обманъ, но кончилъ тѣмъ, что убѣдился въ существованіи силы, исходящей изъ человѣческаго организма, способной приводить въ движеніе тяжелые предметы и производить явственные звуки въ твердыхъ тѣлахъ безъ мышечнаго къ нимъ прикосновенія; комитетъ заявляетъ также, что сила эта часто обнаруживаетъ разумность. *Прим. автора.*

нуться упреку, еслибъ не употребилъ должныхъ средствъ, чтобъ обратить на нихъ вниманіе ученаго міра. Поэтому, 15 іюня, 1871 г., я представилъ Королевскому Обществу отчетъ о своихъ опытахъ и обратился къ двумъ секретарямъ его, профессору Шарпи (Sharpey) и профессору Стоксу (Stokes) ¹⁾, приглашая ихъ къ себѣ на домъ, чтобы видѣться съ г. Юмомъ, оговоривъ, въ тоже время, чтобы они были готовы и къ отрицательнымъ результатамъ и потрудились, въ такомъ случаѣ, зайти второй и третій разъ, а до этого воздержаться отъ сужденія.

Др. Шарпи вѣжливо отклонилъ приглашеніе.

Профессоръ Стоксъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, вѣроятно былъ какой нибудь недостатокъ въ снарядахъ, и заключилъ письмо словами:

«Факты, упомянутые вами въ запискѣ вашей, разумеется, на первый взглядъ, очень странны; но все таки мнѣ представились нѣкотораго рода объясненія, которыя не устранялись содержащимся въ запискѣ вашей. Если я успѣю, то, будучи въ Лондонѣ, постараюсь зайти къ вамъ. Мнѣ никого видѣть не надо; я желаю только видѣть снаряды, а не дѣйствія».

На это я отвѣчала 20 іюня; вотъ выдержка изъ моего письма:

«Я изготовляю теперь снарядъ, въ которомъ прикосновеніе къ нему возможно только чрезъ воду, при чемъ всякая передача механическаго движенія доскѣ устраняется; я przygotowляю также опытъ, при которомъ г. Юмъ вовсе не будетъ касаться до снаряда. Этотъ послѣдній будетъ дѣйствовать только при большой силѣ; вчера ве-

¹⁾ Первый—извѣстный физиологъ; второй—физикъ. *Прим. перев.*

черомъ я произвелъ опытъ этого рода и получилъ значительное нагнетеніе на пружинные вѣсы, когда рука г. Юма находилась въ трехъ дюймахъ разстоянія отъ нихъ. Сила въ немъ такъ велика, что я могу производить опыты при помощи большихъ и грубыхъ инструментовъ и измѣрять силу фунтами. Но я намѣреваюсь устроить весьма чувствительный снарядъ, съ зеркаломъ и отраженнымъ лучемъ свѣта, чтобы показывать доли грана. Тогда я надѣюсь найти, что сила эта не ограничивается немногими субъектами, но, подобно магнетическому состоянію, всеобща. Предметъ этотъ долженъ подвергнуться «самому строгому физическому изслѣдованію»; и какія бы ни были результаты, я ихъ опубликую. Я считаю долгомъ представить отчетъ свой напередъ Королевскому Обществу, ибо, поступая такимъ образомъ, я ручаюсь своей репутаціей за истину того, что заявляю. Но приметъ ли Общество, или Комитетъ ¹⁾ факты мои за факты, или потребуетъ поручителей въ моей честности? Если мои заявленія о фактахъ будутъ признаны правильными, и только мои толкованія или устройство снарядовъ подвергнутся возраженіямъ, то кажется справедливость требуетъ, прежде окончательнаго рѣшенія, дать мнѣ возможность отвѣтить на нихъ. Что касается до другаго предположенія — что факты мои не вѣрны — то я не допускаю разсужденія о немъ, покуда не буду имѣть надлежащихъ доказательствъ существованія такого предположенія»

«Г. Юмъ приходитъ сюда по средамъ и пятницамъ. Если вамъ возможно будетъ зайти въ эти дни въ 8 час.,

¹⁾ Въ виду возникшаго слуха, что Комитетъ Королевскаго Общества не принялъ моей записки.

я радъ буду видѣть васъ; если же вы желаете только осмотрѣть снаряды, то я буду здѣсь во всякое время, какое вамъ угодно будетъ назначить».

28 іюня я представилъ Королевскому Обществу другую записку. Два дня спустя, профессор Стоксъ написалъ мнѣ письмо изъ котораго я извлекаю слѣдующее:

«Занятія не дозволили мнѣ зайти къ вамъ; но я могу и письменно указать на тѣ возможные источники ошибокъ, которые представляются мнѣ, въ вашемъ первомъ снарядѣ. Я не предполагаю, чтобы они всѣ существовали, но очевидно, съ чѣмъ разумѣется и вы сами согласитесь, что заявляющій объ открытіи новой силы долженъ устранить всѣ поводы къ основательнымъ возраженіямъ.

«Ширина ножки доски была кажется $1\frac{1}{2}$ или 2 дюйма, а колокольчикъ, поставленный на нее, имѣлъ, быть можетъ, 2 или 3 дюйма ширины. Я не помню въ точности цифръ. Соедините лѣвый край ¹⁾ верхушки колокольчика, *a*, съ правымъ краемъ *b*, въ основаніи колокольчика, и пусть *ef* будетъ соединительная линія. При этомъ мы можемъ предположить, что пальцы нажимали въ любомъ направленіи ниже предѣльной линіи *ef*. Далѣе, такъ какъ доска была неподвижна, то точка опоры, на сколько мы знаемъ, могла быть въ *c*. Опустимъ изъ *c* перпендикуляръ *st* на линію *ef*; въ такомъ случаѣ нажиманіе пальца могло дѣйствовать на разстояніи *st* отъ точки опоры. Далѣе, такъ какъ основаніе лежало всею плоскостію на столѣ, и оба предмета были неподвижны, то, на сколько мы знаемъ,

¹⁾ Чертежъ, сюда относящійся, представленъ мною, въ надлежащемъ масштабѣ, ниже, въ отвѣтъ моемъ. Снарядъ, о которомъ здѣсь говорится, нарисованъ и описанъ въ іюльской книжкѣ «Научнаго Временника», стр. 345.

безконечно малый, а потому и незамѣтный толчекъ, сообщенный столу во время производства опыта, могъ перенести точку опоры съ края *d* на край *c*, при чемъ тяжесть руки могла бы дѣйствовать рычагомъ болѣе длиннымъ, чѣмъ прежде при *cd* — что и могло содѣйствовать результату.

«Во второй запискѣ вашей, неопредѣленность, относительно широты основанія, устранена. Но когда рука опускалась въ воду, напоръ на дно стеклянаго сосуда (спустя нѣкоторое время, если соединяющія отверстія узки) увеличивался вѣсомъ вытѣсняемой руками воды, и это, разумѣется, могло оказать дѣйствіе на вѣсы.

«Одни дрожанія не могутъ, по моему, имѣть большаго значенія, ибо потребовались бы весьма сложные приборы, чтобъ доказать, что они не происходили отъ проходящаго поѣзда желѣзной дороги, или омнибуса, или дрожанія въ тѣлѣ кого либо изъ присутствующихъ.... Что желаете вы, чтобъ было сдѣлано съ вашими записками?»

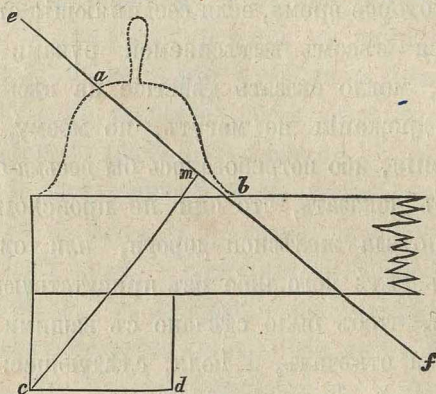
На это я отвѣчалъ, 1 іюля, слѣдующее:

«Въ письмѣ вашемъ, отъ 30 іюня, только что мною полученномъ, вы совершенно справедливо говорите, что я буду вполне согласенъ съ вами, что «заявляющій объ открытіи новой силы долженъ устранить всѣ поводы къ основательнымъ возраженіямъ». Въ предшествующемъ письмѣ вашемъ, отъ 19 іюня, вы пишете съ такою же откровенностію, что, по вашему мнѣнію, «Королевское Общество не должно уклоняться отъ доказательствъ существованія неподозрѣваемой доселѣ силы, но что прежде, чѣмъ что либо печатать объ этомъ, оно должно требовать самаго строгаго физическаго изслѣдованія доказательствъ, приводимыхъ въ пользу существованія подобной силы».

«Вы были такъ добры, что объяснили мнѣ теперь въ подробности, въ чемъ видите ошибочность моихъ первыхъ опытовъ и возможные источники невѣрностей въ послѣдующихъ».

«Перерисовавъ въ полную величину чертежъ, представленный вами въ письмѣ вашемъ, (см. фиг. 1), пополнивъ его недостающими данными, а именно положеніемъ плеча

Фиг. 1 (въ половину масштаба).

a и точкою b , ваша линія cm оказывается 2,9 дюйма въ длину; а какъ вы полагаете, что точка опоры должна быть въ c , то мы получаемъ рычагъ третьяго разряда и двѣ силы, дѣйствующія одна въ $p = 2,9$ дюйма, а другая въ $q = 36$ дюймамъ отъ c . Какая сила P должна быть употреблена въ p , чтобы осилить сопротивленіе или вѣсъ Q , равный 6 ф., на концѣ рычага q ?

$$Pr = Qq.$$

$$\text{Поэтому, } P \times 2,9 = Q \times 36.$$

$$\text{Слѣдовательно, } P = 74,5 \text{ ф.}$$

Такимъ образомъ, допустивъ даже всѣ ваши предположенія, требовалась бы со стороны г. Юма сила равная $75\frac{1}{2}$ фунтамъ, чтобы произвести полученные результаты; но, принявъ въ соображеніе, что онъ сидѣлъ на низкомъ легкомъ стулѣ и что четыре пары зоркихъ глазъ подозрительно наблюдали за нимъ и видѣли, что онъ никакой силы не употреблялъ, и только слегка держалъ концы своихъ пальцевъ на инструментѣ—достаточно ясно, что подобнаго рода нажатіе было невозможно. Все что онъ могъ бы сдѣлать—это произвести давленіе нѣсколькихъ фунтовъ въ вертикальномъ направленіи.

«Далѣе, вы неправильно принимаете, что точка опоры была въ *c*. Допуская, что «безконечно малый, а потому и незамѣтный толчекъ» могъ, въ первое мгновеніе, перекинуть ее изъ *d* въ *c*, очевидно, что сообщенное движеніе немедленно перенесло бы ее опять отъ *c* къ *d*. Въ противномъ случаѣ, толчекъ долженъ былъ быть столь явный, что былъ бы тотчасъ замѣченъ.

«Но, какъ я сказалъ въ послѣдней запискѣ своей, я предпочитаю ссылаться на новые опыты, нежели разсуждать о старыхъ, и вотъ почему я прибѣгнулъ, для передачи силы, къ водѣ. Глубина воды въ мѣдномъ полушарѣ была только въ $1\frac{1}{2}$ дюйма, межъ тѣмъ какъ стеклянный сосудъ имѣлъ 9 дюймовъ въ діаметрѣ ¹⁾. Я только что пробовалъ опустить руку какъ можно болѣе въ мѣдный сосудъ (г. Юмъ опускалъ въ него только концы своихъ пальцевъ) и поднятіе уровня воды не въ состояніи было сообщить какое либо движеніе указателю вѣсовъ — треніе снаряда было достаточно для поглощенія одной или двухъ

¹⁾ Подробное описаніе этого снаряда см. ниже.

унцій, надбавленнаго такимъ образомъ вѣса. Въ моемъ болѣе чувствительномъ снарядѣ это приращеніе гидростатическаго давленія производитъ явное движеніе свѣтоваго пятна, но я устраню это затрудненіе, передвинувъ сосудъ съ водою на точку опоры или поставивъ его на короткое плечо рычага.

«Вы говорите «одни дрожанія не могутъ имѣть большаго значенія»; но развѣ въ другихъ опытахъ, описанныхъ во второй запискѣ моей, движенія снаряда были только этого рода? Дрожаніе снаряда всегда начиналось прежде движенія указателя, а движеніе доски и указателя вверхъ и внизъ были весьма тихи и опредѣленны, употребляя нѣсколько минутъ для каждаго поднятія и опусканія; дрожаніе отъ пробѣгающихъ экипажей есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ постепенное вертикальное нагнетеніе отъ 4 до 8 ф., продолжающееся нѣсколько секундъ.

«Вы говорите, что засѣданія уже закрыты и спрашиваете, что я желаю, чтобъ было сдѣлано съ моими записками?

«Три года тому (27 іюня, 1868 г.), я представилъ Обществу записку «объ измѣреніи свѣтоваго напряженія» тотчасъ по закрытіи засѣданій. Она была прочтена только въ декабрѣ. *Я желалъ бы, чтобы и въ этомъ случаѣ было поступлено такимъ же образомъ, хотя я нисколько не воображаю, чтобъ эти сообщенія удостоились такого же вниманія. Столько научныхъ людей, не исключая и многихъ членовъ Королевскаго Общества, заняты теперь изслѣдованіемъ этихъ странныхъ явленій, что не пройдетъ много лѣтъ, какъ предметъ этотъ заявится ученому міру такимъ образомъ, который заставитъ обра-*

тить на него вниманіе. Я сознаюсь, что представляя Обществу эти отчеты свои, я побуждался скорѣе желаніемъ быть первымъ научнымъ испытателемъ, рѣшившимся на такое дѣйствіе, нежели желаніемъ, чтобъ они немедленно обратили на себя вниманіе. Я обязанъ представить Обществу первое сообщеніе о важныхъ научныхъ результатахъ, и буду продолжать посылать ихъ—*pour prendre date*, если не для чего другаго».

.¹⁾.

Я надѣюсь не покажется страннымъ, если сообщая объ опытахъ этихъ, я буду считать ихъ окончательными, до тѣхъ поръ пока они не будутъ опровергнуты аргументами, основанными также на фактахъ; и если я пожелаю узнать на какихъ основаніяхъ утверждается противное. Профессоръ Алленъ Томсонъ (Allen Thomson) на недавнемъ собраніи Великобританскаго Общества для преуспѣянія науки, замѣтилъ, что никакое изслѣдованіе предмета, о которомъ здѣсь говорится, «не заслуживаетъ имени изслѣдованія или изученія»²⁾. А почему же такъ? Съ другой стороны, профессоръ Чаллисъ (Challis), въ Кембриджѣ, пишетъ: «Свидѣтельства были столь многочисленны и единогласны, что или факты должны быть признаны въ томъ видѣ, какъ они заявлены, или возможность констатированія фактовъ посредствомъ человѣческаго свидѣтель-

¹⁾ Опускаю страницу изъ статьи г. Крукса, посвященную опроверженіямъ слуха, пущеннаго газетою «Spectator», будто Королевское Общество уже отказало въ слушаніи записокъ, представленныхъ г. Круксомъ. *Прим. перев.*

²⁾ Рѣчь проф. Томсона, изъ которой взяты эти слова, переведена въ десятой книжкѣ журнала «Знаніе», за текущій годъ. Все, что сказано имъ о спиритуализмѣ, читатель найдетъ ниже въ «Приложеніи». *Прим. перев.*

ства должна быть отвергнута». Не слишкомъ много будетъ, безъ сомнѣнія, предполагать, что Др. Томсонъ имѣетъ нѣкоторыя основанія, чтобъ утверждать это; и, дѣйствительно, «я вполне убѣдился въ этомъ (т. е. въ лживости спиритуалистическихъ представленій)», говоритъ онъ, «многократными наблюденіями»; но гдѣ же можно найти результаты его изслѣдованій? Они должны быть весьма убѣдительны, чтобъ оправдать его въ употребленіи выраженій, подобныхъ слѣдующимъ: «нѣкоторые люди, признанной научной репутаціи, по своимъ специальностямъ, поступились, ради этихъ нелѣпыхъ бредней, разсудкомъ своимъ, находясь, повидимому, въ *другихъ отношеніяхъ*, въ предѣлахъ здраваго смысла».

Если догматическое отрицаніе Др. Томсона основано единственно на странности представленныхъ мною фактовъ, то что же думаетъ онъ о вступительной рѣчи президента въ этомъ году? Безъ сомнѣнія, понятіе о нервной силѣ не труднѣе понятія о «внутреннемъ механизмѣ атомовъ». Далѣе, всякое изслѣдованіе, достойно оно этого названія или нѣтъ, касающееся движенія, къ которому применили люди извѣстные, которое занимаетъ передовое мѣсто между соціальными вопросами вѣка и считаетъ послѣдователей своихъ милліонами,—безъ сомнѣнія, столь же достойно уваженія и столь же поучительно для всѣхъ, какъ и гипотетическія изслѣдованія объ «интератомическихъ атмосферахъ» и «вращающихся интератомическихъ атомахъ». Профессоръ Гексли замѣтилъ: «Если есть что яснаго въ программѣ современной науки, то это стремленіе сводить всѣ научныя проблемы, за исключеніемъ часто математическихъ, къ проблемамъ молекулярной физики, т. е. къ притяженію, оттолкновенію, дви-

женію и координаціи послѣднихъ частицъ матеріи! Но эти послѣднія частицы, молекулы или атомы, суть созданія воображенія и такія же чисто предположенія, какъ духи спиритуалистовъ». Но, быть можетъ, уваженіе Др. Аллена Томсона къ математикѣ такъ велико, что онъ уже слѣпъ къ дѣйствительности. Не благовидно для современнаго научнаго естествознанія, что, послѣ поразительныхъ откroвеній спектроскопа за послѣднее десятилѣтіе, какія нибудь изслѣдованія съ негодованіемъ отвергаются потому только, что относятся къ такому разряду вещей, о которыхъ мы имѣемъ теперь мало понятія.

Что я не представилъ динамическаго эквивалента психической силы или формулы для измѣнчиваго напряженія силы г. Юма, это разумѣется не аргументъ противъ существованія такой силы. Люди мыслили, когда силлогизмъ еще не былъ открытъ, и, какъ бы странно это не показалось для многихъ, сила существовала, когда она не была еще доказана математическими формулами.

Въ отвѣтъ нѣсколько смѣлому предположенію профессора Бальфура Стьюарта (Balfour Stewart) ¹⁾, что г. Юмъ обладаетъ большою электро-біологическою силою (чтобы ни значило это слово), при помощи которой онъ дѣйствуетъ на присутствующихъ, — я указываю на кривыя линіи, нарисованныя при этой статьѣ; какъ бы ни были воспріимчивы къ этому предполагаемому вліянію лица, находившіяся въ комнатѣ, едва ли возможно будетъ утверждать, что г. Юмъ біологизировалъ отмѣчавшіе инструменты.

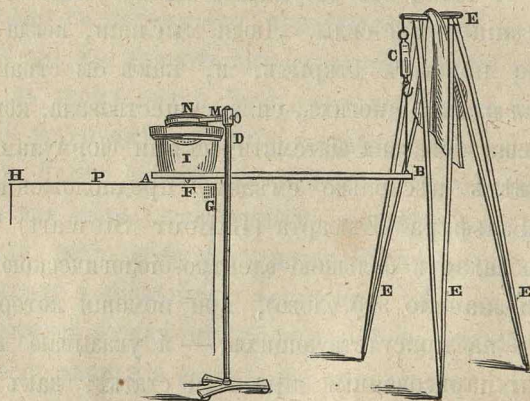
Я покончу теперь съ личными вопросами или съ объяс-

¹⁾ См. его статью по поводу опытовъ г. Крукса въ «Nature», 27 іюля, 1871 г.

неніями вынужденными самозащитою противъ невѣжли-
выхъ толкованій, основанныхъ на извращеніи, и перейду
къ описанію опытовъ, большую часть которыхъ, замѣчу
здѣсь, могли бы увидать и гг. профессора Стоксъ и Шар-
пи, еслибъ они приняли мои приглашенія.

Производя эти опыты въ первый разъ, я думалъ, что
непосредственное прикосновеніе рукъ г. Юма къ подвѣ-
шенному предмету, имѣющему подвергнуться испытанію,
было существенно необходимо для проявленія силы; но,
впослѣдствіи, я нашель, что это условіе не необходимо, а
потому я и устроилъ мой снарядъ слѣдующимъ образомъ:

Фиг. 2.

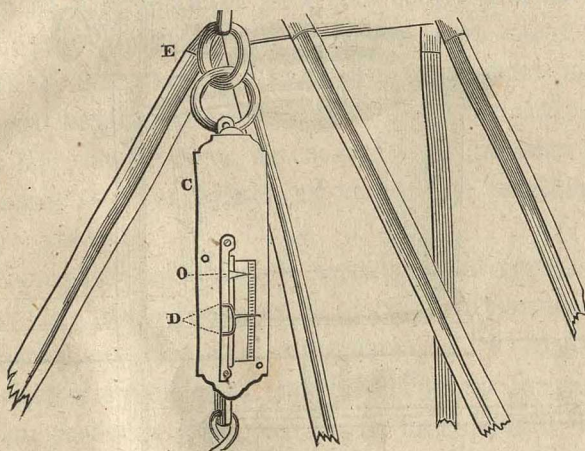
Прилагаемые рисунки (фиг. 2, 3, 4) поясняютъ устрой-
ство. Фиг. 2 даетъ о немъ общее понятіе, а фиг. 3 и 4
изображаютъ существенныя части подробнѣе.

Пояснительныя буквы однѣ и тѣ же для каждого ри-
сунка. А В доска краснаго дерева, въ 36 дюймовъ дли-
ны, $9\frac{1}{2}$ дюймовъ ширины и 1 дюймъ толщины. Она под-

вѣшена въ концѣ В на пружинныхъ вѣсахъ С, снабженныхъ самоуказателемъ D. Вѣсы висятъ на весьма твердомъ треножникѣ Е.

Слѣдующая часть снаряда не представлена на рисункахъ. Къ движущемуся указателю пружинныхъ вѣсовъ О, припаяна тонкая иглка, выдающаяся горизонтально впередъ. Съ передней стороны вѣсовъ твердо прикрѣплена къ нимъ рамка, въ пазы которой вставленъ плоскій ящи-

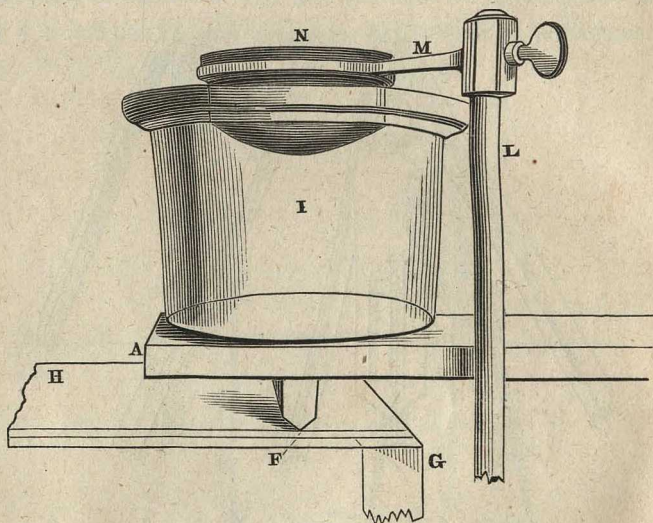
Фиг. 3.

чекъ, похожій на темный ящикъ фотографической камеры. Ящикъ этотъ можетъ, посредствомъ часового прибора, горизонтально двигаться предъ подвижнымъ указателемъ вѣсовъ, вмѣстѣ съ находящейся въ немъ накопченою стекляною дощечкою. Выдающаяся иглка, упираясь въ дощечку, оставляетъ слѣды на копченой поверхности ея. Если вѣсы неподвижны, а часовой приборъ пущенъ въ ходъ, то получается на дощечкѣ совершенно прямая, го-

ризонтальная линія. Если приборъ остановить и положить тяжесть на конецъ В доски, то получается вертикальная линія, длина которой зависитъ отъ количества вѣса. Если, пока приборъ увлекаетъ дощечку, тяжесть доски (или напряженіе вѣсовъ) мѣняется, то получается кривая линія, на основаніи которой сила напряженія, во всякій моментъ въ продолженіи производства опыта, можетъ быть исчислена въ гранахъ.

Фиг. 4.

Инструментъ могъ показывать какъ приращеніе, такъ и уменьшеніе давленія на вѣсы; указанія такого уменьшенія часто отмѣчались. Для устраненія сложности, однакожь, я ограничусь здѣсь только тѣми результатами, при которыхъ обнаруживалось приращеніе давленія.

Конецъ В доски поддерживается пружинными вѣсами, а конецъ А деревяннымъ брусочкомъ F, привинченнымъ

въ ней снизу и заостреннымъ (см. фиг. 4). Точка опоры покоится на прочной и тяжелой деревянной подставкѣ GH. На доскѣ, прямо надъ ¹⁾ точкою опоры, поставленъ большой стеклянный сосудъ, полный воды, I. L—массивный, желѣзный стоякъ, съ плечомъ и кольцомъ MN, въ который вставленъ полукруглый мѣдный сосудъ съ нѣсколькими просверленными отверстіями на днѣ.

Желѣзный стоякъ находится въ двухъ дюймахъ отъ доски AB, а плечо его и мѣдный сосудъ принаровлены такъ, что послѣдній опущенъ въ воду на $1\frac{1}{2}$ дюйма, будучи въ $5\frac{1}{2}$ дюймахъ отъ дна сосуда I и въ 2 дюймахъ отъ его окружности. Сотрясенія въ плечѣ M или сосудѣ N, или удары по нимъ не производятъ никакого видимаго механическаго дѣйствія на доску AB, или на вѣсы. Погруженіе руки, на сколько это возможно, въ воду N, также не производитъ на вѣсахъ ни малѣйшаго видимаго дѣйствія.

Такъ какъ возможность механической передачи силы между мѣднымъ сосудомъ и доскою AB этимъ путемъ совершенно отнята, то, слѣдовательно, и возможность участія мышечной силы въполнѣ при этомъ устранена.

Для удобства я раздѣлю опыты на группы I, II, III и т. д., и опишу въ подробности по одному для каждой. Не привожу ничего, что не было бы повторено мною неоднократно, и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, проверено, *въ отсутствіи г. Юма, при другомъ лицѣ, обладающемъ подобною же силою.*

Въ комнатѣ, гдѣ опыты производились (въ моей соб-

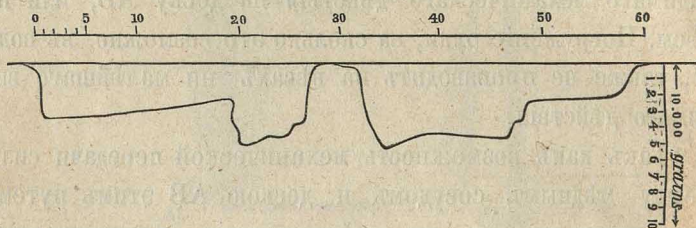
¹⁾ Въ моихъ первыхъ опытахъ съ этимъ снарядомъ, о коихъ упоминается въ письмѣ профессора Стокса, и моемъ отвѣтѣ ему, стеклянный сосудъ не стоялъ прямо надъ точкою опоры, но ближе къ B.

ственной столовой), всегда было достаточно свѣта, чтобы видѣть все совершавшееся.

Опытъ I. Когда снарядъ былъ надлежащимъ образомъ устроенъ, г. Юмъ былъ приглашенъ войти въ комнату и опустить свои пальцы въ воду мѣднаго сосуда N. Стоя, онъ опустилъ концы пальцевъ своей правой руки въ воду; *лѣвую руку его и ноги держали въ это время другіе.* Когда онъ сказалъ, что чувствуетъ силу или вліяніе, исходящее изъ руки его, я пустилъ въ ходъ часовой приборъ, и почти немедленно конецъ Вдоски сталъ тихо опускаться, и оставался въ этомъ положеніи до 10 се-

Фиг. 5.

Масштабъ въ секундахъ.

Горизонтальный масштабъ секундъ показываетъ количество времени, занятого движеніями вѣсовой стрѣлки; опытъ длился минуту. Вертикальный масштабъ показывать въ гранахъ силу нагнетенія на вѣсы, въ каждый данный моментъ.

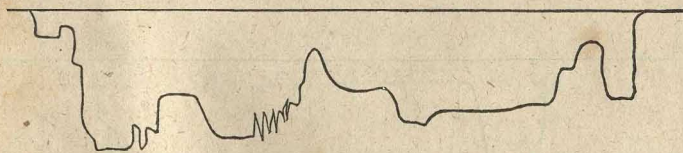
кундъ; затѣмъ онъ опустился еще ниже и поднялся до нормальной вышины. Потомъ онъ опять опустился, внезапно поднялся, постепенно опускался въ продолженіи 17 секундъ и, наконецъ, поднялся до нормальной вышины, на которой онъ и оставался до окончанія опыта. Низшая точка, обозначенная на стеклѣ, соотвѣтствовала прямому нагнету въ 5,000 гранъ ¹⁾. Прилагаемый рисунокъ (5)

¹⁾ Англійскій гранъ равенъ 1,458 доли; поэтому 5,000 гранъ будетъ нѣсколько болѣе фунта. *Прим. перев.*

есть копія съ кривой линіи, проведенной по копченому стеклу.

Опытъ II. Такъ какъ сообщеніе чрезъ воду оказалось столь же дѣйствительнымъ, какъ непосредственное механическое, то я пожелалъ испытать, проявить ли сила дѣйствіе свое чрезъ другія части снаряда или чрезъ воздухъ. Стеклянный сосудъ и желѣзный стоякъ были поэтому удалены, какъ излишнее усложненіе, и руки г. Юма были положены на подставку снаряда въ Р¹⁾ (фиг. 2). Одинъ изъ присутствующихъ *положилъ свои руки на руки г. Юма, и свою ногу на обѣ ноги его*, и я самъ пристально наблюдалъ за нимъ. Въ надлежащее время, часовой приборъ былъ опять пущенъ, доска стала неправильно подыматься и опускаться, и въ результатѣ получилась на стеклѣ кривая линія, изображенная на фиг. 6.

Фиг. 6.

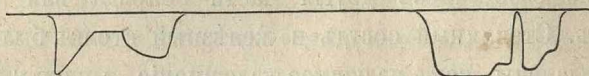
Масштабъ вертикальный и горизонтальный, для этой фигуры {и двухъ послѣдующихъ, тотъ же, что для фиг. 5.}

Опытъ III. Затѣмъ г. Юмъ сплъ въ разстояніи одного фута отъ доски АВ, съ одной стороны ея. Руки и ноги его твердо держались присутствующимъ лицомъ,

¹⁾ Т. е. вовсе не касались доски АВ.

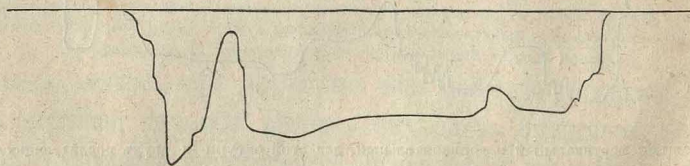
и на стекляной доскѣ получилась другая линія, изображенная на фиг. 7.

Фиг. 7.

Опытъ IV. Опытъ этотъ былъ произведенъ, когда сила была больше, чѣмъ въ предшествующіе раза. Г. Юмъ былъ поставленъ на *разстояніи трехъ футовъ* отъ *снаряда*; руки и ноги его держались другимъ лицомъ. При данномъ знаѣ, часовой приборъ былъ пущенъ, и вскорѣ конецъ В доски сталъ неправильно подыматься и опускаться, какъ показано на фиг. 8.

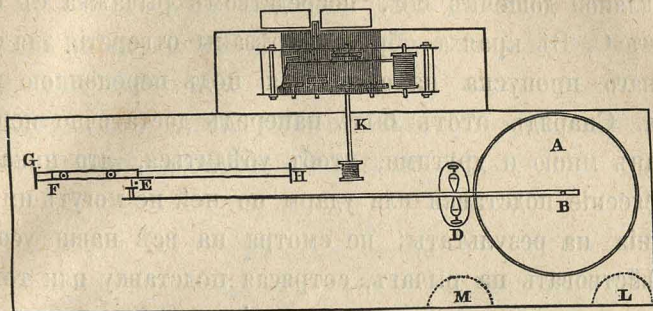
Фиг. 8.

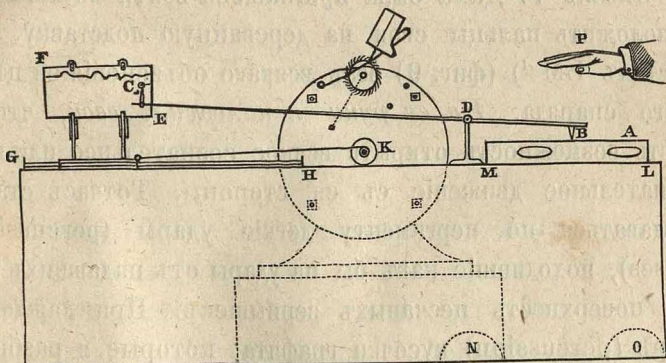
Слѣдующій рядъ опытовъ былъ произведенъ при помощи болѣе чувствительнаго снаряда и *съ другою особою*—дамою, въ отсутствіи г. Юма. Такъ какъ дама эта не медиумъ по профессіи, то я и не называю ея имени. Она согласна, однакожъ, ради изслѣдованія, предложить

услуги свои всякому человѣку науки, мною ей представленному.

Фиг. 9. (планъ).

Фиг. 10. (разрѣзъ).

Кусокъ тонкаго пергамента А (фиг. 9 и 10) плотно натянуть на круглый деревянный обручъ. ВС—легонкій рычагъ, вращающійся въ D. На концѣ его В вертикальное остріе, опирающееся о перепонку А, а на концѣ С другое остріе, идущее горизонтально и упирающееся въ копченую стеклянную дощечку EF. Эта стеклянная дощечка можетъ ходить по направленію HG посредствомъ

часового прибора К. Конец В рычага вывѣшенъ такъ, что онъ быстро передаетъ движенія центра круглой перепонки А. Эти движенія передаются и отмѣчаются на стеклянной дощечкѣ ЕФ, посредствомъ рычажка съ остриемъ С. Въ краяхъ обруча вырѣзаны отверстія для свободного пропуска находящагося подъ перепонкою воздуха. Снарядъ этотъ былъ напередъ достаточно испытыванъ мною и другими, чтобъ убѣдиться, что никакое сотрясеніе подставки или удары по ней не могутъ имѣть вліянія на результаты; не смотря на всѣ наши усилія подѣйствовать на рычагъ, сотрясая подставку или топая по полу, черта, проведенная остриемъ С по копченому стеклу, была совершенно пряма.

Опытъ V. Дама была приглашена войти въ комнату и положить пальцы свои на деревянную подставку, въ мѣстахъ LM ¹⁾ (фиг. 9) безъ всякаго объясненія ей цѣли этого снаряда. *На ея руки я наложилъ свои*, чтобъ имѣть возможность открыть всякое сознательное или не-сознательное движеніе съ ея стороны. Тотчасъ стали раздаваться по пергаменту легкіе удары (percussive noises), походившіе какъ бы на удары отъ падавшихъ на его поверхность песчаныхъ зернышекъ. При каждомъ ударѣ (percussion) кусочки графита, которые я разбросалъ по поверхности перепонки, подскакивали вверхъ приблизительно на $\frac{1}{50}$ дюйма, а конецъ С рычага тихонько двигался вверхъ и внизъ. Иногда звуки были такъ же часты, какъ производимые индуктивною спиралью, а иногда они раздавались болѣе чѣмъ черезъ секунду. Было взято пять

¹⁾ Т. е. въ нѣкоторомъ разстояніи отъ перепонки А.

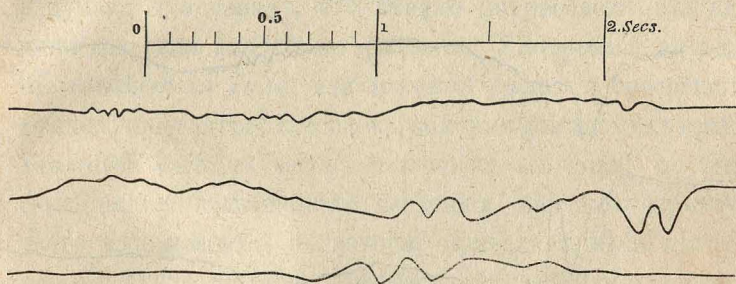
или шесть линій, и, въ каждомъ случаѣ, совмѣстно съ дрожаніемъ перепонки приводился въ движеніе и конецъ С рычага.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ руки дамы не были такъ близки къ перепонкѣ, какъ въ мѣстахъ LM, но были въ NO, фиг. 10.

Линіи, полученныя на дощечкахъ, употребленныхъ при этомъ случаѣ, изображены на фиг. 11.

Фиг. 11.

Масштабъ секундъ.

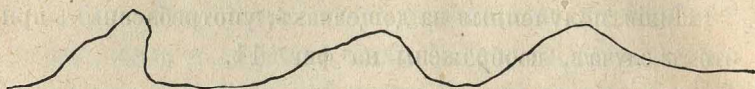

Опытъ VI. Получивъ такіе результаты въ отсутствіи г. Юма, я весьма желалъ увидать какое дѣйствіе окажется на инструментъ въ его присутствіи. Поэтому я попросилъ его сдѣлать пробу, не объясняя ему назначеніе инструмента. Я взялъ его правую руку, повыше, кисти и держалъ ее надъ перепонкою, въ разстояніи около 10 дюймовъ отъ поверхности ея, какъ показано въ Р, на фиг. 10. Другую руку его держало другое лице. Оставшись въ этомъ положеніи около полу-минуты, г. Юмъ сказалъ, что чувствуетъ какое-то вліяніе. Я пустилъ въ ходъ приборъ, и мы всѣ видѣли, какъ указатель С сталъ двигаться вверхъ и внизъ. Движенія были гораздо тише, чѣмъ

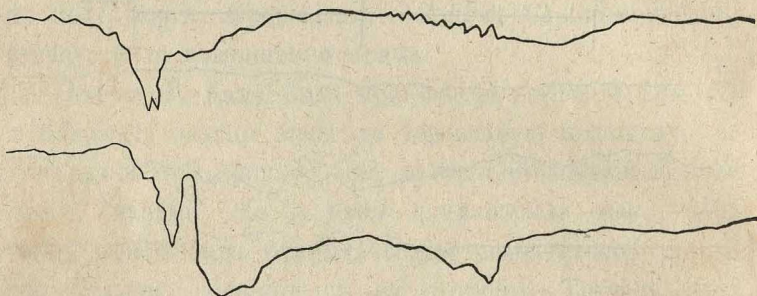
въ предшествующихъ случаяхъ и почти вовсе не сопровождались замѣченными тогда ударами.

Фиг. 12 и 13 показываютъ кривыя линіи, проведенныя на стеклѣ при двухъ такихъ случаяхъ.

Фиг. 12.

Фиг. 13.

Фигуры 11, 12 и 13 увеличены.

Опыты эти подтверждаютъ, *вне всякаго сомнѣнія*, заключенія, къ которымъ я пришелъ въ предшествующей статьѣ своей, а именно, существованіе силы, сопряженной нѣкоторымъ необъясненнымъ доселѣ образомъ съ чело-вѣческимъ организмомъ, и посредствомъ которой вѣсь твердыхъ тѣлъ можетъ быть увеличенъ безъ физическаго къ нимъ прикосновенія. Относительно г. Юма, проявленіе этой силы чрезвычайно измѣнчиво, не только отъ недѣли до недѣли, но даже отъ часу до часу; иногда, въ продолженіи часу или болѣе, она не обнаруживается на

снарядахъ моихъ, а потомъ, вдругъ, проявляется съ большимъ напряженіемъ. Она способна дѣйствовать и на разстояніи отъ г. Юма, не рѣдко даже въ двухъ или трехъ футахъ отъ него; но ближе къ нему всегда сильнѣе.

Будучи твердо убѣжденъ, что не можетъ быть проявленія одного вида силы безъ соотвѣтствующей траты какого либо другаго вида ея, я долгое время тщетно искалъ открыть ту силу, которая потреблялась на произведеніе сихъ результатовъ.

Теперь, однакожь, имѣвши случай чаще видѣть г. Юма, я думаю, что узналъ, что именно потребляетъ эта психическая сила для своего развитія. Употребляя выраженіе *жизненная сила*, или *нервная сила*, я совершенно сознаю, что употребляю слова, которыя для многихъ изслѣдователей имѣютъ весьма различныя значенія; но бывъ свидѣтелемъ болѣзненнаго состоянія, нервнаго и физическаго изнеможенія, въ которое привели г. Юма нѣкоторые изъ этихъ опытовъ,—видѣвши его лежащимъ на полу почти безъ чувствъ, блѣднаго и безгласнаго—я едва ли могъ усумниться, что проявленіе психической силы сопровождается соотвѣтствующей тратой жизненной силы.

Я рѣшился дать этой новой силѣ имя *психической*, въ виду явной зависимости ея отъ нѣкоторыхъ психологическихъ условій, а также и потому, что я весьма желалъ избѣгнуть предрѣшенія, подразумеваемаго въ томъ названіи ¹⁾, подъ которымъ она по сіе время извѣстна и которое принадлежитъ области, недоступной для опыта и разсужденій. Но нашедши, что она входитъ въ область

¹⁾ Т. е. въ словѣ «spiritual force», духовная сила.

чисто научнаго изслѣдованія, я полагаю она должна быть извѣстна подъ научнымъ именемъ, и не думаю, чтобъ могло быть подобрано другое, болѣе соотвѣтствующее.

Для наблюденія явленій этой силы нѣтъ надобности имѣть дѣло съ извѣстными психиками. Силою этою, по всей вѣроятности, обладаютъ всѣ человѣческія существа, хотя личности, одаренныя необыкновеннымъ развитіемъ ея, безъ сомнѣнія, рѣдки. Въ продолженіи послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ я встрѣтилъ въ частныхъ домахъ отъ пяти до шести личностей, обладающихъ достаточно сильнымъ развитіемъ ея, чтобъ имѣть основаніе надѣяться, что результаты, подобные вышеописаннымъ, могутъ получиться и чрезъ ихъ посредство, лишь бы только опыты производились съ болѣе чувствительными снарядами, могущими указать доли грана вмѣсто однихъ фунтовъ и унцій.

Я намѣренъ, на сколько занятія дозволятъ мнѣ, продолжать эти опыты въ различныхъ видахъ, и о результатахъ ихъ я буду отъ времени до времени сообщать. Между тѣмъ, я надѣюсь, найдутся и другіе, которые пожелаютъ продолжать это изслѣдованіе съ научной стороны. Слѣдуетъ, однакожь, знать, что изслѣдованія эти, подобно всѣмъ прочимъ научнымъ опытамъ, должны быть ведены въ точномъ согласіи съ условіями, при которыхъ сила эта обнаруживается. Какъ при опытахъ съ электричествомъ тренія, одно изъ необходимыхъ условій, чтобъ атмосфера была свободна отъ избытка сырости и чтобъ никакой проводникъ не касался снаряда, покуда сила развивается, такъ точно нѣкоторыя условія существенны для обнаруженія и дѣйствія психической силы, и если предосторожности эти не будутъ соблюдены, опыты не уда-

дуться. Я настаиваю на этомъ, ибо весьма часто и неразумно возражаютъ, что сила эта не проявляется при условіяхъ ей неблагоприятныхъ, предписанныхъ экспериментаторами; эти послѣдніе, однакожъ, сами, при производствѣ какихъ либо своихъ собственныхъ научныхъ изслѣдованій, конечно, не допустили бы поставить себѣ со стороны какія бы то ни было условія. Но я могу прибавить, что требуемыя здѣсь условія весьма не многочисленны, очень разумны и никакимъ образомъ не препятствуютъ ни самому тщательному наблюденію, ни производству самыхъ строгихъ и точныхъ испытаній.

Когда статья эта была уже изготовлена къ печати, я получилъ отъ пріятеля своего, профессора Мортонa, пробный листъ «Журнала Франклинскаго Института», съ нѣкоторыми замѣчаніями г. Кольмана Селлерса (извѣстнаго ученаго механика Соединенныхъ Штатовъ), по поводу послѣдней статьи моей. Сущность его возраженія содержится въ слѣдующемъ:

«На страницѣ 341 «Научнаго Временника» (Quarterly Journal of Science) говорится о доскѣ краснаго дерева въ 36 дюймовъ длины, $9\frac{1}{2}$ д. ширины и 1 д. толщины, съ привинченными по концамъ, въ родѣ ножекъ, брусочками того же дерева въ $1\frac{1}{2}$ д. ширины. Доска эта была поставлена такъ, что одинъ конецъ ея опирался о столъ, а другой былъ подвѣшенъ къ пружиннымъ вѣсамъ, и въ такомъ положеніи она вѣсила 3 фунта; т. е. доска краснаго дерева помянутой величины вѣсила

всего, какъ надо заключить, 6 фунтовъ: 3 ф. на вѣсахъ и 3 ф. на столѣ. Механикъ, привыкшій обращаться съ деревомъ, удивляется какъ могло это быть. Онъ наводитъ справки въ своей небольшой библіотекѣ и находитъ, что, по мнѣнію людей науки, такая доска должна вѣсить около $13\frac{1}{2}$ фунтовъ. Самъ ли г. Круксъ изготавилъ эту доску?.. Или доставилъ ее г. Юмъ, какъ одну изъ частей аппарата?.. Было бы гораздо удовлетворительнѣе, еслибъ г. Круксъ объявилъ, кто изготавилъ эту доску?... Если откроется, что шести-фунтовая доска красного дерева была доставлена г. Юмомъ, то опыты не будутъ такъ убѣдительны».

Опыты мои должны быть, по истинѣ, убѣдительны, если такой отличный механикъ, какъ г. Селлерсъ, не находитъ въ нихъ другаго недостатка, кромѣ указаннаго имъ выше. Онъ пишетъ такъ положительно и обращается съ размѣрами и вѣсами съ такою увѣренностію, что, пожалуй, многіе повѣрятъ, что я дѣйствительно сдѣлалъ тотъ изумительный промахъ, на который онъ указываетъ.

И такъ, повѣрятъ ли, что моя доска красного дерева вѣситъ только 6 фунтовъ? Четверо различныхъ вѣсовъ моихъ показываютъ это и зеленщикъ мой утверждаетъ тоже самое.

Легко увидать въ какія ошибки можетъ впасть «механикъ», когда онъ обращается за практическими свѣдѣніями къ своей «небольшой библіотекѣ», вмѣсто того, чтобъ прямо обратиться къ опыту.

Я сожалею, что не могу уведомить г. Селлерса, кто изготавилъ мою доску красного дерева. Она принадлежитъ мнѣ лѣтъ шестнадцать; она была выпиlena на дровяномъ дворѣ; потомъ сдѣлалась подставкой для спек-

трального снаряда и какъ таковая описана и представлена на рисункѣ въ «Журналѣ Фотографическаго Общества» за январь, 1856 г. (т. II, стр. 293). Послѣ того, она служила мнѣ, по временамъ, для устройства различныхъ частей снарядовъ въ моей физической лабораторіи, и была выбрана для опытовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь потому, что форма ея казалась наиболѣе для того удобною.

Ужели серьезно ожидаютъ, чтобы я отвѣтилъ на вопросъ: «не доставилъ ли мнѣ доску г. Юмъ»? Ужели мои критики не хотятъ допустить во мнѣ хотя малую толику здраваго смысла? Ужели они думаютъ, что тѣ очевидныя предосторожности, которыя приходятъ имъ на умъ, какъ только они начинаютъ отыскивать промахи въ моихъ опытахъ, не приходили на умъ и мнѣ во время продолжительнаго и терпѣливаго изслѣдованія?

Отвѣтъ мой на эти и тому подобныя возраженія, слѣдующій: докажите, что это ошибка, объяснивъ, въ чемъ она состоитъ; или, если это фокусъ, укажите *какимъ образомъ* онъ сдѣланъ. Пытайте сами, обстоятельно и честно. Если откроете обманъ, изобличите его; если найдете истину, провозгласите ее. Вотъ единственный научный путь, и его я намѣреваюсь твердо держаться.

Възможно ли было бы, чтобы кто-нибудь изъ насъ
не былъ бы въ числѣ тѣхъ, кто не знаетъ, что такое
любовь? Но, къ сожалѣнью, это не такъ. И потому
я хочу сказать вамъ, что любовь — это не только
чувство, но и дѣло. Это то, что заставляетъ насъ
сдѣлать то, что мы не хотимъ сдѣлать, и не
говорить то, что мы не хотимъ говорить. Это то,
что заставляетъ насъ быть добрыми, когда мы
хотимъ быть злыми. Это то, что заставляетъ насъ
быть счастливыми, когда мы хотимъ быть несчастными.
И потому, друзья мои, я прошу васъ любить
одинъ друга друга, какъ себя самихъ. И тогда
вы увидите, что любовь — это не только чувство,
но и дѣло. И тогда вы увидите, что любовь —
это то, что заставляетъ насъ быть добрыми, когда
мы хотимъ быть злыми. И тогда вы увидите, что
любовь — это то, что заставляетъ насъ быть
счастливыми, когда мы хотимъ быть несчастными.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

1) Опыты г. Крукса и критика «Знанія».

Въ сентябрьской книжкѣ журнала «Знаніе», подъ рубрикой «Разныя извѣстія», и подъ заглавіемъ «Новыя опыты Юма въ Лондонѣ и психическая сила Крукса» появилось довольно пространное изложеніе опытовъ, произведенныхъ симъ послѣднимъ въ присутствіи г. Юма и составляющихъ содержаніе помѣщенной выше статьи г. Крукса, подъ заглавіемъ «Опытное изслѣдованіе новой силы».

Появленіе подобнаго извѣстія въ «Знаніи» весьма удивляетъ меня, ибо, однажды сообщивъ его, журналъ этотъ даетъ читателямъ своимъ право ожидать, что онъ будетъ продолжать сообщать имъ и послѣдующія извѣстія о такомъ необыкновенномъ для науки предметѣ, и съ такою же обстоятельностью. Поэтому, слѣдовало бы надѣяться, что и дальнѣйшіе опыты г. Крукса, описанные имъ въ октябрьской книжкѣ «Quarterly Journal of Science» и составляющіе содержаніе помѣщенной въ этомъ сборникѣ другой статьи его, подъ заглавіемъ «Дальнѣйшія опытные изслѣдованія психической силы», — опыты, устраняющіе всѣ возраженія, сдѣланные «Знаніемъ» на предшествующіе — также найдутъ себѣ мѣсто въ этомъ журналѣ и вызовутъ новую критику. Мнѣ сдается, однакожь, что вслѣдъ за симъ, наступитъ въ «Знаніи» о даль-

нѣйшихъ опытахъ по этой части,—молчаніе. Въ этомъ сужденіи я руководствуюсь примѣромъ многихъ другихъ журналовъ и газетъ, покушавшихся, говоря о спиритуализмѣ, сообщать и подлинныя изслѣдованія *in extenso*.

Но покуда этотъ періодъ молчанія еще не наступилъ, я считаю здѣсь вполне умѣстнымъ обратить должное вниманіе на критическую замѣтку, коей «Знаніе» сопровождаетъ сообщенное имъ извѣстіе объ опытахъ г. Крукса. Критику свою «Знаніе» построило на письмѣ г. Ируэ-кера въ журналѣ «Nature», заявивъ, что оно находитъ его возраженія «весьма основательными» и «вполнѣ къ нимъ присоединяется». Такъ какъ подобная критика, должна, по своей логичности и вѣскости, вполнѣ соотвѣтствовать журналу, имѣющему притязаніе говорить исключительно отъ имени науки, то я позволю себѣ разсмотрѣть, пунктъ за пунктомъ, основательность сдѣланныхъ имъ возраженій.

Прежде всего я не могу не замѣтить, что журналъ «Nature», имѣя благоразуміе заявить, что онъ нисколько не считаетъ себя отвѣтственнымъ за высказанныя его корреспондентами мнѣнія, имѣлъ и добросовѣстность помѣстить у себя, на той же страницѣ, письмо другаго корреспондента, г. Фрэзера (George Fraser), который, по поводу тѣхъ же опытовъ г. Крукса, между прочимъ, говорить: «Оставляя въ сторонѣ опытъ съ гармоникой,—который, быть можетъ, и далъ нѣкоторый просторъ обману зрѣнія—результатъ опыта съ вѣсами совершенно противенъ всѣмъ извѣстнымъ законамъ механики; и, несомнѣнно, что опытъ этотъ произошелъ при такихъ условіяхъ, гдѣ обману не было мѣста. Показанія двухъ столь тщательныхъ наблюдателей, какъ г. Круксъ и д-ръ Геггинсъ,

не такъ легко опровергнуть, называя ихъ фантазіями воображенія (какъ пытается сдѣлать это профессоръ Бальфуръ Стюартъ); это люди, привыкшіе взвѣшивать показанія чувствъ своихъ съ крайнею осторожностію, ибо малѣйшая допущенная ими ошибка могла бы повести къ большимъ неточностямъ въ ихъ исчисленіяхъ. Когда такіе люди свидѣлствуютъ, что какая-то непонятная сила дѣйствовала на рычагъ необъяснимымъ для нашего знанія образомъ и произвела предъ ихъ глазами результаты совершенно неожиданные,—мы должны быть готовы вѣрить имъ точно также, какъ еслибъ г. Гёггинсъ заявилъ объ открытіи новой планеты, а г. Круксъ — новаго металла; ихъ свидѣтельство совершенно равносильно, какъ въ одномъ случаѣ, такъ и въ другомъ».

Но «Знаніе» предпочло возраженія г. Ируэкера и заявило о своей солидарности съ ними. Оставимъ, поэтому, г. Ируэкера въ сторонѣ и выслушаемъ, что говоритъ «Знаніе».

«Людамъ науки нельзя принять заключеній, основанныхъ только на двухъ опытахъ въ присутствіи лишь четырехъ лицъ, изъ которыхъ не болѣе двухъ можно считать вполне компетентными судьями». На это возраженіе «Знаніе» налагаетъ въ особенности, ибо, заканчивая свою критическую замѣтку, еще разъ заявляетъ, что пока опыты «не будутъ повторены въ присутствіи большаго числа ученыхъ людей», ихъ нельзя «считать убѣдительными».

И такъ «Знаніе» находитъ, что есть рядъ естественныхъ явленій, которыя ученые не могутъ наблюдать *безъ свидѣтелей*. До сихъ поръ заявленія ученыхъ провѣрялись опытами другихъ ученыхъ; нынѣ, при изслѣдованіи

явленій спиритическихъ, отъ ученаго требуется *свидѣтель*. Въ этомъ случаѣ, вѣрить слову ученаго—нельзя; честность и способность его заподозрѣны. Но этого мало; требуется не только свидѣтель, требуется *извѣстное число* свидѣтелей! И такъ, *цифра свидѣтелей*, вотъ что рѣшить вопросъ, вотъ методъ,—методъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства—который «Знаніе» вводитъ въ науку, находитъ «весьма основательнымъ»! Остается спросить на какой цифрѣ свидѣтелей готово «Знаніе» «принять заключенія» г. Крукса, «считать опыты его убѣдительными»? Въ данномъ случаѣ *«лишь четыре свидѣтеля»*, «изъ которыхъ не болѣе двухъ можно считать вполне компетентными судьями». Довольно ли будетъ трехъ, довольно ли будетъ четырехъ, пяти? Отвѣтить надо. Будемъ ждать этого отвѣта.

Далѣе: «Новая психическая сила, проявляясь такимъ необыкновеннымъ образомъ, не оставляетъ почти ни одного физическаго или біологическаго закона, который бы она не стремилась опрокинуть».

И такъ «Знаніе», этотъ органъ науки, держится того понятія, что какая бы то ни была «новая сила» можетъ стремиться *«опрокинуть»* какой бы то ни было біологическій или физическій законъ? До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, наука держалась того взгляда, что всѣ силы природы находятся въ непремѣнномъ между собою согласіи, соотношеніи,—замѣняются, но не «опрокидываются» одна другою; и что если и есть въ природѣ непонятныя явленія, то они только *по видимому* противорѣчатъ тѣмъ законамъ природы, которые мы не достаточно изучили, или свидѣтельствуютъ о неизвѣстной силѣ, которую наукѣ предстоитъ согласовать съ извѣстными.

Странно видѣть какъ ученый журналъ, подобный «Знанію, на столько теряется предъ простымъ констатированіемъ спиритическихъ явленій авторитетомъ именъ, которыхъ обойти ему невозможно, что, для опроверженія представленныхъ фактовъ, покидаетъ свою почву и отступаетъ на чужую—теологическую (на которой нарушение естественнаго закона, какъ извѣстно, допускается)!

Далѣе: «Къ счастью для науки и современнаго научнаго воспитанія, эта сила обнаруживается сравнительно рѣдко и бываетъ особенно непослушна, когда подвергается настоящему ученому скептицизму, какъ было въ С. Петербургѣ».

И такъ *редкость* нѣкоторыхъ явленій въ природѣ, метеорологическихъ, на примѣръ, или фізіологическихъ, какъ-то, сѣвернаго сіянія, лунатизма, и т. д., есть «счастье» для науки. И, надо полагать, обратно, *нерѣдность* другихъ явленій, какъ на примѣръ, рожденія или смерти, дождя и снѣга, есть *несчастье* для нея. Мы никогда не слыхали о такомъ сентиментальномъ воззрѣніи въ наукѣ. Впервые также узнаемъ, что неудачные фізическіе опыты принадлежать «настоящему ученому скептицизму», а удачные — не настоящему; другими словами, что *качество* скептицизма зависитъ отъ *присутствія* или *отсутствія* наблюдаемыхъ явленій. Понятіе о скептицизмѣ совершенно новое и необыкновенное.

Далѣе: «Эти новые опыты г. Юма (читай Крукса) не заслуживали бы конечно никакого серіознаго вниманія, еслибъ здѣсь не участвовали почтенныя имена гг. Гёггинса и Крукса. Но внимательно всматриваясь, мы прежде всего замѣчаемъ въ нихъ полное отсутствіе вниманія относительно мелкихъ, но довольно важныхъ подробно-

стей; потомъ, совершенное отсутствіе попытки убѣдиться— не могли ли быть эти результаты получены безъ участія психической силы, и наконецъ слишкомъ твердое убѣжденіе въ непогрѣшимости г. Юма».

Указаніе «мелкихъ», но «важныхъ» подробностей вслѣдъ за симъ начнется. Что касается до попытки про- извести тѣ же самые результаты «безъ участія психиче- ской силы», то попытка эта должна быть произведена, сколько я понимаю, противной стороною, — редакціей «Знанія», напимѣрь; тѣмъ болѣе, что это будетъ ей такъ легко — посидѣть со своими сотрудниками, ничего не увидать, заявить объ этомъ, и заслужить репутацію испытателей, проникнутыхъ «настоящимъ ученымъ скеп- тицизмомъ». Впрочемъ, кто знаетъ? быть можетъ редак- ція «Знанія» стумѣетъ вызвать электрическія явленія безъ электричества, свѣтовые—безъ свѣта, и т. д.

Далѣе: «Прежде всего мы спросимъ, почему была устроена деревянная клѣтка и зачѣмъ она была помѣще- на именно подъ обѣденнымъ столомъ»? — Отвѣтъ: клѣтка была *деревянная* потому, что не была металлическая, и подъ *обѣденнымъ* столомъ потому, что на немъ именно г. Круксъ обыкновенно обѣдалъ. Если же, по мнѣнію критика, клѣтка металлическая и столъ необѣденный могли воспрепятствовать явленіямъ, или, вообще, быть усло- віями болѣе соотвѣтствующими цѣли опыта, то это надо было пояснить.

Далѣе: «Почему она не была поставлена совершенно открыто среди комнаты, такъ чтобъ каждый, и между прочими, г. Гёггинсъ могъ наблюдать всѣ движенія г. Юма. Прежде помѣщенія въ клѣтку подъ столомъ,

аккордіонъ былъ въ рукахъ у г. Юма, что было совершенно бесполезно и нѣсколько сомнительно».

Не осталась клѣтка по среди комнаты, а задвинута была вплотъ подъ столешницу, для того именно, чтобы, кромѣ одной руки Юма, никакія другія руки или ноги не могли проникнуть въ нее; это кажется ясно? Что аккордіонъ, прежде помѣщенія въ клѣтку подъ столомъ, былъ «въ рукахъ у г. Юма»—это фантазія критика, т. е. «Знанія»; въ подлинникѣ сказано: «Юмъ взялъ аккордіонъ между *большимъ* и *среднимъ* пальцами одной руки за конецъ, противоположный клавиатурѣ»; басовыя ноты открылъ самъ г. Круксъ, и, въ такомъ положеніи, аккордіонъ былъ опущенъ въ клѣтку—именно для того, чтобы Юмъ не могъ имѣть случая или возможности прикоснуться къ клавишамъ.» Кажется ясно?

Далѣе: «Очевидно также, что для игры на аккордіонѣ нужно производить давленіе на клавиши; но г. Круксъ не говоритъ ни одного слова, замѣтно ли было такого рода давленіе, даже изъ его словъ (?) скорѣе можно было заключить, что его не было».

И такъ, «Знаніе» допускаетъ, что звуки аккордіона могли бы раздаваться и безъ давленія на клавиши; раздѣлимъ, въ такомъ случаѣ, эти явленія, и скажемъ: звуки аккордіона раздавались, но клавишей его было не видно, и потому «можно заключить», что онѣ не двигались! Усвоивъ такой способъ сужденія, «Знаніе» въ правѣ сказать, что звуки были, но звуковыхъ волнъ въ воздухѣ никто не видѣлъ, и потому «можно заключить», что воздухъ не приходилъ въ звуковое волненіе. Вотъ какъ выражается «настоящій ученый скептицизмъ».

Далѣе: «Кромѣ того, является физическою невозмож-

ностію, чтобъ аккордіонъ двигался въ клѣткѣ, когда рука г. Юма лежала совершенно спокойно».

И такъ, «Знаніе» знаетъ, что возможно въ природѣ вещей, и что невозможно. Казалось бы, что такое изрѣченіе, для журнала, проповѣдующаго «настоящій ученый скептицизмъ», а не догматизмъ, было бы умственною невозможностію; но, тѣмъ не менѣе, на дѣлѣ, оно оказалось возможнымъ.

Далѣе: «Мы не можемъ не сожалѣть также, что для этихъ опытовъ была избрана, наприм. не концертина, а аккордіонъ, который, вслѣдствіе своего частаго обращенія съ спиритическими медиумами, не можетъ пользоваться хорошей репутаціей».

И такъ, весь родъ аккордіоновъ не можетъ годиться для этихъ опытовъ, потому что Юмъ касался до нѣкоторыхъ экземпляровъ его! И такъ, весь родъ столовъ и стульевъ не можетъ годиться для этихъ опытовъ, вслѣдствія «частаго обращенія» нѣкоторыхъ экземпляровъ его «съ спиритическими медиумами»! А весь *genus homo—idem*?

Далѣе: «Въ тоже время напрасно мы не извѣщены о томъ, можетъ ли г. Юмъ въ тѣ минуты, когда онъ свободенъ отъ психическаго вліянія, играть на аккордіонѣ или нѣтъ, и какія это именно были мелодіи, которыя такъ хорошо исполнялъ аккордіонъ?»

Предположимъ, что г. Юмъ отлично играетъ на аккордіонѣ, и что исполненная мелодія была «*God save the queen*». Что же изъ этого? Сдѣлается ли опытъ понятнѣе? Можетъ ли «Знаніе» намъ объяснить, какъ происходитъ тоже самое, когда Юмъ *не играетъ*? Пишутъ ли перья, когда ими не пишутъ—вѣдь вотъ о чемъ вопросъ.

Далѣ: «Мы ничего не знаемъ также, сколько времени продолжался опытъ и, что еще важнѣе, сколько времени аккордіонъ игралъ и двигался, опровергая (?) такимъ образомъ всѣ законы тяжести и механизма духовыхъ инструментовъ. Безъ сомнѣнія, это весьма важное обстоятельство, также и постоянное колебаніе температуры между 68° и 70° Ф.».

Если «Знаніе» находитъ эти обстоятельства «весьма важными», то ему слѣдовало бы пояснить въ чемъ состоитъ эта важность. Допуская наименьшее, необходимо допустить, что явленія длились секунды, а быть можетъ и минуты, когда напр. игралась мелодія. Что же изъ этого? если только секунды, то имѣетъ ли «Знаніе» объясненіе на готовѣ? Надо полагать, что оцѣнка важности сихъ подробностей основана на предварительномъ знакомствѣ «Знанія» съ этими явленіями, — чего, однакожъ, не замѣтно. Что касается до «постояннаго колебанія температуры», — важность котораго также осталась тайною — то это выдумка критика; въ подлинникѣ сказано: «температура мѣнялась (*varied*, собственно—*была*) отъ 68° до 70° Ф.», что составляетъ менѣе 1° Р. и, при газовомъ освѣщеніи, весьма обыкновенно.

Далѣ: «Относительно опыта съ динамометромъ, можетъ ли г. Круксъ поручиться, что самый (?) столъ насколько не двигался? Изъ описанія устройства аппарата очевидно, что, при малѣйшемъ движеніи стола вверхъ, стрѣлка указателя должна была опускаться, а при движеніи стола вверхъ и внизъ долженъ былъ произойти тотъ результатъ, который г. Круксъ приписываетъ «последовательнымъ волнамъ психической силы».

И такъ, «Знаніе» полагаетъ, что два извѣстные ученые,

физикъ Гёггинсъ и химикъ Круксъ, сошлись для того, чтобъ не видать какъ въ ихъ глазахъ столъ «двигался вверхъ и внизъ», и такое обыкновенное явленіе объяснить новою силою — «психическою», компрометируя, въ добавокъ, имена свои «обращеніемъ съ спиритическимъ медиумомъ»?—Кто же могъ качать этотъ столъ? Очевидно Юмъ. И такъ, всѣ присутствовавшіе, собравшіеся именно для того, чтобъ «строго смотрѣть за его руками и ногами», не видѣли именно того, какъ онъ ими двигалъ столъ, и такъ двигалъ, что когда г. Круксъ взошелъ на столъ и раскачивался на немъ, то не могъ достигъ того же результата!

Далѣе «Знаніе» говоритъ: «Мы не утверждаемъ того, что столъ двигался, но мы въ правѣ выразить это сомнѣніе, такъ какъ г. Круксъ нигдѣ не говоритъ, чтобъ столъ былъ укрѣпленъ неподвижно».

Остановитесь! Не отступайтесь, по крайней мѣрѣ, отъ своихъ собственныхъ словъ! За шесть страницъ до этого возраженія мы читаемъ у васъ, въ описаніи опыта: «Одной ножкой доска помѣщалась на *неподвижномъ* столѣ, а другой конецъ ея поддерживался динамометромъ, повѣшеннымъ на *неподвижномъ* треножникѣ» (стр. 260).

Вотъ тѣ «возраженія», которыя «Знаніе» находитъ «весьма основательными», и съ которыми оно объявило себя солидарнымъ. Я прописалъ ихъ цѣликомъ, считая своею обязанностію, представивъ опыты, представить и ученую критику ихъ. Найдя ее въ «Знаніи», я былъ увѣренъ, что это нѣчто образцовое и, кажется, не ошибся.

2) Выходка профессора Аллена Томсона против спиритуализма.

Въ недавно вышедшей октябрьской книжкѣ «Знанія» помѣщена «Рѣчь президента біологической секціи Британскаго Общества проф. Аллена Томсона». Въ концѣ ея, подѣ рубрикой «Спиритуализмъ», г. Томсонъ высказалъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Какъ слово, исходящее отъ человѣка науки и, ктому же, сказанное публично, я счелъ вполне умѣстнымъ перепечатать его въ этомъ сборникѣ, а также и доказать документально чего оно стоитъ. Переводъ заимствованъ мною дословно изъ «Знанія», при чемъ я позволилъ себѣ вставить въ скобкахъ нѣкоторыя поправки тамъ, гдѣ, на мой взглядъ, этого требовали смыслъ и подлинникъ.

«*Спиритизмъ (Spiritualism)*. Я не могу закончить моихъ замѣтокъ не коснувшись одного предмета, по которому можно заключить, что оцѣнка (значеніе) біологической науки скорѣе понизилась, чѣмъ повысилась. Я намекаю тутъ не на взгляды специалистовъ-біологовъ, но на тотъ фактъ, что въ послѣднее время, кажется, значительно увеличилось число лицъ вѣрующихъ, или воображающихъ, что они вѣрятъ, въ область явленій, называемыхъ теперь спиритическими, но извѣстныхъ еще со времени Месмера и даже еще гораздо давнѣе, подѣ различными видами и встрѣчающихся у людей съ пылкимъ воображеніемъ и особенною нервною воспримчивостью. Еще болѣе надо сожалѣть, что многіе удѣляютъ значительное коли-

чество времени на то, чтобы практиковаться въ спиритизмѣ, знакомство съ явленіями котораго не заслуживаетъ названія изученія или изслѣдованія, а также и о томъ, что немногіе люди признанной репутаціи въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ науки одолжили свои имена и поступились своимъ сужденіемъ для поддержки и для желанной аутентификаціи глупаго бреда практикующихъ спиритизмъ и подобныя (хъ) химерическія (ихъ) гипотезы (ъ). Естественная склонность вѣрить въ чудесное достаточно объясняетъ готовность, съ которою принимаются такія ученія невѣждами, и не невѣроятно, что высшій видъ подобнаго легко-вѣрія часто можетъ встрѣчаться у людей съ большимъ образованіемъ, если только ихъ научныя свѣдѣнія и воспитаніе имѣютъ односторонній характеръ. Далѣе надо допустить, что необыкновенно любопытныя и рѣдкія и, для незнакомыхъ съ нервными явленіями, повидимому, чудесныя явленія наблюдаются при различныхъ состояніяхъ нервной системы, и нѣкоторыя изъ нихъ могутъ подлежать власти ума, сдѣлаться болѣе и болѣе склонными къ возврату и усилиться частымъ повтореніемъ. Но, вполне допуская эти условія, все таки удивительно, что лица, повидимому, здоровыя, поддерживаютъ (заявляютъ) твердую вѣру въ возможность явленій, которыя, расходясь съ наиболѣе прочно установленными физическими законами, никогда (?) не были доказаны свидѣтельствомъ чувствъ и противны внушеніямъ здраваго смысла. Для истинной біологической науки должно счесть утѣшительнымъ явленіемъ, что изъ длиннаго ряда вполне образованныхъ анатомовъ и фізіологовъ нельзя назвать ни одного, который бы не третировалъ вѣру въ самостоятельное существованіе силъ животнаго магнетизма и спиритизма, какъ не-

лѣпость, лишенную всякаго основанія въ точныхъ фактахъ. У исповѣдующихъ систему, про которую я говорю, было обыкновеніе увѣрять, что люди науки пренебрегаютъ или избѣгаютъ изслѣдовать (эти) явленія внимательно и чистосердечно; но ничего не можетъ быть несправедливѣе этого обвиненія. Не говоря уже объ отчетахъ прежнихъ французскихъ академиковъ, заключающихъ отрицательные результаты изслѣдованій месмерическихъ явленій людьми во всѣхъ отношеніяхъ компетентными, я знаю, что по временамъ замѣчательные люди, тоже вполне компетентные по своимъ біологическимъ свѣдѣніямъ, искусству и точности въ научныхъ изслѣдованіяхъ, дѣлали самыя терпѣливыя и тщательныя разборы свидѣтельствъ (доказательствъ), представляемыхъ специалистами (исповѣдниками) и практикантами такъ пазываемыхъ магнетическихъ, френо-магнетическихъ, электро-біологическихъ и спиритическихъ явленій, и результаты были всегда (?) одни и тѣ же во всѣхъ случаяхъ, когда было позволяемо обезпечить условія, при которыхъ можно было бы убѣдиться въ дѣйствительности явленія или вѣрности его толкованія, а именно опыты или положительно не удавались или же экспериментатора уличали въ безсовѣстнѣйшемъ и несомнѣннѣйшемъ обманѣ. Я самъ убѣдился въ этомъ повторенными наблюденіями. Но если бы потребовалась какая нибудь гарантія въ тщательности, здравости и справедливости сужденія людей науки объ этихъ явленіяхъ, то мнѣ бы стоило только упомянуть, во первыхъ, уважаемое имя Фарэдэ и, затѣмъ, имя моего стариннаго друга Шэрпи (Sharpey), котораго способность и чистосердечіе безспорны, и который, къ моему удовольствію, находится тутъ, между нами, готовый, по прошедшей опытности въ

этихъ вещахъ, свидѣтельствовать противъ ¹⁾ всѣхъ родовъ дѣйствій, примѣняющихъ законовъ (sic) притяженія или другаго какого либо новѣйшаго чуда для месмерическихъ и спиритическихъ псевдо-физиологовъ (противъ всякаго рода поднятій предметовъ на воздухъ или тому подобныхъ явленій, которыя принадлежать, быть можетъ, къ наименьшимъ чудесамъ нашихъ современныхъ месмерическихъ или спиритическихъ псевдо-физиологовъ). Явленія, о которыхъ я говорилъ, въ большей части зависятъ отъ естественныхъ принциповъ человѣческой души (mind), поставленныхъ, повидимому, въ основную связь съ извѣстными склонностями нервной системы. Они должны быть разрабатываемы съ величайшею осторожностью и могутъ быть вполнѣ поняты только искуснымъ физиологомъ, близко знакомымъ также съ психологіею здороваго и больного чело-вѣка. Опытъ послѣдняго столѣтія стремится доказать, что всегда найдутся лица, особенно склонныя къ выказыванію упомянутыхъ явленій, и также извѣстное количество умовъ, склонныхъ предпочесть вѣру въ чудесное и поразительное легко понимаемому и доступному чувствамъ; но можно ожидать съ полной надеждой, что распространеніе болѣе ольныхъ и точныхъ знаній жизненныхъ явленій между ненаучными классами общества, поведетъ къ болѣе справедливой оцѣнкѣ спиритическихъ явленій и къ уменьшенію числа вѣрующихъ въ научныя невозможности (?)».

Подобная выходка профессора Томсона не осталась безъ протеста съ стороны англійскихъ спиритуалистовъ. Вотъ образчикъ происшедшей между нимъ и ими пере-

¹⁾ Остальная часть фразы—чистая безсмыслица, происшедшая, вѣроятно, отъ непонятія въ подлинникѣ слова «levitation». *Прим. издат.*

писки, которую я заимствую изъ газеты «the Spiritua-
list», отъ 15 сентября.

Предсѣдатель Дальстонскаго Общества изслѣдователей спиритуализма обратился къ г. профессору съ слѣдующимъ письмомъ:

«74, Navarino-road, Dalston, London, E.

«4 Сентября, 1871 г.

«М. Г. На митингъ сего общества, происходившемъ 31 августа, было, между прочимъ, постановлено: «Вслѣдствіе замѣчаній, высказанныхъ, по поводу спиритическихъ явленій, профессоромъ Алленомъ Томсономъ, въ его рѣчи при открытіи засѣданія біологическаго отдѣленія Британскаго Общества, въ Эдинбургѣ,—предсѣдатель Дальстонскаго Общества спиритуалистовъ имѣетъ обратиться письменно въ г. Томсону съ покорнѣйшею просьбою сообщить Обществу имена и адреса тѣхъ *«замѣчательныхъ людей»* (кромѣ Фаредея и д-ра Шарпи), которые занялись изслѣдованіемъ спиритуализма, а также имена и адреса тѣхъ *«экспериментаторовъ»*, которые помянутыми выше *«замѣчательными людьми»* и *«повторенными наблюденіями»* самого профессора Томсона были *«уличены въ безсовѣстнѣйшемъ и несомнѣннѣйшемъ обманѣ»*. Если, въ продолженіи недѣли, никакого отвѣта на это письмо отъ г. профессора не послѣдуетъ, то копія съ него имѣетъ быть отправлена къ издателю «Спиритуалиста» для напечатанія».

«Сообщая вамъ это постановленіе нашего Общества, я надѣюсь, что могу вполне рассчитывать на обстоятельный отвѣтъ. Въ послѣднее время спиритуализмъ на столько обратилъ на себя вниманіе всѣхъ классовъ общества, что, мнѣ кажется, излишнимъ будетъ указывать на сколько

важно, чтобы изслѣдованія людей науки надъ спиритическими явленіями сдѣлались публикѣ извѣстными, и чтобы всякій обманъ, открытый ими въ этомъ дѣлѣ, былъ, ради пользы общей, вполне оглашенъ.

«Расчитывая на честь полученія отвѣта вашего, покорнѣйше прошу принять увѣреніе и пр.

Томсонъ Уильксъ,

Предсѣдатель Дальстонскаго Общества
«изслѣдователей спиритуализма».

Вотъ отвѣтъ профессора Томсона:

11 Сентября, 1871 г.

«М. Г. Я сожалью, что вслѣдствіе пребыванія моего въ Инвернесширѣ, передача мнѣ изъ Глазго письма вашего значительно замѣшкалась.

«Изъ разныхъ писемъ подобныхъ вашему отъ имени «Дальстонскаго Общества изслѣдователей спиритуализма», я вижу, что замѣтки мои объ изслѣдованіи месмерическихъ, магнетическихъ и другихъ подобныхъ явленій, были поняты неправильно и отнесены исключительно къ явленіямъ спиритуализма; и, быть можетъ, способъ выраженій моихъ допускалъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, такое толкованіе. Поэтому, я считаю теперь долгомъ своимъ заявить, что намѣреніе мое было только поставить явленія спиритуализма въ одинъ разрядъ съ явленіями месмеризма, животнаго магнетизма, френо-месмеризма, электро-біологіи, столоверченія, и тому подобныхъ, — большая часть которыхъ, если не всѣ, были, какъ я полагалъ, достаточно изслѣдованы способными фізіологами, и которымъ, одно время, я удѣлилъ не малую долю своего собственнаго вниманія. Я сожалью также, судя по

тону нѣкоторыхъ полученныхъ мною писемъ, что замѣчанія мои показались, для нѣкоторыхъ, обидными. Пропустивъ вѣрить, что этого въ особенности я желалъ бы избѣгнуть. Желая, чтобы въ словахъ моихъ о подобномъ предметѣ нисколько не было неправды или неуваженія къ другимъ, я почелъ за должное, при недавнемъ просмотрѣ рѣчи моей для напечатанія въ журналѣ Британскаго Общества (Transactions of the British Association), сдѣлать въ послѣдней части (въ рубрикѣ о спиритуализмѣ) такія поправки, которыя передали бы мою мысль яснѣе и правильнѣе, и удалили, какъ я надѣюсь, всякій поводъ для личныхъ обидъ, что, очевидно, никогда не должно входить въ обсужденіе любаго научнаго, или мнимо-научнаго предмета.

«Примите и пр.

«Алленъ Томсонъ».

Другое письмо было отправлено къ профессору Томсону отъ предсѣдателя Кильбёрнскаго Общества спиритуалистовъ:

«6, Cambridge-road, Kilburn, N W.

«8 Сентября, 1871 г.

«М. Г. Въ опубликованной рѣчи вашей, сказанной въ Единбургѣ предъ біологическимъ отдѣленіемъ Британскаго Общества, находятся слѣдующія слова:

«Я знаю, что, по временамъ, замѣчательные люди, «вполнѣ компетентные по своимъ біологическимъ свѣдѣніямъ, искусству и точности въ научныхъ изслѣдованіяхъ, «запились самымъ терпѣливымъ и тщательнымъ разборомъ «доказательствъ, представляемыхъ исповѣдниками и практикантами такъ называемыхъ магнетическихъ, френо-магне-

«тическихъ, электро-біологическимъ и спиритическихъ явлений, и результаты были всегда одни и тѣ же во всѣхъ случаяхъ, когда было позволяемо обезпечить условія, при которыхъ можно было бы убѣдиться въ дѣйствительности явленія или вѣрности его толкованія, — а именно, опыты или положительно не удавались, или экспериментаторовъ уличали въ *безсовѣстнѣйшемъ и несомнѣннѣйшемъ обманѣ*. Я самъ убѣдился въ этомъ повторенными наблюденіями».

«Въ качествѣ предсѣдателя Кильбёрнскаго Общества спиритуалистовъ, позвольте мнѣ почтительнѣйше спросить васъ: относятся-ли почерпнутыя мною слова къ тѣмъ, которыхъ спиритуалисты называютъ медиумами? Или, въ вашемъ исчисленіи тайныхъ силъ природы вы употребили слово «спиритическій» необходимо?»

«Если же, напротивъ, вы употребили это слово обдуманно и ясно понимаете его значеніе, то, я надѣюсь, вы не откажетесь доставить мнѣ *имена и адреса* тѣхъ «экспериментаторовъ», которые были «уличены въ *безсовѣстнѣйшемъ и несомнѣннѣйшемъ обманѣ*».

«Необходимость удовлетворить этой просьбѣ (если только слова ваши относятся до спиритическихъ медиумовъ) явствуетъ изъ того, что, промолчавъ, вы становитесь сообщникомъ тѣхъ, о которыхъ вы такъ худо отозвались.

«Примите и пр.

«Ч. У. Пирсъ.

«Предсѣдатель Кильбёрнскаго Общества спиритуалистовъ».

Вотъ отвѣтъ профессора Томсона:

«М. Г. Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 8 сентября, которое, вслѣдствіе отлучки моей изъ Глазго, я получилъ только теперь, позвольте мнѣ сказать вамъ, что въ рѣчи,

сказанной мною предъ секціей D. Британскаго Общества, включивъ спиритическія явленія въ одну категорію съ явленіями месмерическими, магнетическими и тому подобными, я не имѣлъ намѣренія обвинять въ обманѣ спиритуалистовъ въ особеннности; я желалъ только указать, что, по моему понятію, всѣ эти явленія принадлежатъ къ одному общему разряду, и что ихъ различныя видоизмѣненія допускаютъ, какъ я понималъ, объясненія, основанныя на извѣстныхъ фізіологическихъ началахъ, и были достаточно изслѣдованы компетентными людьми и мною самимъ.

«Такъ какъ я не желаю никого обижать, а напротивъ, только справедливо и почтительно поступать относительно каждаго, кто зачатъ научными или мнимо-научными изслѣдованіями, то я почелъ за должное, при просмотрѣ корректуры рѣчи моей, печатающейся въ журналѣ Британскаго Общества, сдѣлать нѣкоторые поправки, которыя, надѣюсь, передадутъ мысль мою правильнѣе, и я съ удовольствіемъ доставлю вамъ экземпляръ этой рѣчи, какъ только она выйдетъ изъ печати.

«Честь имѣю быть, и пр.

«Алленъ Томсонъ».

Изъ этихъ отвѣтовъ профессора Томсона оказывается, что на заданные ему вопросы онъ не отвѣтилъ; что когда потребовались *имена и адреса* тѣхъ обманщиковъ, которыхъ онъ вмѣстѣ съ другими изобличалъ, то дать ихъ онъ не смогъ; что прежде онъ говорилъ «я знаю», а теперь поправляется и говоритъ: «какъ я полагалъ», «какъ я понимаю». Короче сказать, его громоносная выходка противъ спиритуализма оказалась—*голословною*, или, выражаясь языкомъ судейскимъ—«похвальною».

Г. Варлей также не остался равнодушенъ къ этой

выходѣ и написалъ г. Томсону довольно рѣзкое письмо, оставшееся для публики неизвѣстнымъ, и на отвѣтъ его, также неизвѣстный, онъ написалъ ему другое, которое въ «Спиритуалистѣ» опубликовано и, полагаю, будетъ прочитано не безъ любопытства.

«2, Great-Winchester-str. Buildings.

«Лондонъ, 19 августа, 1871 г.

«М. Г. По случаю отсутствія моего изъ города, я не могъ отвѣтить ранѣе на письмо ваше отъ 11 числа. Я не желалъ обидѣть васъ письмомъ своимъ, и до сихъ поръ не думаю, чтобъ я напалъ на васъ такъ жестоко, какъ вы—на насъ, въ эдинбургской рѣчи вашей.

«Число научныхъ людей, занятыхъ изслѣдованіемъ явленій, называемыхъ нѣкоторыми «психическими», а другими «спиритическими», такъ не велико, что хотя вы и не называете никого, но публика не могла остаться въ недоумѣніи о комъ вы говорите.

«Странная вещь! Когда г. Круксъ написалъ статью о талліѣ, новомъ металлѣ, имъ открытомъ, ему сразу повѣрили такіе люди, какъ вы сами. Когда, въ прошломъ году я представилъ Королевскому Обществу статью свою объ опытахъ, имѣющихъ цѣлью объяснить одно необыкновенное явленіе—шаровидную молнію, въ словахъ моихъ никто не усумнился ни минуты. Но когда г. Круксъ или я выступаемъ впередъ и заявляемъ, что мы видѣли самымъ несомнѣннымъ образомъ явленія, которыя не удивительнѣе описанныхъ (но именуются «психическими»), тогда ученый міръ теряетъ, по видимому, голову—обзываетъ насъ лгунами, шарлатанами или сумасшедшими, словомъ, поступаетъ съ нами въ томъ же духѣ, какъ римское духовенство съ Галилеемъ.

«Я желалъ бы, чтобъ вы и всѣ другіе поняли, что, съ нашей стороны, это вовсе не вопросъ *вѣры* въ чудесное, это—*дѣйствительное знаніе* существованія сихъ явленій.

«Я многократно изслѣдовалъ эти явленія при условіяхъ, при которыхъ фокусничеству не было мѣста, и даже умопомѣшательство было бы недостаточно для объясненія случившагося. Когда шесть мыслящихъ, совершенно здоровыхъ людей видятъ ту же самую вещь разъ, другой и третій, то имъ невозможно ошибиться; и по какимъ причинамъ вы бездоказательно опровергаете то, что мы видѣли, когда всѣмъ намъ вѣрятъ въ другихъ отношеніяхъ—не понимаю. Мнѣ кажется, поэтому, что тотъ, кто поступаетъ въ этомъ случаѣ нераціонально, это ни г. Гёггинсъ, ни г. Круксъ, ни я.

«Я полагаю, что вслѣдствіе вашего положенія въ Шотландіи, вы сочли бы себя обиженнымъ, еслибы я усумнился въ вѣрѣ вашей въ «иммакулатное зачатіе». Я никогда не оскорблю васъ или другихъ нападками на подобные догматы, хотя *вѣрять имъ*, казалось бы, всего менѣе согласно съ требованіями разсудка.

«Почему, слѣдовательно, вы, которые ничего не сдѣлали, чтобъ лично убѣдиться, ошибаемся мы или нѣтъ, стараетесь осмѣять насъ—не могу понять; это, по меньшей мѣрѣ, непослѣдовательно; вы легко поймете, поэтому, до чего я былъ раздраженъ, увидавши какъ вы злоупотребили (т. е. по моему понятію) своей предсѣдательской властью, чтобы отвлечь другихъ отъ изслѣдованія силъ, о существованіи которыхъ мы заявляемъ самымъ положительнымъ образомъ—заявляемъ, послѣ принятія всевозможныхъ мѣръ предосторожности для избѣжанія ошибки съ нашей стороны.

«Въ заключеніе я желаю присовокупить, что я такъ же увѣренъ въ существованіи той психической силы и тѣхъ явленій, какія были описаны гг. Круксомъ и Гёггинсомъ, какъ и въ томъ, что депеши могутъ быть посылаемы и посылаются, съ одного края атлантическаго океана на другой, посредствомъ телеграфныхъ кабелей. Я имѣю, какъ относительно одного, такъ и относительно другаго, равно убѣдительныя доказательства.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

«К. Ф. Варлей.»

Въ этомъ письмѣ всего важнѣе для настоящаго случая, что г. Варлей говоритъ г. Томсону въ лице: *«Вы ничего не сдѣлали, чтобъ лично убѣдиться, ошибаемся мы или нѣтъ»*. Надо полагать, что г. Варлей имѣлъ достаточныя основанія, чтобъ выразиться такимъ образомъ. Въ противномъ случаѣ, г. Томсонъ не прошелъ бы это обстоятельство—молчаніемъ.

Возбужденіе, или, вѣрнѣе, ожесточеніе и негодованіе, произведенныя въ нѣкоторой средѣ англійскаго ученаго міра опытами г. Крукса, неимоვნно. Отголоски доходятъ и до насъ, какъ читатель могъ видѣть это изъ рѣчи профессора Аллена Томсона. Въ виду отчаянныхъ усилій, съ которыми ученые стараются отдѣлаться отъ навязывающихся имъ извнѣ все съ большею и большею настойчивостію спиритическихъ явленій, — хватаясь то за *argumentum ad hominem*, то за *argumentum ad sensus*; — въ виду голословныхъ изобличеній или даже извращеній, къ которымъ они прибѣгаютъ, чтобы подавить этотъ вопросъ; — въ виду погрѣшностей сужденія, въ которыя они впадаютъ, когда рѣчь заходитъ о сихъ явленіяхъ, находясь,

повидимому, относительно другихъ предметовъ, въ предѣлахъ здоровой, научной критики;—въ виду, наконецъ, утраты ими должнаго спокойствія духа при обсужденіи явленій, которыя, съ одной стороны, они отрицаютъ, а съ другой, признаютъ общественнымъ недугомъ,—можно въ самомъ дѣлѣ подумать, что ихъ заставляютъ вѣрить... въ безсмертіе души!

3). Отчетъ комитета Діалектическаго Общества о спиритуализмѣ.

Пока сборникъ этотъ печатался «Отчетъ Комитета Діалектическаго Общества» (Report of the committee of the Dialectical Society on Spiritualism, 1871, London, Longmans), о которомъ въ немъ не разъ упоминалось, успѣлъ выйти изъ печати. Это книга въ 400 страницъ. До моихъ рукъ она еще не дошла; но изъ октябрьскаго нумера «Spiritualist»'а, я могу сообщить нѣсколько существенныхъ свѣдѣній о значеніи и содержаніи этого труда.

Діалектическое Общество было основано въ 1867 г., въ Лондонѣ, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго англійскаго ученаго, члена Королевскаго Общества и Парламента, Сэра Джона Лёббока (J. Lubbock), «для философскаго обсужденія всякихъ вопросовъ, въ особенности тѣхъ, которые лежатъ въ корню несогласій, разъединяющихъ человѣчество», и, не въ примѣръ другимъ обществамъ, рѣшилось не исключать изъ разсужденій своихъ предметы политическіе, религіозные или другіе, затро-

читающіе общепринятія понятія. Въ программѣ основателей Общества мы, между прочимъ, читаемъ:

«Лондонское Діалектическое Общество принесетъ много пользы, если ему удастся содѣйствовать тому убѣжденію, что высказывать мнѣнія о спорномъ вопросѣ, отказываясь въ то же время отъ изслѣдованія доказательствъ, есть поступокъ совершенно недостойный разумаго существа, и что единственный методъ для раскрытія истины—это подвергать свои понятія испытанію нещадной критики противоположныхъ воззрѣній. Свобода рѣчи и мысли, не менѣе свободы личной, есть естественное, прирожденное право всякаго человѣка. Боязнь высказывать мнѣнія, потому только, что они не популярны, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой степени нравственной трусости, порожденной продолжительнымъ преслѣдованіемъ. Безстрашно высказывать истину, или то, что мы считаемъ за истину, хотя бы она признавалась и не многими, есть обязанность всякаго, кто свободное выраженіе своихъ сужденій считаетъ своимъ правомъ, а расширеніе человѣческаго знанія—своимъ долгомъ. Но общество еще не дошло до той степени развитія, чтобъ дозволить своимъ членамъ честно и свободно выражать свои убѣжденія, не подвергая ихъ за это болѣе или менѣе тяжелой отвѣтственности. Вслѣдствіе этого происходитъ, что люди воздерживаются отъ высказыванія мнѣній своихъ, которыя, если они ошибочны, могли бы быть исправлены, а если истинны, то—приняты. Въ лондонскомъ же Діалектическомъ Обществѣ никто не услышитъ не только упрека за высказанное имъ какое бы то ни было мнѣніе, но, напротивъ, встрѣтитъ въ сотоварищахъ своихъ поддержку для дальнѣйшаго изложенія своихъ воззрѣній... Будемъ твердо

помнить тотъ фактъ, что въ продолженіи всей исторіи міра, голосъ авторитета постоянно противился всякой новой истинѣ; съ искреннимъ желаніемъ учить и, въ тоже время, учиться, будемъ старательно слѣдовать примѣру древнихъ діалектиковъ, — не соблазняясь похвалами однихъ, не смущаясь нападками другихъ, но сознавая честность и чистоту нашихъ намѣреній, направленныхъ къ преуспѣянію человѣка въ мудрости и счастіи».

На такихъ то основаніяхъ Діалектическое Общество, честно занимаясь изслѣдованіемъ различныхъ непопулярныхъ предметовъ, рѣшилось, по предложенію одного изъ членовъ своихъ, доктора медицины Эдмундса, подвергнуть своему изслѣдованію и спиритуализмъ. Для этой цѣли общество, въ 1869 году, назначило особый комитетъ изъ тридцати шести членовъ, большинство которыхъ было крайне предубѣждено противъ спиритуализма и, приступая къ дѣлу, надѣялось окончательно изобличить этотъ великій обманъ. Газеты и журналы торжествовали въ ожиданіи скорого разоблаченія этой чудовищной лжи. Черезъ два года, комитетъ, распавшійся на шесть отдѣленій для изслѣдованія сего вопроса путемъ личнаго опыта, представилъ совѣту общества отчетъ свой, въ которомъ *подтвердилъ дѣйствительность всѣхъ тѣхъ явленій, которыя лежатъ въ основѣ спиритуализма.* Совѣтъ растерялся; онъ не ожидалъ такого исхода. 20 іюля, 1871 г., рассмотрѣвъ отчетъ и позабывъ свою прекрасную программу, онъ постановилъ:

«Поблагодарить Комитетъ за труды его; что же касается до желанія его, чтобъ представленный имъ отчетъ былъ напечатанъ отъ имени Общества, то оно не можетъ быть уважено».

Это постановленіе, съ одной стороны, служитъ наилуч-

шимъ доказательствомъ, что Діалектическое Общество не ожидало, чтобъ комитетъ его могъ придти къ такому результату, а съ другой—свидѣтельствуеъ о вполнѣ безпристрастномъ и честномъ отношеніи сего послѣдняго къ своему предмету.

Вслѣдствіе такого постановленія, комитетъ единогласно рѣшилъ напечатать отчетъ отъ своего собственнаго имени въ томъ видѣ, въ которомъ онъ нынѣ и предлагается публикѣ. Вотъ

Оффиціальный отчетъ комитета.

«Совѣту лондонскаго Діалектическаго Общества.

«Мм. Гг. Комитетъ, назначенный вами для изслѣдованія явленій, называемыхъ «духовными» (spiritual manifestations), честь имѣетъ донести:

«I. Комитетъ имѣлъ пятнадцать засѣданій, на которыхъ выслушалъ показанія тридцати трехъ лицъ о явленіяхъ, совершившихся, по словамъ ихъ, въ ихъ личномъ присутствіи.

«Комитетъ получилъ письменныя показанія, относящіяся до сихъ явленій, отъ тридцати одного лица.

«Комитетъ обратился къ людямъ науки, публично высказавшимся въ пользу или противъ подлинности сихъ явленій, съ просьбою о содѣйствіи ему личнымъ присутствіемъ или указаніями.

«Комитетъ въ особенности приглашалъ присутствовать тѣхъ лицъ, которыя гласно заявили, что приписывали эти явленія обману или самообольщенію.

«Комитету легко удалось получить показанія отъ людей, вѣрящихъ въ эти явленія и ихъ необыкновенное происхожденіе, но получить показанія отъ такихъ лицъ, кото-

рыя приписывали ихъ обману или самообольщенію—ему почти вовсе не удалось.

«Такъ какъ комитету представлялось наиболѣе важнымъ, чтобъ онъ изслѣдовалъ эти явленія личнымъ опытомъ и наблюденіемъ, то онъ распался на отдѣленія, что казалось ему лучшимъ средствомъ для достиженія цѣли.

«Шесть отдѣленій было составлено. Всѣ они доставили отчеты свои, изъ которыхъ явствуетъ, что значительное большинство членовъ комитета сдѣлались дѣйствительными свидѣтелями различныхъ видовъ сихъ явленій, безъ помощи или присутствія всякаго медиума по профессіи, хотя большая часть членовъ приступила къ изслѣдованіямъ съ явнымъ скептицизмомъ.

«II. Эти отчеты, при семъ прилагаемые, подтверждаются одинъ другимъ, и, какъ видно, сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

«1) Что звуки весьма разнообразнаго характера, исходящіе, по видимому, изъ мебели, полу и стѣнъ комнаты, — при чемъ vibraціи, сопровождающія эти звуки, часто явственнo ошутимы для осязанія — имѣютъ мѣсто, безъ всякаго мышечнаго дѣйствія или механическаго приспособленія.

«2) Что движенія тяжелыхъ тѣлъ имѣютъ мѣсто безъ всякаго механическаго приспособленія или соразмѣрной траты мышечной силы присутствующихъ, а часто и безъ всякаго къ нимъ прикосновенія кого бы то ни было.

«3) Что эти движенія и звуки часто происходятъ въ такое время и такимъ образомъ, какъ этого желаютъ присутствующіе, и, посредствомъ простыхъ условныхъ знаковъ, даютъ отвѣты и складываютъ осмысленныя сообщенія.

«4) Что отвѣты или сообщенія, такимъ образомъ по-

лучаемыя, бываютъ, большею частію, обыкновеннаго содержанія; но иногда правильно сообщаются факты, извѣстные только одному изъ присутствующихъ лицъ.

«5) Что условія, при которыхъ явленія эти имѣютъ мѣсто, различны. Присутствіе нѣкоторыхъ лицъ представляется необходимымъ и главнымъ условіемъ для происхожденія сихъ явленій, а присутствіе другихъ лицъ — неблагоприятнымъ для нихъ. Эта разность дѣйствія не находится, однакожъ, по видимому, въ связи съ вѣрой или невѣріемъ въ эти явленія.

«6) Что, тѣмъ не менѣе, происхожденіе явленій не всегда обезпечивается присутствіемъ или отсутствіемъ тѣхъ или другихъ лицъ.

«III. Устные и письменныя показанія, полученныя комитетомъ, не только свидѣлствуютъ о происхожденіи явленій, одинаковыхъ съ тѣми, которыя были констатированы отдѣленіями комитета, но также и другихъ, болѣе разнообразнаго и необыкновеннаго характера.

«Эти показанія могутъ быть вкратцѣ сведены къ слѣдующему:

«1) Тридцать свидѣтелей показали, что они видѣли, какъ тяжелыя тѣла, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ люди — тихо подымались на воздухъ и оставались тамъ нѣкоторое время безъ всякой видимой или осязаемой поддержки.

«2) Четырнадцать свидѣтелей показали, что они видѣли руки или лица, не принадлежавшія никому изъ присутствовавшихъ, но, на видъ, полныя жизни и движенія. Свидѣтели иногда касались до этихъ рукъ и даже схватывали ихъ, почему и увѣрены, что тутъ не было обмана или самообольщенія.

«3) Пять свидѣтелей показали, что какія то невиди-

мые дѣтели (*agency*) прикасались къ различнымъ частямъ ихъ тѣла, и часто—въ указанномъ мѣстѣ, когда руки всѣхъ присутствующихъ были видимы.

«4) Тридцать свидѣтелей показали, что они слышали какъ музыкальныя піесы были хорошо сыграны на музыкальныхъ инструментахъ, до коихъ по видимому никто не касался.

«5) Пять свидѣтелей показали, что они видѣли, какъ раскаленные угли возлагались на руки или головы различныхъ особъ, не причиняя ни боли, ни ожога; и три свидѣтеля показали, что они сами подвергались тому же, и безъ всякаго вреда.

«6) Восемь свидѣтелей показали, что они, посредствомъ стуковъ, письма, или инымъ способомъ, получили подробныя свѣденія, вѣрность которыхъ была въ то время неизвѣстна ни имъ самимъ, ни кому либо изъ присутствующихъ, и которыя, по наведеніи справокъ, оказались вѣрными.

«7) Одинъ свидѣтель показалъ, что онъ получилъ самое подробное сообщеніе, которое, однакожь, оказалось совершенно ошибочнымъ.

«8) Три свидѣтеля показали, что въ ихъ присутствіи были произведены, карандашемъ и красками, рисунки, въ столь короткое время и при такихъ условіяхъ, гдѣ чело-вѣческой дѣятельности не было мѣста.

«9) Шесть свидѣтелей показали, что они получали извѣстія о будущихъ событіяхъ, и что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, часъ и минута были въ точности предсказаны за нѣсколько дней и недѣль до событія.

«Нѣкоторые изъ свидѣтелей изложили свои взгляды на источникъ сихъ явленій.

«Нѣкоторые приписываютъ ихъ дѣятельности отрѣшившихся отъ тѣла человѣческихъ существъ, нѣкоторые демонскому наважденію, другіе психологическимъ причинамъ, а иные обману или самообольщенію.

«Комитетъ обратилъ также вниманіе и на литературу этого предмета, и при семъ прилагается списокъ сочиненій для пособія тѣмъ, которые могли бы пожелать заняться этимъ вопросомъ далѣе.

«На основаніи всего вышеизложеннаго и, принимая во вниманіе:

«Высокій характеръ и высокій умъ многихъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями фактовъ самыхъ необыкновенныхъ;

«Степень подтвержденія сихъ свидѣтельствъ отчетами всѣхъ отдѣленій комитета;

«Отсутствіе всякаго доказательства обмана или самообольщенія, относительно большей части явленій;

«Исключительный характеръ самихъ явленій;

«Великое множество людей всѣхъ классовъ общества и во всемъ образованномъ мірѣ, которое, болѣе или менѣе, вѣритъ въ сверхъестественное происхожденіе сихъ явленій.

«И что, до сихъ поръ, никакого научнаго объясненія для нихъ не имѣется—

«Комитетъ, представляя сей отчетъ, считаетъ долгомъ высказать убѣжденіе, что предметъ этотъ достоинъ болѣе серьезнаго вниманія и болѣе тщательнаго изслѣдованія, чѣмъ тѣ, которымъ онъ доселѣ подвергался.

«Комитетъ покорнѣйше проситъ, чтобъ отчетъ этотъ и отчеты отдѣленій, вмѣстѣ съ прилагаемыми показаніями и перепиской, были напечатаны и изданы».

Чтобъ читатель могъ составить себѣ понятіе о практическихъ пріемахъ, къ которымъ прибѣгали отдѣленія для

производства своихъ изслѣдованій, прилагаю для примѣра, вслѣдъ за симъ,

Отчетъ одного изъ отдѣленій комитета.

«Со дня назначенія своего, 16 февраля, 1869 г., отдѣленіе имѣло *сорокъ засѣданій* для производства изслѣдованій и опытовъ.

«Всѣ засѣданія эти имѣли мѣсто на частныхъ квартирахъ членовъ комитета, съ тою именно цѣлію, чтобъ устранить возможность предварительно устроенныхъ механизмовъ или приспособленій.

«Мебель была каждый разъ та, которая обыкновенно находилась въ комнатѣ.

«Столѣ были во всѣхъ случаяхъ тяжелые, обѣденные, требующіе большаго усилія, чтобъ двигать ихъ. Самый малый изъ нихъ имѣлъ 5 ф. 9 д. длины и 4 ф. ширины, самый большой имѣлъ 9 ф. 3 д. длины и 4 1/2 ф. ширины, и соотвѣтствующій вѣсъ.

«Комнаты, столы и прочая мебель были неоднократно подвергаемы тщательному осмотру до—во время—и послѣ опытовъ, для удостовѣренія, что тутъ не скрывалось механизма, снарядовъ или иныхъ приспособленій, посредствомъ которыхъ звуки или движенія могли бы быть произведены.

«Опыты производились при свѣтѣ газа, горѣвшаго надъ столомъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, особо въ протоколахъ означенныхъ.

«Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, члены отдѣленія, во время опыта, сидѣли подъ столомъ.

«Отдѣленіе старательно избѣгало обращаться къ медиумамъ по профессіи или наемнымъ. Всѣ медиумы были изъ

числа членовъ отдѣленія, — лица, занимающія извѣстное общественное положеніе, безупречной честности, не преслѣдовавшія никакой корыстной цѣли, ничего не имѣвшія выиграть обманомъ, но рисковавшія, попавшись въ немъ, все потерять.

«Отдѣленіе имѣло нѣсколько засѣданій безъ присутствія медиума, съ тою именно цѣлію, чтобъ испытать, удастся ли имъ произвести, какими бы то ни было усиліями воли, явленія, сходныя съ тѣми, которыя наблюдаются въ присутствіи медиума (при этомъ слѣдуетъ понимать, что во всемъ этомъ отчетъ слово «медиумъ» употребляется просто для обозначенія лица, безъ присутствія котораго описанныя явленія или вовсе не имѣютъ мѣста, или бываютъ рѣже, и съ гораздо меньшею силою). Отдѣленію не удалось, однакожъ, никакими стараніями произвести хотя что либо подходящее къ тому, что оно видѣло и слышало при обычномъ способѣ изслѣдованія.

«Всякое средство, какое, совокупными усиліями всего отдѣленія, могло быть придумано, было испытано съ терпѣніемъ и настойчивостію. Опыты были произведены при большемъ разнообразіи условій, и отдѣленіе прибѣгало къ различнымъ замысловатымъ способамъ для повѣрки своихъ наблюденій и исключенія возможности обмана или самообольщенія.

«Отдѣленіе ограничилось, въ отчетѣ своемъ *фактами*, засвидѣтельствованными всѣми членами его въ совокупности, — фактами, *осязательными для чувствъ*, и реальность которыхъ могла быть доказана до очевидности.

«Изъ числа членовъ отдѣленія, около четырехъ-пятихъ приступили къ изслѣдованію, для котораго они были назначены, съ полнымъ скептицизмомъ относительно

реальности предполагаемыхъ явленій, и съ твердымъ убѣжденіемъ, что они происходятъ или отъ обмана, или отъ самообольщенія, или отъ невольнаго мышечнаго дѣйствія. Только вслѣдствіе неотразимой очевидности, при условіяхъ, исключавшихъ всякую возможность принятія какого либо изъ сихъ способовъ толкованія, и послѣ испытаній и повѣрокъ много разъ повторенныхъ—самые скептическіе изъ членовъ отдѣленія были постепенно и противъ воли своей убѣждены, что явленія, имѣвшія мѣсто во время ихъ продолжительнаго изслѣдованія, были—подлинныя факты.

«Результатъ сихъ продолжительныхъ и тщательно произведенныхъ опытовъ сводится къ слѣдующимъ окончательнымъ выводамъ:

«1) Что при нѣкоторыхъ физическихъ или психическихъ условіяхъ одного или нѣсколькихъ присутствующихъ лицъ, проявляется сила способная приводить въ движеніе тяжелыя тѣла, безъ всякаго употребленія мышечной силы, безъ прикосновенія, и безъ всякаго вещественнаго сообщенія между сими тѣлами и тѣлами присутствующихъ лицъ.

«2) Что эта сила можетъ производить отчетливо-слышныя звуки, исходящіе, повидимому, изъ твердыхъ тѣлъ, не находящихся въ прикосновеніи и не имѣющихъ никакого видимаго или вещественнаго сообщенія съ тѣломъ кого-либо изъ присутствующихъ лицъ. Что звуки эти дѣйствительно исходятъ изъ твердыхъ предметовъ, это доказано было вибраціями, ясно ощутимыми, при прикосновеніи къ симъ предметамъ.

«3) Что сила эта часто направляется чѣмъ то разумнымъ.

«Тѣ или другія изъ явленій имѣли мѣсто при *тридцати-четырехъ* засѣданіяхъ отдѣленія.

«Описаніе одного опыта и способа веденія его всего лучше покажетъ тщательность и осторожность, съ которыми комитетъ производилъ свои изслѣдованія.

«Покуда кто либо изъ находящихся въ комнатѣ прикасался, или даже имѣлъ возможность прикоснуться—пальцемъ, ногою или даже платьемъ—къ движущемуся или звучащему предмету,—не могло быть полной увѣренности въ томъ, что движенія или звуки не производились лицомъ, прикасавшимся, такимъ образомъ, къ испытуемому предмету.

«Поэтому былъ произведенъ слѣдующій опытъ: послѣ того какъ присутствовавшіе, въ числѣ одиннадцати чело-вѣкъ, просидѣли за обѣденномъ вышеописаннымъ столомъ въ продолженіи сорока минутъ и произошли разныя движенія и звуки, стулья были обращены *спинками къ столу*, въ разстояніи девяти дюймовъ отъ него. Затѣмъ всѣ присутствовавшіе встали колѣнями на стулья, а руки положили на ихъ спинки. Въ такомъ положеніи ноги, очевидно, были обращены въ противоположную отъ стола сторону и никакимъ образомъ не могли быть поставлены подъ него или касаться пола. Затѣмъ руки были протянуты надъ столомъ, въ разстояніи около четырехъ дюймовъ отъ его поверхности.

«Въ такомъ положеніи прикосновеніе къ какой либо части стола было физически невозможно.

«Менѣе чѣмъ чрезъ минуту столъ, никѣмъ не тронутый, двинулся *четыре* раза; сперва *пять* дюймовъ въ одну сторону, потомъ *двѣнадцать* дюймовъ въ противоположную, затѣмъ еще около четырехъ дюймовъ и, наконецъ, еще около шести дюймовъ.

«Затѣмъ руки были положены на спинки стульевъ, въ разстояніи около фута отъ стола. При этихъ условіяхъ, столъ двинулся опять *четыре* раза, на четыре и на шесть дюймовъ. Послѣ того, всѣ стулья были отодвинуты *на одинъ футъ отъ стола*. Всѣ стали на нихъ на колѣни, какъ прежде. Всѣ заложили руки свои за спину, такъ что тѣла ихъ были за полтора фута отъ стола, при чемъ спинки стульевъ находились между ними и столомъ. При этихъ условіяхъ, столъ двинулся опять четыре раза, какъ прежде. Во время этого рѣшительнаго опыта, менѣе чѣмъ въ продолженіи получаса, столъ двигался, безъ прикосновенія или возможности прикосновенія къ нему кого либо изъ присутствующихъ, *двѣнадцать* разъ, въ различныя стороны, и иногда — по указанію присутствовавшихъ.

«Послѣ того, столъ былъ тщательно осмотрѣнъ, опрокинутъ, разобранъ,—но ничего не открылось. Во время всего опыта газъ горѣлъ надъ столомъ полнымъ огнемъ.

«Отдѣленіе имѣло случай засвидѣтельствовать въ совокупности до *пятидесяти* подобныхъ движеній безъ прикосновенія, на восьми различныхъ засѣданіяхъ, на квартирахъ различныхъ членовъ отдѣленія, принимая, при этомъ, для повѣрки, самыя тщательныя мѣры, какія только оно могло общими усиліями придумать.

«Во всѣхъ этихъ опытахъ надъ движеніемъ безъ прикосновенія, были приняты крайнія предосторожности, чтобъ устранить возможность механическаго или инаго приспособленія. Но эта возможность устранялась отчасти и тѣмъ, что движенія происходили въ разныя стороны и по разнымъ направленіямъ, что потребовало

бы содѣйствія многихъ рукъ и ногъ, которыя, вслѣдствіе величины и вѣса стола, не могли бы быть пущены въ дѣло безъ видимаго употребленія мышечной силы. Всѣ руки и ноги были ясно видимы, и всякое ихъ движеніе было бы немедленно открыто.

«Тутъ не могло быть и самообольщенія. Движенія производились съ одного мѣста комнаты до другаго, и были видимы одновременно для всѣхъ. Это было дѣломъ измѣренія, а не предположенія или воображенія.

«Отдѣленіе не нашло ничего такого, что подтверждало бы обыкновенное предположеніе, что присутствіе скептическихъ лицъ препятствуетъ нѣкоторымъ образомъ проявленію или дѣйствію силы.

«Отдѣленіе не получило, въ общемъ результатъ, никакихъ доказательствъ, относительно природы или источника этой силы, но только относительно вопроса—*существуетъ она или нѣтъ.*

«Въ заключеніе отдѣленіе выражаетъ свое единогласное убѣжденіе, что единственное важное физическое явленіе, которое было ему доказано,—а именно, что *движеніе можетъ быть произведено въ твердыхъ тѣлахъ безъ вещественнаго къ нимъ прикосновенія, силою досель неизвѣстною, дѣйствующею на неопредѣленномъ разстояніи отъ человеческого организма и внѣ области мышечнаго дѣйствія*—должно быть подвержено дальнѣйшему научному изслѣдованію, съ цѣлію уясненія его настоящаго источника, свойства и значенія.

«Протоколы опытовъ, произведенныхъ при каждомъ засѣданіи, и результатовъ ихъ, при семъ отчетѣ прилагаются».

Въ то время какъ въ Англіи появились замѣчательные, опыты г. Крукса надъ психической силой и отчетъ комитета Діалектическаго Общества о спиритуализмѣ, наша литература также обогатилась двумя произведеніями по этой части: 1) статьею «Православнаго Обзорѣнія» (августъ и октябрь, 1871), подъ заглавіемъ: «Новѣйшій спиритизмъ и его связь съ древними языческими суевѣріями и заблужденіями», и 2) книгою г. Сумарокова «Что такое спиритизмъ и его явленія». С.-Петербургъ, 1871.

Первое изъ этихъ произведеній (судя по первымъ двумъ вышедшимъ статьямъ), есть ничто иное,—чтобъ выразиться самымъ благодушнымъ и почтительнымъ образомъ, изъ уваженія къ достойному журналу, его обнарудовавшему,—какъ сказка о спиритизмѣ,—фантазія на эту тему, разыгранная весьма посредственнымъ артистомъ. Иначе нельзя отозваться о композиціи, составленной изъ несуществующихъ фактовъ, несуществующихъ авторовъ и несуществующихъ сочиненій, бездоказательныхъ положеній, ложныхъ цитатъ, и другихъ подобныхъ диковинокъ, собранныхъ по окольнымъ дорогамъ изъ десятыхъ рукъ,—не говоря уже про нещадное обращеніе съ логикой. Слова свои я могу подтвердить документально, но для этого потребовалось бы написать цѣлый томъ, который, тѣмъ не менѣе, не уничтожитъ факта, что подобная сказка нашла себѣ мѣсто на страницахъ «Православнаго Обзорѣнія». Еслибъ исторія могла привлекать своихъ лѣтописцевъ къ суду, тогда—дѣло другое, было бы изъ чего тратить время....

Что касается до втораго произведенія, книги г. Сумарокова «Что такое спиритизмъ и его явленія», то это дѣйствительно вопросъ, но безъ отвѣта. На первой стра-

ницѣ г. Сумароковъ общаетъ «изложить все, что извѣстно до сихъ поръ о физическихъ явленіяхъ, производимыхъ медіумами». Но изъ пятидесяти страницъ, которыя авторъ посвящаетъ этому изложенію, очевидно, что въ общаніи своемъ онъ пропустилъ *три буквы*, что онъ хотѣлъ изложить только то, что *ему* извѣстно объ этихъ явленіяхъ,—что совершенно измѣнило бы смыслъ его труда и могло бы вполнѣ послужить ему въ защиту. Безъ этихъ же *трехъ буквъ* книга не выдерживаетъ критики. Сначала спиритизмъ и его явленія осмѣяны; потомъ на одной страницѣ дѣлается уступка, упоминается объ «исключительныхъ натурахъ», о «привилегированныхъ медіумахъ», при которыхъ бывають явленія, «выходящія изъ ряда обыкновенныхъ» (стр. 49). Затѣмъ, послѣ разныхъ дисгрессій, излагается теорія для доказательства, что «всѣ явленія физическаго (?) спиритизма сводятся къ проявленію нѣкоторыхъ свойствъ нашего духа» (стр. 221). Но въ чемъ же состоятъ *всѣ* эти явленія, и чѣмъ отличаются обыкновенныя отъ необыкновенныхъ, привилегированныя медіумы отъ непривилегированныхъ, и т. д. — осталось вопросомъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ цѣлый трактатъ о явленіяхъ, неизвѣстно какихъ, и цѣлую теорію для объясненія—неизвѣстно чего.

Пора надѣяться, что на будущее время, наши писатели о спиритизмѣ перестанутъ пробавляться слухами и сплетнями, и единственнымъ Кардекомъ, но обратятся къ подлиннымъ источникамъ *спиритуализма*, изъ коихъ нѣкоторые достаточно указаны въ этомъ сборникѣ.

2007332451